

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2021

Том 21

Выпуск 4

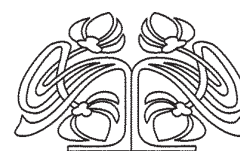
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2021 Том 21
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Артемов В. Н.** Теория справедливого государства в философской концепции институционального человека 362
- Голубинская А. В.** Сомнение как механизм смены эпистемических состояний (на материалах философии прагматизма и нейропсихологии) 367
- Иванов А. Г.** Социальный миф как фактор конструирования образов будущего 372
- Иванова Д. Н.** Повседневность как актуальная форма жизни 377
- Кострицкая Т. А.** Марксизм как часть андроцентристской традиции: феминистская надстройка и андроцентристский базис 382
- Листвина Е. В.** Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху 386
- Лобанова Е. С.** Концепция креативности в проблемном поле современной социальной философии 390
- Мартынова О. А.** Историко-философские взгляды В. И. Засулич (на примере работы «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей») 394
- Мозжилин С. И.** Теорема Святого Иоанна 399
- Орлов М. О.** Изучение религиозных традиций как фактор обеспечения светского характера культуры и образования 405
- Щербаков В. Ю.** Генезис русской религиозной философии славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского 410
- Щетинина О. В.** Философские основания специфики социальных технологий в сфере социальной политики 415

Психология

- Романова Н. М.** Социально-психологические характеристики осужденных, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления 420
- Фролова С. В.** Позитивное психологическое консультирование: теоретические начала и методологические основания 427
- Южанинова А. Л.** Первый саратовский профессор психологии А. А. Крогиус: к 150-летию ученого 440
- Ярошенко Е. И.** Особенности психологической устойчивости личности и проявления феномена эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы в условиях пандемии COVID-19 446

Педагогика

- Закиева Р. Р.** Анализ подходов оценки качества результатов подготовки студентов в системе профессионального образования за рубежом 451
- Киселева Т. И.** Цифровые образовательные ресурсы развития познавательных интересов младших школьников во внеурочной деятельности 456
- Таинкин А. А.** Дистанционное проведение занятий на практике по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности (сестринское дело) на лечебном факультете 460
- Тимушкин А. В., Попов А. В.** Возможности высокогорья в оптимизации состояния спортсменов 467
- Молочко А. В.** Видеоматериалы в образовательном процессе: опыт апробации и использования (на примере естественнонаучных дисциплин) 472

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 09.00.01, 09.00.03; 09.00.05; 09.00.07; 09.00.08; 09.00.11; 09.00.13; 09.00.14; 13.00.01; 13.00.02; 13.00.05; 13.00.08; 19.00.01; 19.00.04; 19.00.05; 19.00.07)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-ri.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 16.12.2021

Подписано в свет 24.12.2021

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,71 (14,75).

Тираж 500 экз. Заказ 145-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;
- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Artyomov V. N.** The theory of a just state in the philosophical concept of the institutional person 362
- Golubinskaya A. V.** Doubt as a mechanism of the change of epistemic states (On the materials of the philosophy of pragmatism and neuropsychology) 367
- Ivanov A. G.** Social myth as a factor in constructing images of the future 372
- Ivanova D. N.** Daily reality as a relevant form of life 377
- Kostritskaya T. A.** Marxism as a part of the androcentric tradition: The feminist superstructure and the androcentric base 382
- Listvina E. V.** Modern socio-cultural communications: Transformations in the digital age 386
- Lobanova E. S.** The concept of creativity in the problem field of modern social philosophy 390
- Martynova O. A.** Historical-philosophical views of V. I. Zasluch (On the example of the work “Jean-Jacques Rousseau. The experience of characteristics of his social ideas”) 394
- Mozzhillin S. I.** St. John’s theorem 399
- Orlov M. O.** Study of religious traditions as a factor in ensuring the secular nature of culture and education 405
- Shcherbakov V. Yu.** Genesis of Russian religious philosophy of the Slavophiles A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky 410
- Shchetinina O. V.** Philosophical foundation of the peculiarities of social technologies in a social policy area 415

Psychology

- Romanova N. M.** Socio-psychological characteristics of convicted persons who have committed violent and self-serving violent crimes 420
- Frolova S. V.** Positive psychological counseling: Theoretical bases and methodological foundations 427
- Yuzhaninova A. L.** The first Saratov professor of psychology A. A. Krogius: On the 150th anniversary of the scientist 440
- Yaroshenko E. I.** Features of the psychological stability of the individual and the manifestation of the phenomenon of emotional burnout of employees of the penitentiary system in the context of the COVID-19 pandemic 446

Pedagogy

- Zakieva R. R.** Analysis of approaches to assessing the quality of the results of student training in the system of vocational education abroad 451
- Kiseleva T. I.** Digital educational resources for the development of cognitive interests of primary school children in extracurricular activities 456
- Tainkin A. A.** Remote practical training to gain professional skills and professional experience (nursing) at the medical faculty 460
- Timushkin A. V., Popov A. V.** The possibilities of the highlands in optimizing the condition of athletes 467
- Molochko A. V.** Video materials in the educational process: Experience of approbation and use (The case of natural science disciplines) 472

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ
СЕРИЯ. СЕРИЯ: Философия. Психология. Педагогика»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Крейг Камл, Ed. D (доктор), профессор (Гринвиль, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

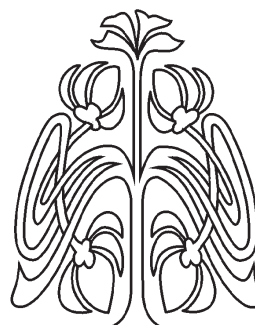
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

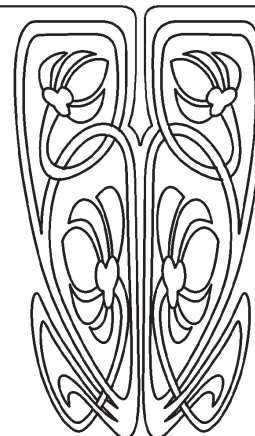
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Craig Kaml (Greenville, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 362–366

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 362–366
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-362-366>

Научная статья
УДК 1.316

Теория справедливого государства в философской концепции институционального человека

В. Н. Артемов

Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 412300, Саратовская область, г. Балашов, ул. Карла Маркса, д. 29

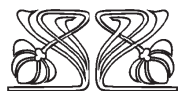
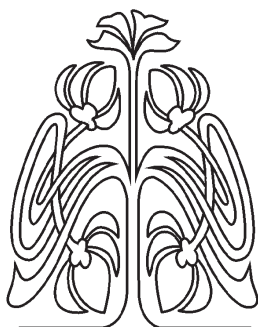
Артемов Владимир Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, vladimir-artemov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7624-0375>

Аннотация. Антагонизмы в развитии современных социальных отношениях вновь делают актуальной проработку идеи создания комфортных условий жизни для человека в социуме. Это обстоятельство предполагает переоценить теорию справедливого государства в контексте философской концепции институционального человека, предметно осмыслив институциональную организацию социума, сопоставив ее с вариативностью задач современной демократии. Философская концепция институционального человека о справедливом государстве как рациональном концепт-конструкте для жизни человека и организации общества продолжает серию научных статей о концепции институционального человека: онтологические и ценностные основания, раскрывающих ее новые возможности при анализе социального бытия. При рассмотрении проблемы становления социального государства как рационального концепт-конструкта для жизни человека и организации общества сквозь призму философской концепции институционального человека вскрываются принципы и механизмы ее решения. В статье обращается внимание на естественные процессы становления среднего класса и развитие ценностного сознания, которые, сохраняя функциональную дифференциацию в обществе, формируют его социально-классовую однородность, определяя единые задачи современной демократии, направленные на выравнивание частных интересов отечественной буржуазии с национальными и региональными интересами развития страны и личными интересами человека, на безболезненное превращение отечественных олигархов в аристократов, в союзников среднего класса.

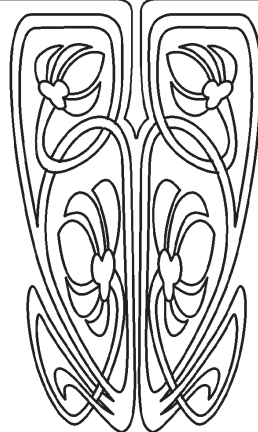
Ключевые слова: демократия, идеология, институциональный человек, культура, порядок, система, совершенное государство, социум, средний класс, философская концепция

Для цитирования: Артемов В. Н. Теория справедливого государства в философской концепции институционального человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 362–366. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-362-366>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The theory of a just state in the philosophical concept of the institutional person

V. N. Artyomov

Balashov Institute (Branch) of Saratov State University, 29 Karl Marks St., Balashov 412300, Saratov Region, Russia

Vladimir N. Artyomov, vladimir-artemov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7624-0375>

Abstract. The antagonisms in the development of modern social relations make working out the idea of creating comfortable life conditions for a person in society topical again. This circumstance suggests reconsidering the theory of a just state within the context of the philosophical conception of the institutional person with a substantial comprehension of the institutional organization of society comparing it with the variability of the tasks of modern democracy. The philosophical concept of the institutional person concerning a just state as a rational concept-construct for a human life and the organization of society continues a series of scientific articles on the concept of the institutional person: the ontological and value foundations which reveal its new possibilities for the analysis of social being. When considering the problem of the formation of a social state as a rational concept-construct for a human life and the organization of society through the prism of the philosophical concept of the institutional person, the principles and mechanisms of its solution are revealed. The paper draws attention to the natural processes of the formation of the middle class and the development of value consciousness which, while maintaining functional differentiation in society, form its social and class homogeneity defining the common tasks of modern democracy aimed at aligning the private interests of the domestic bourgeoisie with the national and regional interests of the country's development and the personal interests of a human being, and to the painless transformation of domestic oligarchs into aristocrats, into allies of the middle class.
Keywords: democracy, ideology, institutional person, culture, order, system, perfect state, society, middle class, philosophical concept

For citation: Artyomov V. N. The theory of a just state in the philosophical concept of the institutional person. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 362–366 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-362-366>
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Глобальные проблемы современности, угрожающие не только развитию человечества, но и планете, формируются в том числе как из-за нерациональных международных социально-политических отношений, так и социально-экономических отношений внутри современных государств. В этих условиях появляющиеся в средствах массовой информации заявления о несостоятельности становления социально-справедливого государства, использующие в качестве примера Советский Союз, уже не выдерживают критики. Антагонизмы в развитии современных социально-политических отношений вновь делают актуальной проработку идеи становления социально-справедливого государства для создания комфортных условий жизни человека в социуме.

В «Государстве» Платона, в «Политике» и «Афинской политике» Аристотеля проводится объемный анализ социального бытия, позволивший сделать вывод о трансформации семьи в природное государство [1, с. 460]. То есть «семья» определяет общее векторное направление своего развития, выражающее общие цели, формирующие пространство свободы, в котором реализуются разнонаправленные и разноплановые интересы членов социума. Такой подход, как фундамент в выделении социального аспекта государства, как никогда важен в начале третьего тысячелетия для устранения антагонизмов в развитии современных социальных и политических отношениях. Это обстоятельство формирует **цель статьи**: рассмотреть теорию социально-справедливого государства в контексте философской концепции

институционального человека, предметно переосмыслив институциональную организацию социума, сопоставив ее с вариативностью задач современной российской демократии.

Философское осмысление семьи в качестве социально-экономического фундамента становления естественного государства имеет важное политическое значение для понимания единства общества и человека. В ситуации, когда государство поддерживает деление на «мы» и «они», утрачиваются объективные смыслы как государства, так и общества, рождается «Левиафан» Т. Гоббса и современные теории государства.

Люди, почувствовавшие отсутствие своей потребности, не в состоянии выступать полноценным атрибутом государственных институтов. Исчезают социальная справедливость и социальная ответственность. Таким нетривиальным способом сужается пространство свободы, формируется социальное отчуждение, ведущее к ужесточению экономической и политической эксплуатации человека. На эти моменты социальной жизни всегда обращалось и обращается внимание ученых как в советский период (в частности профессор А. П. Бутенко) [2, с. 16], так и в настоящее время. Отсутствие государственной идеологии и соответственно идеологов-профессионалов ведет к тому, что в ряде субъектов Российской Федерации коррупция и преступность де-факто становятся неотъемлемой частью их социальной жизни [3, с. 168]. Эти негативные явления в современном обществе подтверждают актуальность темы исследования.

Философское осмысление и конструирование рационального, социально-справедливого государства стали занимать умы мыслителей одновременно с зарождением первых государственных образований. Развитие философских знаний о мироздании, о социальном бытии человека способствовало становлению различных философских концепций, в той или иной мере предполагающих решение этой задачи. Платону впервые удастся выделить при анализе социального бытия функциональное соответствие системы человек = общество, проясняющее причины существования, с точки зрения социальной справедливости, «правильных» и «неправильных» государств.

При анализе тимократии, показывая носителя разума, склонного подчинять себе других, Платон выделяет ценностные основания тимократического человека, формирующие его сознание. Подвергая критическому анализу строй, основанный на имущественном цензе, олигархию [4, с. 335], философ обращает внимание на то обстоятельство, что при господстве небольшой группы людей, игнорирующих интересы общества, разрушается смысл социального. Разрушения смысла социума как целого всегда сопровождаются деградацией социальных связей и социальных институтов. Социальная справедливость замещается милостью. Извращенное сознание человека наталкивает Платона на мысль о том, что сознание человека влияет на становление бытия. Формируется понимание того, что это взаимообусловленные процессы.

Отстаивая точку зрения о том, что демократия – лучшая система организации государственной власти, Платон обращает внимание на отсутствие идеологии, останавливается на проблемах культуры и образования представителя народовластия [4, с. 349]. Свобода становится синонимом безрассудства и вседозволенности. Развивающиеся наглость и порча нравов стимулируют деградацию личности. Толпа уступает свои полномочия тирану и как результат – законопослушных граждан как ничего не стоящих людей смешивают с грязью. Формируется диктатура.

Настаивая на том, что главным государственным благом и источником цельности человеческой природы является социальная справедливость [1, с. 379], Аристотель затрагивает вопросы порядка владения и распоряжения собственностью. Понимая под социальной справедливостью всеобщее, что определяет совокупность многообразия существующих интересов, регулируемых законами, выражающих положительные стороны общественной и частной собственности, фило-

соф доказывает, что именно такие государства являются правильными [1, с. 456]. В правильном, или природном, государстве общественный порядок имеет смысл «в обращенности к сознанию человека» [5, с. 122], т. е. государственные, региональные, местные, частные и личные интересы отражают систему функционального соответствия. В этом случае государство и гражданское общество, решая общую задачу социального развития, приобретают одно и то же значение, выражающее смысл социального единства, семьи, страны и государства.

Проработка концепт-конструкта социального государства в контексте философской концепции институционального человека ведет к пониманию закономерной необходимости вычленения функционального соответствия в социальной системе «человек – общество» как необходимого и достаточного условия для сохранения стабильного порядка и устойчивого социального развития. Анализ социальных институтов вскрывает специфику развития демократии в XXI в. Становление модели надклассовой демократии позволяет в настоящей действительности реализовать принципы «природного государства».

В демократии народ всегда выражает социальное равенство, а власть – социальные свободы. Равенство и свобода являются необходимыми и достаточными условиями становления любой демократии. Какие существуют в обществе свободы и равенство, такая существует и демократия. Классовое общество формирует классовые демократии. Урбанизация, развитие культуры и образования стирают социально-классовые границы и закладывают фундамент новой, надклассовой демократии. Становление новой демократии в современном российском функционально дифференцированном обществе, структурируемом различными институтами и институциями, пронизанном бессистемными частными, общественными и личными интересами, является достаточным условием для превращения нашей страны в социально-справедливое государство.

Традиционно реализуясь в виде конституционной монархии, аристократической республики, классовые демократии, объективируя системы социального самоуправления, начали применять в своей практике элементы надклассовой демократии. Через рациональную систему управления и самоуправления, значительно расширяя пространство свободы сегодня, надклассовая демократия может материализоваться как сбалансированная система социальных и частных интересов, отражающая действие объективных законов социальной диалектики, того

вечного и неизменного, имеющего реальную силу при любом государственном устройстве.

Законосообразный процесс становления новой демократии в контексте развития среднего класса как доминирующей социально-политической силы современного общества предполагает дальнейшее совершенствование демократии. Усиление влияния среднего класса запускает процесс консолидации политических идеологий. Традиционные либеральные, консервативные, социал-демократические и прочие политические идеологии, теряя свои социально-классовые границы, устремившись к «центру», заложили фундамент современной надклассовой философии, выражающейся политической формулой: либерализм + консерватизм = социал-демократия. Это объясняет, почему в нашей стране и в странах западной демократии социально-политические структуры, парламентские партии, профсоюзы, в которых численно доминирует средний класс, по логике должны представлять его интересы, которые они в полном объеме не выражают.

Численное доминирование среднего класса в социуме стирает социально-классовые границы, формирует социальную однородность общества и его консолидации на становление надклассовой демократии. Новая демократия, учитывая интересы управления и самоуправления, предполагает прямые выборы лидеров вертикали власти и самоуправления. Такая система выборов организует рациональную работу социальных лифтов ротации элит, одновременно нивелируя социальное отчуждение в единстве социума. В этом случае власть, обеспечивая свободы личности, перестает быть силой угнетения, превращается в ценность свободы. Пренебрежение или сознательное игнорирование законов социальной диалектики правящими элитами разрушает смысл социальной справедливости, что ведет к дисбалансу системы социальных интересов. В качестве исторического примера логично вспомнить попытку принудительного обобществления политическими элитами всего социально-экономического хозяйства страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Формально такая политика выражала интересы победившего рабочего класса, но, по мнению С. Л. Франка, была политикой варваризации, являлась «безумием большевистского переворота» [6]. Во всяких социально-политических модернизациях всегда реализуется множество нерациональных мероприятий. Поэтому, когда желаемый результат не достигается, правящие элиты начинают переосмысливать свои действия, понимать, что сделали много, чего не следовало делать [7,

с. 516]. Доминирование государственного интереса и практическое игнорирование региональных, местных и личных интересов в Советском Союзе привело к кризису советской демократии.

Курс политической модернизации, заложенный в нашей стране, в 1990-е гг., формально выражая интересы управляемой демократии, имеет много общего в плане разрушения национальной экономики и культуры с революционными преобразованиями после 1917 г. Политические правящие элиты сегодня повторяют подвиг своих предшественников по самоуничтожению. Проводимая внутренняя политика практически один в один дублирует системные ошибки советских реформаторов, что в конечном итоге также приведет современную реформу к краху.

Воплощение теории справедливого государства в практику бытия отражает естественное развитие демократии. Сохраняя функциональную дифференциацию в обществе, средний класс стирает социально-классовые различия и формирует однородность социума, которая определяет единые задачи надклассовой демократии, направленные на выравнивание частных интересов отечественной буржуазии с национальными и региональными интересами развития страны и личными интересами человека. В России, как и в большинстве развитых стран мира, существуют пять уровней власти: сельская, районная, городская, региональная, федеральная. Вследствие этого в нашей стране сложились соответствующие пять уровней социально-властных интересов, определяющих систему политических и социально-экономических интересов современного российского общества. Опираясь философской концепцией институционального человека, которая показывает, что приведенные в функциональное соответствие пять уровней власти = пять уровней социально-экономических интересов автоматически выравнивают систему социальных, частных и личных интересов в одном векторном направлении развития страны. Это, в свою очередь, есть необходимое и достаточное условие для становления новой демократии и современного социально-справедливого государства.

При обосновании взаимообусловленности социальной справедливости и социальной ответственности формируется фундаментальная основа рациональной системы власти – управления и самоуправления, что является смыслом новой демократии. В свою очередь становление надклассовой демократии исключает любую политику, направленную на ухудшение жизни людей, которые хотят хорошо жить сегодня, а не в

загробном завтра. Мысли Платона и Аристотеля о совершенном государстве в концепции институционального человека позволяют раскрывать природу справедливого государства, модель которого как рациональный концепт-конструкт для жизни человека и организации социума получает возможность быть реализованной в практике. Это есть те рациональные и необходимые цели и задачи для демократического развития страны, которые сегодня должны быть переосмыслены политическими элитами и лечь в основу политической программы правящей партии.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 828 с.
2. *Бутенко А. П.* Власть народа посредством самого народа. М. : Мысль, 1988. 208 с.
3. *Вершилов С. А.* Военная безопасность государства (социально-философский анализ). Ульяновск : Зебра, 2015. 290 с.
4. *Платон*. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 3. 655 с.
5. *Устьянцев В. Б.* Человек, жизненное пространство, риски. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2012. 208 с.
6. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshchestva (дата обращения: 10.03.2017).
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 18. 516 с.

References

1. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4. 828 p. (in Russian).
2. Butenko A. P. *Vlast naroda posredstvom samogo naroda* [The Power of People Through People Themselves]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 208 p. (in Russian).
3. Vershilov S. A. *Voennaya bezopasnost gosudarstva* [The Military Security of the State (A Socio-Philosophical Analysis)]. Ulyanovsk, Zebra Publ., 2015. 290 p. (in Russian).
4. Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [A Collection of Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3. 655 p. (in Russian).
5. Ustyantsev V. B. *Chelovek, zhiznennoe prostranstvo, riski* [The Person, Living Space, Risks]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo Universiteta, 2012. 208 p. (in Russian).
6. Frank S. L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* (Spiritual Foundations of Society). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshchestva/ (accessed 10 March 2017) (in Russian).
7. Marx K., Engels F. Collection Works: in 50 vols. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1961, vol. 18. 516 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.07.2021, после рецензирования 13.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 05.07.2021, revised 13.07.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 367–371

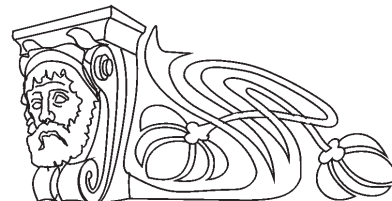
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 367–371

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-367-371>

Научная статья
УДК 165.0:159.9

Сомнение как механизм смены эпистемических состояний (на материалах философии прагматизма и нейропсихологии)

А. В. Голубинская

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Голубинская Анастасия Валерьевна, кандидат философских наук, научный сотрудник, golub@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7119-3968>

Аннотация. Наука до сих пор не нашла ответ на вопрос: как устроены познавательные механизмы, которые имеют решающее значение для субъективных процессов оценки достоверности информации и сомнения. Эту способность обычно связывают как с прагматическими последствиями принятия убеждения, так и с материальной стороной сознания. В данной статье предлагается сравнить одну из наиболее крупных концепций сомнения в философии – прагматическую концепцию – с теорией ложных тегов, представленную Э. Аспом для нейропсихологического объяснения сомнения. Выводятся свойства сомнения как эпистемического состояния, т. е. состояния психической действительности субъекта, которое формируется под воздействием внешних и внутренних факторов. Приведенные в статье результаты исследования позволяют выявить возможность применения междисциплинарного подхода в дальнейших исследованиях познавательной деятельности человека как механизма различных эпистемических состояний. Приводится заключение, что сомнение само по себе не является одним из таких состояний, а представляет собой вторичный психологический акт, обеспечивающий переход из одного эпистемического состояния в другое. Это есть альтернатива закрепившемуся в философии подходу, при котором сомнение предшествует факту принятия знания и выступает неотъемлемым этапом познавательного процесса.

Ключевые слова: сомнение, убеждение, эпистемическое состояние, смена эпистемических состояний, прагматизм, теория ложных тегов, ложные теги, философия сомнения, психология сомнения

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, номер проекта МК-6208.2021.2.

Для цитирования: Голубинская А. В. Сомнение как механизм смены эпистемических состояний (на материалах философии прагматизма и нейропсихологии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 367–371. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-367-371>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Doubt as a mechanism of the change of epistemic states (on the materials of the philosophy of pragmatism and neuropsychology)

A. V. Golubinskaya

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhni Novgorod 603022, Russia

Anastasia V. Golubinskaya, golub@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7119-3968>

Abstract. Science has not yet found a solution to the question of how cognitive mechanisms, which are crucial for the subjective processes of evaluating the reliability of information and doubt, are arranged. This ability is usually associated with both the pragmatic consequences of accepting a belief and the material substance of consciousness. In this article, the author proposes to compare one of the largest conceptions of doubt in philosophy, the pragmatic conception, with the theory of false tags, which was presented in the last decade by the neuropsychologist E. Asp in order to explain the phenomena of doubt. The article presents the theoretical aspects of both conceptions, which allows to derive the properties of doubt as an epistemic state, that is, the state of the subject's cognitive reality, formed under the influence of external (situational, pragmatic) and internal (neuropsychological) factors. The results of the study presented in the article allow us to conclude the possibility of an interdisciplinary approach in further studies of human cognitive activity as a mechanism of various epistemic states. It is concluded that doubt itself is not one of these states, but is a secondary psychological act that ensures

the transition from one epistemic state to another. This offers an alternative view to the approach established in philosophy, in which doubt precedes the fact of accepting knowledge and is an essential stage of the cognitive process.

Keywords: doubt, belief, epistemic state, change of epistemic states, pragmatism, false tagging theory, false tags, philosophy of doubt, psychology of doubt

Acknowledgements: The study was supported by the Council on Grants of the President of the Russian Federation for State Support of Young Russian Scientists (Project MK-6208.2021.2).

For citation: Golubinskaya A. V. Doubt as a mechanism of the change of epistemic states (on the materials of the philosophy of pragmatism and neuropsychology). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 367–371 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-367-371>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема сомнения давно перестала быть исключительным интересом теории познания. В условиях массовой доступности информации возникает потребность в понимании природы сомнения: рост заблуждений, споры о канцерогенах в табаке, глобальном потеплении и вакцинах, феномены «фейк-ньюс» и «постправда» заставляют по-новому рассмотреть способность человека к сомнению. Это рассмотрение предполагает взгляд на сомнение как на психический акт или эпистемическое состояние. Использование понятия «эпистемическое состояние» подразумевает, что пропозициональные установки типа «знать», «верить», «сомневаться» рассматриваются как состояния психической, когнитивной реальности человека в отличие от логических и эпистемологических подходов к знанию. В данной статье предлагается точка зрения, согласно которой сомнение не является одним из таких состояний, точнее, выступает как временное или переходное состояние, при помощи которого субъект либо приходит к принятию информации как истинной (знание), либо отрицает ее, либо оказывается в неопределенности.

Теоретические следствия нейропсихологии сомнения

Д. Канеман заключил, что человек – это постоянно движущаяся машина убеждений со слабыми тормозами сомнения [1]. Это связано с тем, что в качестве элемента когнитивных процессов человеческой психики сомнение носит вторичный характер. В социальной психологии предполагается, что первоначальный шаг понимания чего-либо неотделим от принятия информации как истинной [2, 3], и только вторичный психологический акт может вызвать сомнение. Это означает, что в процессе обработки высказывания мы «примеряем» его как истинное и только впоследствии подвергаем его критическому анализу. Следовательно, наступление состояния сомнения зависит от того, как проходит эта самая «примерка». Что означает эта «примерка»? Является ли она непосредственно анализом правдоподобности высказывания или,

наоборот, актом безусловного предварительного принятия убеждения, которое будет или не будет развеяно вторичной обработкой? Имеется в виду, что данную теорию можно понимать двояко. Первый возможный «сценарий» предполагает, что оба этапа обработки являются аналитическими: на первом субъект исходит из установки «что, если это действительно так», а на втором – «что, если это не так». Второй «сценарий» исключает аналитические акты на первом этапе: субъект принимает убеждение и только в случае очевидного нарушения правдоподобности запускает механизмы второго этапа.

Теория ложных тегов, предложенная Эриком Аспом в качестве нейропсихологической модели процессов убеждений и сомнений, предполагает, что понимание суждения автоматически вводит человека в «состояние» веры, и только впоследствии субъект распознает (или не распознает) определенные маркеры, или «теги ложности». Основы этой идеи не новы. С первого взгляда кажется, что философия содержит некоторую интуитивную предустановку, что фиксация убеждения – это медленный процесс и что у нас есть способность анализировать истинность предложения, прежде чем согласиться с этим предложением. Однако элементы, похожие на концепцию Э. Аспа, содержит, к примеру, картезианская модель познания: «Ведь хотя вероятные догадки увлекают меня в одну сторону, одного только осознания их в качестве догадок, исключающих достоверность и несомненность доводов, довольно для того, чтобы отклонить мое доверие в сторону противоположную. В эти дни я довольно часто испытывал подобное чувство – когда все то, что я прежде считал в высшей степени истинным, я расценивал как совершенно ложное лишь потому, что замечал возможность сомнения в этих вещах» [4, с. 49]. Можно сказать, что истинная информация получает тег истинности, а ложная информация – тег ложности. Или, например, теорема 42 «Этики» Б. Спинозы также отсылает к наличию «идеи истинности» и «идеи ложности» для квалификации новых суждений. В то время как у Декарта истинная информация обязательно

содержит «тег истинности», Спиноза утверждает, что только ложная информация получает «ложный» тег, а немаркированная информация автоматически принимается как истинная [5, 6]. Именно эту мысль продолжает теория ложных тегов: суждение должно быть «помечено», чтобы указать на ложность, в обратном случае сомнение не будет «запущено».

Способность к распознаванию таких меток связана с активностью в вентромедиальной префронтальной коре [7] в одном из тех участков, которые делают нас теми, кем мы являемся. Выражаясь словами Э. Аспа, функция такой активности похожа на роль вратаря: если убеждение не заблокировано на этом этапе, оно принимается. Однако в действительности эта функция больше похожа не на «вратаря», а на «вахтера», поскольку «блокируются» не все суждения, а только те, которые имеют необходимые теги (ложности).

«Человек сомневающийся» как категория философии прагматизма

Ч. С. Пирс указал на то, что формирование убеждений субъекта основывается на одном психологическом, эмоциональном факторе, который невозможно игнорировать: сомнение раздражает. Концепция «человека сомневающегося» предполагает, что всякий раз, когда нам нужно попытаться понять что-то, для чего у нас нет непротиворечивого объяснения, мы испытываем раздражение. С одной стороны, это раздражение положительно, т. е. конструктивно, поскольку побуждает нас к познавательной деятельности и преувеличению собственного багажа знаний, развитию некоторых аналитических практик. Это касается взгляда на сомнение как на акт производства экспертного знания. Но, с другой стороны, если полностью следовать взглядам Пирса, сам факт состояния «осознания незнания», т. е. признания бытия чего-то, что принципиально ускользает от нашего понимания, является также и прототипом тех бессмысленных идей, от которых скептический ум должен нас избавить (заблуждений). Эти стороны иллюстрируют естественный познавательный процесс. В течение жизни субъект приобретает новые убеждения, коллекционируя поводы сомневаться в имеющихся убеждениях [8].

В основе такой точки зрения лежит анализ сомнения как момента разрушения убеждения опытом. Сомнение следует из осознания несовместимости двух убеждений, принимаемых как достоверные. Одно из этих убеждений принято на основе ранее полученного опыта, а второе навязывается текущей перцептивной ситуацией. Р. Мейер предлагает описывать эту ситуацию так:

А сомневается в p , если и только если A убежден, что p и q , притом осознавая несоответствие между p и q [9, с. 17].

Допустим, мы сообщим A , что Земля имеет форму песочных часов. Абсолютно ничего не изменится в том, как он привык проводить время своей жизни, как он привык действовать. Здесь уместно вспомнить рассуждения Шерлока Холмса о том, что знание открытия Коперника – бесполезная информация, засоряющая мозг, поскольку в жизни человека она не меняет ровным счетом ничего. Понимая это, A не имеет никаких оснований запускать вторичную психологическую операцию, т. е. сомнение. Если же A профессионально занимается астрономией или преподает астрономию в школе, то, разумеется, подобное убеждение должно изменить многое в том, как следует выполнять привычные ему действия, и это служит основанием для того, чтобы «вратарь» Э. Аспа «включился в игру», т. е. для начала поисков маркеров ложности.

Сомнение, что важно для прагматизма, нарушает привычный способ действовать, основываясь на имеющихся убеждениях. В этом заключается укрепление прагматического контекста познания и сомнения: сомнение раздражительно по той причине, что перестраивает привычный порядок действия.

Идентичные начала концепции сомнения формулируются в лекциях У. Джеймса: «Индивид уже имеет запас старых убеждений, но он получает новый опыт, который ставит их в напряженное положение. Что-то противоречит им; или в момент размышления он обнаруживает, что они противоречат друг другу; или он слышит факты, с которыми они несовместимы; или в нем возникают желания, которые они перестают удовлетворять. Результатом этого является внутреннее беспокойство, которое его уму до сих пор было чуждо, и от которого он стремится убежать, изменяя массу прежних убеждений. Он делает это экономно настолько, насколько может, потому что в этом вопросе мы все крайние консерваторы. Он пытается изменить сначала одно мнение, потом другое ... пока, наконец, не появится какая-то новая идея, которую он может привить с минимальным нарушением последнего» [10, с. 74]. Для У. Джеймса сомнение и убеждение выступают психологическими установками, задающими определенное поведение их носителей. К примеру, сомневаясь в существовании какого-то объекта, мы можем продолжать действовать так, «как будто бы не сомневаемся», и это говорит о том, что наличие сомнения самого по себе или его отсутствие является совокупностью выражаемых человеком действий.

Затем, выявляя особые обстоятельства достаточности, при которых сомнение на чувственных основаниях игнорируется, Джеймс подбирается к идее зависимости стандартов познавательной деятельности от контекста этой самой деятельности. Он отмечает, что отсутствие причины сомневаться служит точкой отсчетов стандарта, позволяющего оправдать убеждение. В таком случае понятие причины для сомнения является более фундаментальным, чем понятия «сомнение» и «убеждение».

Д. Дьюи будто продолжает эту мысль, предлагая сразу несколько таких причин: верность принципу, согласно которому знание «есть завершённое разрешение изначально неопределённого» [11, с. 227], а также склонность к преждевременным суждениям, поспешность в выводах, чрезмерная любовь к простоте, пересмотр доказательств в угоду желаниям, принятие знакомого за ясное. Он воспроизводит общую для упомянутых авторов установку, что для человека не естественно беспокойство, сопровождающее все сомнительное, и он готов принять почти любые средства, чтобы покончить с этим. Однако приведенные им примеры говорят скорее об обратном, чем о том, что говорили ранее рассмотренные авторы: природа сомнения коренится не в неуверенности, а именно в уверенности субъекта. Только в этом положении раскрывается наиболее интересная в рамках текущей темы идея Д. Дьюи. Он отмечает, что оценка сомнения обнажает разницу между научным и обыденным мышлением: пока для первого сомнение есть созидательный поиск, для второго оно – разрушительная сила. Эти два типа мышления переживают столкновения: «Метод и выводы науки, без сомнения, вторглись во многие заветные представления о вещах, которые считались самыми дорогими, и возникшее в результате противоборство представляет собой подлинный культурный кризис» [11, с. 48].

Заключение

Возможно ли использовать концепцию ложных тегов на более высоком теоретическом уровне когнитивной философии? Мы предполагаем, что да, но с определенными оговорками.

Прежде всего для построения полноценной философско-психологической программы исследования сомнения необходимо определить, что именно представляют собой данные теги, – вопрос, который Э. Асп обошел стороной. Если приведенные в статье результаты сравнения его концепции с прагматическим подходом не вызывают принципиального возражения, то именно так это упущение можно восполнить.

Ч. С. Пирс настаивает на том, что источники сомнения следует искать в сомнениях других лиц, и хотя социальная детерминация сомнения не стала центральной проблемой для прагматиков, сомнение явно изображается как социально мотивированный феномен.

Предположение, что механизмы сомнения в сознании человека построены по простому языковому и формальному логическому алгоритму, как программа, которая распознает синтаксические и семантические ошибки в понятиях и связях между ними, наивно. Все же «вратарь» Э. Асп должен быть проинструктирован о том, как идентифицировать теги, и обретение сознанием идеи «ложного тега», очевидно, носит социальный характер. В данном случае прагматизм дополняет практико-ориентированную психологическую концепцию сомнения социальными аспектами, хотя утверждение такой связи само по себе не ново. Наиболее значимо в данной работе то, что предложенный опыт открывает перспективу непротиворечивого сочетания чувственного, рационального и социального начал определенного психического феномена. Предполагается, что дальнейшие исследования в данном направлении способны проложить по крайней мере один возможный путь для выведения исследований сомнения из разных наук о человеке на мультисистемный уровень.

Список литературы

1. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York : Farrar, Straus, and Giroux, 2011. 499 p.
2. Gilbert D. T. How mental systems believe // *American Psychologist*. 1991. Vol. 6. P. 107–119. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.46.2.107>
3. Asp E. W., Tranel D. False tagging theory: toward a unitary account of prefrontal cortex function // *Principles of Frontal Lobe Function*. 2nd ed. Oxford University Press, 2012. 777 p. <https://doi.org/10.1093/med/9780199837755.003.0029>
4. Descartes R. *Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences*. M. : Mysl', 1994. 640 p.
5. Nadarevic L., Erdfelder E. Spinoza's error: Memory for truth and falsity // *Memory & cognition*. 2013. Vol. 41(2). P. 176–186. <https://doi.org/10.3758/s13421-012-0251-z>
6. Warner K., Tranel D., Asp E. The Henchman's Brain: Neuropsychological Implications of Authoritarianism and Prejudice // *Neuroimaging Personality, Social Cognition, and Character*. Cambridge : Academic Press, 2016. P. 325–335. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800935-2.00017-8>
7. Asp E., Manzel K., Koestner B., Cole C. A., Denburg N. L., Tranel D. A neuropsychological test of belief and doubt: damage to ventromedial prefrontal cortex increases

- credulity for misleading advertising // *Frontiers in Neuroscience*. 2012. Vol. 6, № 100. P. 1–9. <https://doi.org/10.3389/fnins.2012.00100>
8. Pierce C. S. *Pragmatism and pragmaticism*. Belknap Press of Harvard University Press, 1965. 944 p.
9. Meyers R. G. Peirce on Cartesian doubt // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1967. Vol. 3 (1). P. 13–23.
10. James W. *Pragmatism: A New Name for an Old Way of Thinking*. Redditch: Read Books LTD, 2015. 201 p.
11. Dewey J. *The quest for certainty: A study of the relation of knowledge and action // The later works of John Dewey*. Vol. 4: 1925–1953. Putnam, 1929. 318 p.
- ences (Russ. ed.: *Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoj rozum i otyskivat' istinu v naukah*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 640 p.).
5. Nadarevic L., Erdfelder E. Spinoza's error: Memory for truth and falsity. *Memory & Cognition*, 2013, vol. 41 (2), pp. 176–186. <https://doi.org/10.3758/s13421-012-0251-z>
6. Warner K., Tranel D., Asp E. The Henchman's Brain: Neuropsychological Implications of Authoritarianism and Prejudice. *Neuroimaging Personality, Social Cognition, and Character*. Cambridge, Academic Press, 2016, pp. 325–335. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800935-2.00017-8>
7. Asp E., Manzel K., Koestner B., Cole C. A., Denburg N. L., Tranel D. A neuropsychological test of belief and doubt: damage to ventromedial prefrontal cortex increases credulity for misleading advertising. *Frontiers in Neuroscience*, 2012, vol. 6, no. 100, pp. 1–9. <https://doi.org/10.3389/fnins.2012.00100>
8. Pierce C. S. *Pragmatism and Pragmaticism*. Belknap Press of Harvard University Press, 1965. 944 p.
9. Meyers R. G. Peirce on Cartesian doubt. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*, 1967, vol. 3 (1), pp. 13–23.
10. James W. *Pragmatism: A New Name for an Old Way of Thinking*. Redditch, Read Books LTD, 2015. 201 p.
11. Dewey J. *The quest for certainty: A study of the relation of knowledge and action. The later works of John Dewey*, vol. 4: 1925–1953. Putnam, 1929. 318 p.

References

1. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York, Farrar, Straus, and Giroux, 2011. 499 p.
2. Gilbert D. T. How mental systems believe. *American Psychologist*, 1991, vol. 46, pp. 107–119. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.46.2.107>
3. Asp E. W., Tranel D. False tagging theory: toward a unitary account of prefrontal cortex function. In: *Principles of Frontal Lobe Function*, 2nd ed. Oxford University Press, 2012. 777 p. <https://doi.org/10.1093/med/9780199837755.003.0029>
4. Descartes R. *Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sci-*

Поступила в редакцию 25.05.2021, после рецензирования 07.06.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 25.05.2021, revised 07.06.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 372–376

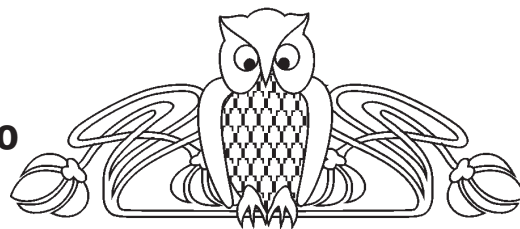
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376>

Научная статья

УДК 101.1:316

Социальный миф как фактор конструирования образов будущего

А. Г. Иванов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, Россия, 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, д. 3

Иванов Андрей Геннадиевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента, agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

Аннотация. В статье дается определение современного социального мифа как ценностно нагруженного феномена, обладающего потенциалом и значимостью, но по-разному используемого акторами – живущим мифом, творцом мифа и критиком мифа. Процесс мифотворчества рассматривается в качестве запускающей так называемую работу над мифом, которая включает в себя как деятельность мифотворцев, так и функционирование мифа в массах. Обращение к проектной функции социального мифа и учет степени осознанности мифа отдельными группами актуализируют вопрос о мифе как факторе конструирования образов будущего. Беря на вооружение идеи Р. Барта и К. Боттичи, автор заключает, что в мифе уже содержатся значимые образы, позволяющие будущему стать более конкретным. На примере государства как главного генератора мифов для широкой аудитории высказывается предположение, что все траектории создания потенциальных образов будущего замыкаются на мифе о герое. Делаются выводы о востребованности таких образов будущего, которые выстраиваются вокруг фигуры лидера, соотносимого с мифологическим героем, и масштаб государства является подходящим уровнем для рассуждений о распространении и пределах влияния современного мифотворчества и что в создании образов будущего задействованным оказывается конструктивный потенциал мифа.

Ключевые слова: социальный миф, мифотворчество, работа над мифом, образ будущего, государство, национальный лидер, миф о герое

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31064 «Социальный миф как фактор конструирования образа будущего России: возможности, границы применения».

Для цитирования: Иванов А. Г. Социальный миф как фактор конструирования образов будущего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social myth as a factor in constructing images of the future

A. G. Ivanov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch, 3 Internatsionalnaya St., Lipetsk 398050, Russia

Andrey G. Ivanov, agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

Abstract. The article defines the contemporary social myth as a value-laden phenomenon with the potential and significance, but which is used in different ways by actors – an indwelling by a myth, a creator of a myth and a critic of a myth. The process of myth-making is considered as launching the so-called work on myth, which includes both the activity of myth-makers and the functioning of the myth in the masses. The appeal to the project function of the social myth and the consideration of the degree of awareness of the myth by individual groups actualize the question of the myth as a factor in constructing images of the future. Taking into account the ideas of R. Barthes and C. Bottici, the author concludes that the myth already contains significant images that allow the future to become more concrete. Using the example of the state as the main generator of myths for a wide audience, it is suggested that all the trajectories of creating potential images of the future are confined to the myth of the hero. Conclusions are drawn about the demand for such images of the future, which are built around the figure of a leader correlated with a mythological hero, that the scale of the state is a suitable level for reasoning about the spread and limits of the influence of modern myth-making, and that the constructive potential of the myth is involved in creating images of the future.

Keywords: social myth, myth-making, work on myth, image of the future, state, national leader, myth of the hero

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and EISR according to the research project No. 21-011-31064 "Social myth as a factor in constructing the image of the future of Russia: opportunities, limits of application".

For citation: Ivanov A. G. Social myth as a factor in constructing images of the future. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 372–376 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Дать определение современному мифу представляется достаточно сложным в силу его многоаспектности. Так, в белорусском словаре встречаем следующее определение, учитывающее и смысл классического мифа, и специфику современного бытования мифа: «Миф – это форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности. <...> Миф как универсальная форма дотеоретического мировоззрения присутствует в различных сферах духовно-практического освоения реальности (мифы массового сознания, "гносеологические" мифы в структуре научного знания, идеологические мифы, "магический реализм" в литературе и искусстве) как необходимый и обладающий мощным продуктивным потенциалом элемент» [1, с. 636]. Обратим внимание на тот факт, что особо выделяются функциональные характеристики мифов современности.

Полагаем, что при рассмотрении современного социального мифа важно учитывать позиции трех акторов: живущий мифом, творец мифа, критик мифа. Поэтому и определение мифа будет разным, объединять эти три точки зрения может то, что миф представляется ценностно нагруженным феноменом, обладающим огромным потенциалом и особой значимостью, облекающимся в разные формы – от развернутого нарратива до отдельного жеста.

Говоря о современном мифотворчестве, необходимо выделять, как минимум, два аспекта этого процесса: работу с мифом (*work at myth*), или деятельность так называемых мифотворцев (в роли которых выступают преимущественно элиты), и работу мифа (*work of myth*), или хождение сконструированного мифа среди широкой аудитории. Все это в совокупности и составляет работу над мифом (*work on myth*), выделяемую Х. Блюменбергом в одноименной книге [2], открывая пространство для обсуждения вопросов определения эвристических возможностей, конструктивного и деструктивного потенциала, пределов распространения влияния современного мифотворчества.

В совокупности ответ на обозначенные вопросы дает обращение к проектной функции социального мифа, которая может оцениваться с двух позиций, отсылающих к содержанию,

соответственно, классического (архаического) и современного мифа. Так, в первом случае миф понимается как пророчество, в котором уже определена судьба народа, страны и т.п., и здесь существует риск столкнуться с упрощенной моделью развития событий, которая может быть сведена к расхожим дихотомиям «мы – они», «свой – чужой», «герой – злодей». Такое сакральное упрощение, по словам немецкого политического социолога А. Дёрнера, лишает миф функции реалистического прогноза будущего [3]. Но гораздо более неоднозначно выглядит потенциал современного социального мифа, ключевую функцию которого мы бы обозначили как суггестивную, в концентрированном виде выражающую все многообразие общественных отношений.

Для мифа определяющими являются и его структурные (или формальные) свойства, просматриваемые в усилиях мифотворцев по соответствующей организации нарратива, находящегося в центре мифологической конструкции; и его функциональные характеристики, приводящие к тому, что аудитория готова разделять миф, что возникает устойчивая вера в него, что мифом начинают жить.

Другим важным для понимания работы современного мифа критерием является степень осознанности. Осознаваемый миф, как правило, становится частью определенного комплекса мифов, воспроизводящегося исторически (например, типа тех мифов о России, которые пытался разоблачать в своих книгах В. Р. Мединский [4–6]).

В других случаях можно говорить о спонтанных отсылках к мифологическому, проявляющихся, например, в эмоционально окрашенных фрагментах нарратива, в отсылках к нарративу с помощью аллюзий, метафор, благодаря которым новые мифы могут возникать почти мгновенно. Получается, что миф как бы приоткрывает метафорический доступ к реальности, о значимости которого говорил Г. Харман [7], в том числе и к реальности будущего.

К похожему выводу в плане интерпретации смысла категории «миф» приходит О. Ю. Малинова, размышляя о символической политике: «В рамках приверженцев более узкой интерпретации символической политики как манипуляции символами "миф" по сути дела выступает как категория политической практики, указывающая

на искусственный, симуляционный характер конструируемых знаков. Однако, будучи сфокусирован на действиях манипулирующих элит, данный подход упускает из виду фактор восприятия – то обстоятельство, что лишь сообщения, “прочитываемые” в качестве констатации чего-то “естественного и несомненного”, действительно являются мифами. <...> Более широкая интерпретация символической политики в полной мере сочетается с пониманием мифа как коммуникативного процесса, в котором участвуют не только мифотворцы, но и их аудитория» [8, с. 14]. То есть автор учитывает и выделяемые нами позиции акторов (живущий мифом, творец мифа) и степень осознанности.

Еще одна сложность концептуализации современного мифа заключается в том, что миф, будучи универсальным явлением, одновременно с этим имеет «партикулярную» природу, так как «“работа мифа” связана с восприятием конкретных групп» [9, р. 319].

Отсюда возникает вопрос, может ли один конкретный миф быть фактором конструирования образа или это должна быть некая совокупность мифов, комплекс мифов, учитывающий чаяния разных социальных общностей?

При определении роли мифов в конструировании и трансляции образов мы будем соотносить наши предположения с известной схемой Р. Барта. В модели французского исследователя показано, что миф возникает на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки, в которой знак представляет собой итог ассоциации образа (формы, означающего) и понятия (смысла, означаемого), но далее этот знак оказывается лишь означающим (образом, формой), который в ассоциации с новым означаемым и дает миф [10, с. 239].

Получается, что просто образ еще далеко не миф, но содержит потенциальную возможность стать таковым; что образу для того, чтобы он смог стать мифом, необходимо придать некий смысл (как форме придается определенное содержание). И не важно, кто этот смысл придает, главное, чтобы смысл стал общезначимым, одинаково понимаемым многими. В таком случае и образ, и оформленный вокруг него миф получают все шансы прочно укрепиться в массовом сознании.

Поэтому важно и нужно увидеть в мифе образ или вернуться к образу, хранящемуся в мифе, который обосновывается через так называемое мифическое понятие, являющееся представлением о реальности. И тогда соответствующие образы станут более очевидными, а представление о реальности, включая будущее, – более четким.

Важно отметить, что при выстраивании образов будущего происходит отвлечение от текущих и исторических проблем, претензий и несправедливостей и используется конструктивный потенциал мифов.

Будущее можно разделять на вероятное, возможное и предпочтительное, как это осуществил В. Белл [11], или, обсуждая непосредственно образы будущего, выделять, с одной стороны, желательное (идеальное) и возможное будущее, с другой стороны, личное, семейное и страновое (связанное с политической сферой) будущее, как представлено в статье Е. Б. Шестопал [12]. Однако, учитывая, что наиболее благоприятной почвой для распространения мифов являются широкие массы (а это – уровень всей страны), то, на наш взгляд, именно государство играет основную роль в генерировании мифов. К тому же следует помнить, что государство по определению претендует на учет интересов большинства. Именно на примере государственной деятельности следует судить о распространении и пределах влияния современного мифотворчества. А если добавить к этому то, что в мифе уже аккумулированы самые значимые образы (если мы разделим точку зрения К. Боттичи [13], что мифы обладают значимостью для людей), то получается, что, эксплуатируя мифы, государство обладает всеми возможностями для продуцирования образов будущего. Если рассматривать политические аспекты образа будущего, то в него входят «...представления граждан об идеальных лидерах, власти, государстве, политических институтах. Эти идеализированные представления формируют нормативные рамки восприятия реальных лидеров, власти, институтов. С психологической точки зрения в нем причудливо перемешиваются представления людей о желаемом (идеальном) и возможном будущем, рациональные и неосознаваемые мотивы, реалистические и воображаемые ментальные конструкции» [12, с. 99]. Обратим внимание на выделение здесь так же, как и в случае со степенью осознанности мифа, двух уровней: рациональные и неосознаваемые мотивы, влияющие на формирование образов идеального будущего.

Продолжим высказанную нами ранее мысль [14, с. 138–153], что мифы охватывают следующие основные критерии классификации государств:

1) форму правления (мифы о герое, которые превращаются в форму мифа о правителе, способном, например, сплотить нацию);

2) форму государственного устройства (этиологические мифы, способствующие государственному строительству);

3) политический режим (мифы демократии, питающие институты гражданского общества, формирующие политическую или гражданскую культуру).

Какие же образы будущего выстраиваются вокруг этих мифов?

Считаем, что все траектории создания потенциальных образов будущего (как вероятных, так и возможных и предпочтительных; как личных и семейных, так и страновых) сходятся или замыкаются на мифе о герое, олицетворением которого обычно является национальный лидер.

Пример России показывает, что в высказываниях лидера страны можно найти ответы на практически все запросы граждан о будущем. Кроме того, в отечественном политическом дискурсе постоянно подчеркивается, что только российский народ может решать основополагающие вопросы развития страны (это утверждение нашло выражение и в факте общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, проводимого с 25 июня по 1 июля 2020 г.). Этим подтверждается важность существования в стране республиканской формы правления, когда глава государства избирается народом. Также в информационном пространстве отмечаются важность и необходимость федеративного государственного устройства страны в будущем; проговаривается, что Россия успешно будет двигаться вперед только как федеративное государство. А слова о необходимости совершенствовать такую ключевую характеристику политического режима, как методы отправления власти, прежде всего через развитие институтов гражданского общества и дальнейшее взаимодействие с ними, раздаются из каждого средства массовой информации.

Однако дело в том, что наличие и даже видимость действия формальных атрибутов демократической власти в России не приводит к тому, что с функционированием этих институтов население связывает свое будущее, как-то выстраивает соответствующие образы. Это подтверждают и выводы по результатам опроса, проведенного Е. Б. Шестопал, из которых следует, что новые представления и понятия о власти (например, идея разделения властей), заимствованные из других политических культур, составляют периферическую часть нормативных представлений о власти у граждан Российской Федерации [12, с. 110]. Но при этом продолжают оставаться востребованными такие образы будущего, которые выстраиваются вокруг фигуры лидера, соотносимого с мифологическим героем.

Таким образом, эвристические возможности мифотворчества на примере образов будущего страны свидетельствуют о доминировании устойчивых, даже архетипических представлений, связанных с персонифицированной фигурой героя, в роли которого выступает национальный лидер. Масштаб государства является подходящим уровнем для рассуждений о распространении и пределах влияния современного мифотворчества, а в создании образов будущего задействованным оказывается преимущественно конструктивный потенциал мифа.

Список литературы

1. *Жбанков М. П.* Миф // Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск : Книжный Дом, 2003. С. 636.
2. *Blumenberg H.* Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. 685 p.
3. *Dörner A.* Politischer Mythos und Symbolische Politik. Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermannsmythos. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1995. 421 S.
4. *Мединский В. П.* О русском пьянстве, лени и жестокости. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 576 с.
5. *Мединский В. П.* О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 624 с.
6. *Мединский В. П.* О русском воровстве, душе и долготерпении. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 528 с.
7. *Harman G.* Art and Objects. Oxford, UK : Polity Press, 2018. 240 p.
8. *Малинова О. Ю.* Миф как категория символической политики // Символическая политика : сборник научных трудов / ред. кол.: О. Ю. Малинова, Д. В. Ефременко, В. Н. Ефремова. М. : ИНИОН РАН, 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 5–24.
9. *Bottici C., Challand B.* Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9, № 3. P. 315–336.
10. *Барт П.* Мифологии / пер. с фр. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
11. *Bell W.* Public Sociology and the Future: The Possible, the Probable and the Preferable // Handbook of Public Sociology / ed. V. Jeffries. Plymouth : Rowman and Littlefield Publishers, 2009. P. 89–106.
12. *Шестопал Е. Б.* Образ идеального будущего : нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 99–112. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/12>
13. *Bottici C.* A Philosophy of Political Myth. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 286 p.
14. *Иванов А. Г.* Система современной социальной мифологии. СПб. : Алетейя, 2019. 182 с.

References

1. Zhbakov M. R. Mif [Myth]. In: *Noveyshiyy filosofskiy slovar* [The Newest Philosophical Dictionary. Ans. and compiler ed. A. A. Gritsanov]. Minsk, Knizhnyy Dom Publ., 2003. p. 636 (in Russian).
2. Blumenberg H. *Work on Myth*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. 685 p.
3. Dörner A. *Politischer Mythos und Symbolische Politik. Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermannsmythos*. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1995. 421 S.
4. Medinskiy V. R. *O russkom pyanstve, leni i zhestokosti* [About Russian Drunkenness, Laziness and Cruelty]. Moscow, ZAO "OLMA Media Grupp" Publ., 2009. 576 p. (in Russian).
5. Medinskiy V. R. *O russkoy demokratii, gryazi i «tyurme narodov»* [About Russian Democracy, Dirt and "Prison of the Peoples"]. Moscow, ZAO "OLMA Media Grupp" Publ., 2010. 624 p. (in Russian).
6. Medinskiy V. R. *O russkom vorovstve, dushe i dolgoterpenii* [About Russian Theft, the Soul and Long-Suffering]. Moscow, ZAO "OLMA Media Grupp" Publ., 2010. 538 p. (in Russian).
7. Harman G. *Art and Objects*. Oxford, UK, Polity Press, 2018. 240 p.
8. Malinova O. Yu. Myth as a category of symbolic politics. *Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr. Vyp. 3. Politicheskie funktsii mifov* [Symbolic Politics: Collected papers. Iss. 3. Political Functions of Myths. Ed. by O. Yu. Malinova]. Moscow, INION RAN Publ., 2015, pp. 5–24 (in Russian).
9. Bottici C., Challand B. Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy. *European Journal of Social Theory*, 2006, vol. 9, no. 3, pp. 315–336.
10. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957. 241 p. (Russ. ed.: Barthes R. *Mifologii*. Moscow, Sabashnikovs Publ., 2004. 320 p.).
11. Bell W. Public Sociology and the Future: The Possible, the Probable and the Preferable. In: V. Jeffries, ed. *Handbook of Public Sociology*. Plymouth, Rowman and Littlefield Publishers, 2009, pp. 89–106.
12. Shestopal E. B. Image of an Ideal Future: Russians' Normative Concepts of Authorities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, no. 464, pp. 99–112 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/464/12>
13. Bottici C. *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 286 p.
14. Ivanov A. G. *Sistema sovremennoy sotsialnoy mifologii* [The System of Contemporary Social Mythology]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2019. 182 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 16.07.2021, после рецензирования 19.08.2021, принята к публикации 13.09.2021

Received 16.07.2021, revised 19.08.2021, accepted 13.09.2021

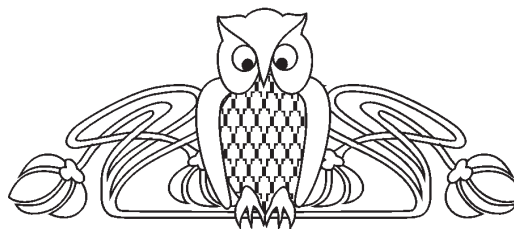

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 377–381
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 377–381
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-377-381>

Научная статья
УДК 165.62+111

Повседневность как актуальная форма жизни

Д. Н. Иванова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Иванова Даниэла Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, daria14july@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6957-5860>

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмысления повседневности как элемента общественной жизни. Повседневность рассматривается как модус, в котором человек предстает в своей бытийной достоверности. Определены предпосылки, приведшие к необходимости изучения этого понятия, а именно переосмысление роли рациональности как метода постижения человеком своего места в мире и социуме. Приводится краткий анализ разработанности проблемы повседневности в рамках философского дискурса. Дается социолого-культурологическое обоснование структур и уровней повседневности. Для прояснения природы повседневности как феномена философского и социального контекста анализа избран действительный общественно-исторический мир жизни. Потенциал этого подхода заключается в том, что в его рамках исследуется практическая сторона бытия, ранее, с точки зрения анализа мотивов жизни человека, признаваемая философами второстепенной. Доказывается, что социальное бытие регулируется отнюдь не только рационализацией всех сфер жизни. Важную роль в организации жизнедеятельности человека отводится процессам, выходящим за рамки рационального. Повседневность является не воплощением пассивного существования, а одним из этапов конституирования человеческого бытия, а также модусом активного, творческого, преобразующего действительность существования.

Ключевые слова: повседневность, гуманитарная эпистемология, философия жизни, социальность, порядок

Для цитирования: Иванова Д. Н. Повседневность как актуальная форма жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 377–381. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-377-381>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Daily reality as a relevant form of life

D. N. Ivanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Daniela N. Ivanova, daria14july@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6957-5860>

Abstract. The article focuses on the phenomenon of daily reality as an element of public life. The author analyses the principles this notion is based on. Daily reality is a mode that states the authenticity of a man's being. The premises which have led to the necessity of the notion's study are defined, the latter being a fundamental rethinking of rationality's role as a method to figure out where a man's place in the world is. The author analyses methodology of the problem within the philosophical discourse, and gives a socio-cultural justification of daily reality structures and levels. To formulate the social and philosophical nature of daily reality clearly actual historical and public life context is considered. Potentially this approach helps investigate the practical side of being, which earlier has been considered by philosophers unessential from the standpoint of motives of a man's life. The author argues that the rationalization of all the spheres of life is not the only way to regulate social being. Processes which go beyond rationality play a very significant role in human activity organization. Daily reality is not a form of passive, irresponsible living, it is viewed as the human mode of authentic being and one of the phases of active, creative, responsible existence constructing.

Keywords: daily reality, humanitarian epistemology, philosophy of life, social relations, order

For citation: Ivanova D. N. Daily reality as a relevant form of life. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 377–381 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-377-381>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня новое качество мира и человека инициирует еще один виток развития философской и социокультурной мысли. В процессе интерпретации традиционных и национальных мировоззренческих установок междисциплинарный дискурс оказывается особенно продуктивным в культурологическом, антропологическом, социально-философском контекстах.

В свою очередь, онтология жизни XX в. поднимает проблему переосмысления ставших привычными взаимоотношений мира и человека: назрела необходимость заменить «картину мира» самим миром, а «образ человека» – человеком. Наряду с переосмыслением философского познания XX в. «...методологическое движение “захватывает” всю множественность форм становящегося человеческого рода, проявляя себя с разной интенсивностью в политике, культуре, экономике, публичной и приватной жизни» [1, с. 121].

Тема повседневности является философским дискурсом уже довольно давно, поскольку мышление, сознание, время и другие проблемы, связанные с человеком, в течение многих веков были ключевыми для исследователей. Объективные знания о человеке, однако, не давали однозначных ответов на вопросы о том, как человек мыслит, каким образом он осознает происходящее и какое влияние на осознанность его существования оказывает темпоральность. Постепенно приходит понимание того, что не менее важными в вопросе изучения человека являются проблемы, связанные с мотивацией его жизнедеятельности. Более того, процессы, которые ускользали от внимания философов под видом второстепенных, следует изучать пристальней.

Повседневность является именно таким модусом человеческого существования. Специфика этого феномена состоит в том, что, существуя на всем протяжении жизни человека, повседневность одновременно включает в себя элементы живого, неповторимого, временного существования. Будучи алгоритмом, повседневность одновременно является и способом его исполнения, реализации. Именно поэтому повседневности посвящено большое количество работ и исследований, в которых дается ее разносторонний анализ.

Возможно, наиболее значимым компонентом такого анализа выступает феноменологическое рассмотрение повседневности. Феноменологический анализ основывается не на предпосылках, а на элементах интуитивного опыта, феноменах, из которых складывается наше сознание. Поскольку феноменология стремится исследовать, каким образом происходит конституирование объек-

тивного бытия, анализ повседневности этим методом представляется наиболее продуктивным.

Социальная феноменология стремится исследовать процессы, происходящие в ходе каждодневных взаимодействий людей, и их роль в конституировании реальности. В своей работе «Проблема социальной реальности» Альфред Шютц исследует реальность мира повседневности. В центре внимания – естественная предпосылка мира повседневности и ее прагматический импульс. Тем самым автор стремится прояснить отношения реальности мира повседневности с его теоретическим, научным рассмотрением [2, с. 208].

По мнению автора, человек своими врожденными рефлексам воспринимает повседневность как реальность. Интерпретация реального мира основывается на сумме ранее прожитого опыта, опыта нашего собственного и переданного родителями и учителями, который в форме «житейской мудрости» действует как руководство к действию [2, с. 209].

Человек извлекает из такого коллективного опыта знания о мире следующего порядка. Итак, мир состоит из имеющих четко определенную форму и содержание объектов, среди которых человек существует, которые его сдерживают и одновременно стимулируют к действию. С точки зрения естественной предпосылки, мир – это не просто совокупность элементов разного цвета, неясных шумов, центров тепла или холода. Философский и психологический анализ конституирования нашего опыта, предпринятый вне контекста самого опыта, показывает следующее. Элементы жизненного мира согласно естественной установке затрагивают наши чувства восприятия, затем мы пассивно, несмело и не всегда точно воспринимаем их, а наше сознание посредством активной апперцепции вычленяет определенные элементы из поля восприятия как вполне очерченные и выделяющиеся на фоне нашего более или менее артикулируемого опыта либо горизонта. С позиций естественного, природы мир не является личным и принадлежащим индивиду, но означает общий intersubъективный мир, принадлежащий всем. Этот мир интересует нас не с теоретической, а с практической точки зрения.

Мир повседневности – это одновременно и сцена, и объект наших действий и взаимодействий. Нам предстоит освоить его, а также изменить для того, чтобы осознать, какие цели мы преследуем в его рамках. Мы действуем не только внутри этого мира, но и благодаря ему. Движения нашего тела – это своего рода двигатель, благодаря которому мы видоизменяем и

меняем объекты и их взаимодействие. С другой стороны, эти объекты являются своеобразным ограничителем наших действий, который мы должны либо преодолеть, либо принять. Будет правильным сказать, что именно прагматический импульс лежит в основе мира повседневности, который нам приходится преобразовывать своими действиями [2, с. 209].

Итак, с точки зрения А. Шютца, именно практическая сторона повседневности развивает заложенный естественной предпосылкой импульс. Следовательно, рассмотрение повседневности в контексте социальности невозможно без анализа формы, в которой она себя реализует. Для В. Д. Лелеко повседневность предстает как модус культуры в контексте социолого-культурологического подхода. Повседневность включает «вещно-предметный ряд, событийный ряд и набор сценариев поведения, повседневных ритуалов, предполагающих гендерную и возрастную дифференциацию» [3, с. 93].

Однако структура повседневности обусловлена не только пространственно-временным, но и аксиологическим фактором: повседневность фундируется морально-этическими нормами человека, осознается лишь человеком, поскольку только он может дать оценку происходящим вокруг него событиям. С одной стороны, повседневность зиждется на повторении рутинных процессов, а с другой – на их осмыслении и придании им смысла и ценности [3, с. 103]. Два уровня смыслов повседневности придают ей практическую ценность и аксиологическое обоснование, тем самым спасая ее от возможной схематичности. Рутинные процессы, переживаемые заново с новыми эмоциями, воспринимаются человеком как новые события его жизни [4, с. 88].

Глубокий и всесторонний анализ повседневности содержится в работах Н. В. Розенберг, Н. Н. Козловой, С. Н. Тесля, Л. В. Беловинского, И. Т. Касавина, С. П. Щавелева. Так, повседневность как предмет изучения в рамках социологии предстает в виде открытой темпоральной структуры в непосредственном жизненном опыте человека. Эта структура подвижна и изменяется вместе с действительностью, не являясь ей имманентной, в соответствии с незапланированными социальными изменениями [5, с. 46–55].

Тема не пассивного, а деятельного участия присутствует в повседневности как работа человека над собой, его самосовершенствование. А. В. Марков выделяет в повседневности два смысла: ее потенциал, дающий нам силы для существования, и необходимость следовать определенной дисциплине, которая налагает на нас ответственность перед миром. Человек

не пассивно принадлежит повседневности, но, являясь ее главным действующим лицом, одновременно и объектом, и субъектом, участвует в преобразовании мира вокруг себя, тем самым поддерживая свои силы и воплощая свое существование. Повседневности свойственна динамика: «...Быстрая смена режимов существования заставляет искать опору в самых простых вещах, окружающих его» [6, с. 55–56].

Рассуждая о действенности человека, не следует забывать о «наличии структур порядка, производящих и организующих якобы спонтанную чувственность» [7, с. 238–239]. Следуя феноменологическому анализу, необходимо определить первичность интенций человека. Принято полагать разум единственно верным алгоритмом упорядоченной жизни. Однако, говоря об активном и осознанном существовании человека, нужно определить истинную природу мотивов и интенций такой жизни, не отводя главную роль лишь разуму. Очевидно, что в живом и непрерывном течении повседневности чувства возникают раньше рефлексии, являясь первопринчиной действия.

Итак, понятие «повседневность» базируется на сложных, неоднозначных принципах и играет главную роль в постижении сущности бытия. Общеизвестно, что человек всегда стремился к этому, призывая на помощь и разум, и чувства. Анализ общественных явлений сегодня ведется с экономической, психологической, рациональной, индивидуалистической точек зрения. Подобный контекст вновь образует базу для противопоставления рационального и эмоционального. Процесс рационализации всех сфер жизни не означает, что объективный разум способен регулировать социальное бытие. Ведь природа и культура, являющиеся его базисом, существуют и функционируют по своим законам, которые неподвластны рационализации. Кроме того, жизненная практика как средство осознания и осуществления действительности также не всегда подчинена законам разума.

Свое понимание жизни как актуальной реальности формулирует Э. Гуссерль. Философ оказывается радикальным в критике теории субъекта и объекта классической философской мысли за забвение «всего человека» [цит. по: 6, с. 138]. Науки, изучающие жизнь опытным путем, включая историю с ее артефактами, не могут претендовать на отражение реальной жизни, тогда как именно жизнедеятельность сегодня живущих людей составляет основу концепции «жизненного мира» Э. Гуссерля. Мир никогда не будет постигнут до конца без осознания ценности его как актуального процесса жизни [8, с. 322].

В современной философии намечается отход от традиционной эпистемологии в сторону гуманитарной. По мнению В. Л. Махлина, гуманитарная эпистемология явилась научно-философским следствием смены гуманитарной парадигмы в XX в. Называя это событие «эйнштейновским» прорывом, автор дает оценку значимости этого процесса. Что же касается причин, то они заключаются в осознании человеком необходимости в перемене способа мышления. Он пишет: «...Традиционная эпистемология игнорирует (как ненаучный) действительный общественно-исторический мир жизни – опыт личности и опыт социальности, опыт политический и опыт “повседневности”, опыт традиции и опыт революции (обращения традиций), опыт биографический, эстетический, религиозный, сексуальный, поколенческий, семейный, космический, профессиональный ...» [9, с. 8].

Жизненное пространство личности формируется в контексте социальности. Осознание ценности существования невозможно без диалога человека и социума, поскольку именно в этом контексте осуществляются рациональные, духовные, творческие поиски. По мнению В. В. Розанова, повседневность – исходный жизненный мир человека, реализуемый в быту, который, в свою очередь, является средством приобщения к метафизическому [цит. по: 10, с. 14–15].

Таким образом, понятие «повседневность» трактуется на стыке теории и практики жизненного мира. Повседневность – это не сухая теория, трактующая жизненный мир, и не обыденный алгоритм внедрения знаний, норм и традиций. Повседневность определяется как «ткань человеческих взаимоотношений, каждое из которых в отдельности рационально, то есть запланировано индивидами, но в совокупности своей образует такую структуру и порядок, который никем не планировался и не предусматривался» [11, с. 238].

Трактовка повседневности на стыке теории и практики свидетельствует о методологическом повороте в рамках социальной философии. Изучение повседневности как элемента общественной жизни служит примером анализа изнутри. Ведь теоретик, исследующий общество, в то же самое время является его частью. Это влечет за собой двойственный способ изучения: теория определяет стратегию его исследования, в то время как практика освоения жизненного мира предлагает инструменты и методы. Таким образом, соединяя в самом себе теоретическое и дотеоретическое знание, исследователь общественной жизни наделяется особой социальной ответственностью, поскольку взаимо-

действует с предметом своего изучения, а следовательно, способен его изменить [3, с. 240].

По мнению О. Д. Агапова, истоки порядка и власти в современной социальной философии не только в государстве, но и в сообществах, в коммуникациях, делающих множество разрозненных «Я» консолидированным «Мы» [1, с. 122]. Повседневная жизнь требует от каждого дисциплины и ответственности за происходящее вокруг, а также работы по воспитанию себя.

Итак, повседневность как практическая основа для становления личности является первичной в различных интенциях человека. Повседневность связана с осознанием себя через понятия дома, Другого – именно они укореняют его в мире. Это первооснова жизни человека, поскольку дом и социум всегда сопутствуют человеку и возникают в контексте человека, а в его отсутствие теряют суть и причину своего существования. Исторические, социально-экономические и культурные реалии формируются способом существования человека. Трактовка повседневности как понятия социального раскрывает суть бытия человека как процесса конституирующего, создающего смыслы и реальность. Одновременно именно упорядоченная, ответственная, созидательная жизнь индивидуума лежит в основе стабильного общества, общества, где происходит встреча человека и мира.

Список литературы

1. Агапов О. Д. Онтология повседневности // Философия в условиях социокультурного многообразия : от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров : сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратове / под ред. М. О. Орлова. Саратов : Издательский центр «Наука», 2017. С. 120–122.
2. Schutz A. Collected Papers 1. The Problem of Social Reality. Martinus Nijhoff Publishers. Boston ; London : The Hague, 1962. P. 208–209.
3. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2002. 320 с.
4. Иванова Д. Н. Феноменология педагогического творчества : онтологический анализ : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2010. 160 с.
5. Розенберг Н. В. Феноменологический поворот в отечественном социально-гуманитарном знании : подходы к изучению повседневности // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Философия. 2008. № 3. С. 46–55.
6. Марков А. В. 1980 : год рождения повседневности. М. : Европа, 2014. 192 с.
7. Марков Б. В. Философская антропология : очерки истории и теории. СПб. : Лань, 1997. 384 с.

8. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век. Антология / под ред. С. Я. Левит. М. : Юрист, 1995. 703 с.
9. Махлин В. Л. Второе сознание : Подступы к гуманитарной эпистемологии. М. : Знак, 2009. 632 с.
10. Городилова Т. С. Онтология повседневности и неклассическая гносеология В. В. Розанова : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киров, 2006. 23 с.
11. Устьянцев В. Б. Антропология жизненного пространства // Жизненное пространство человека и общества : сборник научных трудов / под общ. ред. В. Б. Устьянцева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1995. С. 5–16.

References

1. Agapov O. D. Ontology of Daily Reality. In: M. O. Orlov, ed. *Filosofiya v usloviyakh sociokul'turnogo mnogoobraziya: ot ekspertnogo znaniya do mirovozzrencheskih orientirov* [Philosophy in Sociological and Cultural Diversity: from Expert Proficiency to Worldview Guides]. Saratov, Izdatel'stviy tsentr "Nauka", 2017, pp. 120–122 (in Russian).
2. Schutz A. *Collected Papers 1. The Problem of Social Reality*. Martinus Nijhoff Publishers. Boston, London, The Hague, 1962, pp. 208–209.
3. Leleko V. D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeyskoy kul'ture* [Space of Daily Reality in European Culture]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Saintpetersburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 320 p. (in Russian).
4. Ivanova D. N. *Phenomenology of Pedagogical Creativity: Ontological Analysis*. Diss. Cand. Sci. (Philos.). Saratov, 2010. 160 p. (in Russian).
5. Rozenberg N. V. Phenomenological turn in Russian sociology and the humanities: attempts to daily reality study. *Izvestiya vuzov. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. Filosofiya* [Proceedings of the Universities. The Volga Region. The Humanities. Philosophy], 2008, no. 3. pp. 46–55 (in Russian).
6. Markov A. V. *1980: god rozhdeniya povsednevnosti* [1980: The Year when Daily Reality was Born]. Moscow, Evropa Publ., 2014. 192 p. (in Russian).
7. Markov B. V. *Filosofskaya antropologiya: ocherki istorii i teorii* [Philosophical Anthropology: Historical and Theoretical Sketches]. St. Petersburg, Lan' Publ., 1997. 384 p. (in Russian).
8. Gusserl' Je. *Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya* [European Mankind Crisis and Philosophy]. In: S. Yu. Levit, ed. *Kul'turologiya. XX vek* [Cultural Studies. XX Century]. Moscow, Yurist Publ., 1995. 703 p. (in Russian).
9. Mahlin V. L. *Vtoroe soznanie: Podstupy k gumanitarnoy epistemologii* [The Second Consciousness: Approaches to Humanitarian Epistemology]. Moscow, Znack Publ., 2009. 632 p. (in Russian).
10. Gorodilova T. S. *V. V. Rozanov's Ontology of Daily Reality and Non-Classical Epistemology*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). Kirov, 2006. 23 p. (in Russian).
11. Ustyantsev V. B. Anthropology of living space. In: V. B. Ustyantsev, ed. *Zhiznennoe prostranstvo cheloveka i obshchestva* [Living Space of a Man and Society: Collection of scientific works]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1995. 136 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 12.06.2021, после рецензирования 20.06.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 12.06.2021, revised 20.06.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 382–385

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 382–385

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-382-385>

Научная статья

УДК 141.72:141.82

Марксизм как часть андроцентристской традиции: феминистская надстройка и андроцентристский базис

Т. А. Кострицкая

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кострицкая Таиса Андреевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, taisakostrikskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Аннотация. Андроцентризм продолжает оставаться основой современного мышления и осмысление его проявлений в философской традиции представляется необходимым. Цель данной работы – осуществить анализ теории К. Маркса на предмет ее андроцентризма, выявить основывающиеся на нем значимые положения. В основе анализа лежит проверка того, насколько «общие» утверждения Маркса отражают женский опыт, как именно они вплетены в целое теории и насколько обоснованы ею. Было выявлено, что, во-первых, Маркс не смог обосновать положение о том, что корни угнетения женщин лежат в способе производства, поскольку не считал значимым факт более высокой оплаты мужского труда, принимая его как должное. Во-вторых, он не считал значимой эксплуатацию «свободного» женского труда в семье, а первичное разделение труда в ее рамках полагал естественным. В-третьих, Маркс не смог обнаружить превращение женских тел в ресурс для мужчин как условие капитализма, потому что не видел проблемы в мужском контроле над женской способностью рождения. Теория К. Маркса, таким образом, является частью андроцентристской традиции и должна рассматриваться в науке как таковая.

Ключевые слова: марксизм, андроцентризм, разделение труда, первоначальное накопление, репродуктивный труд, семья, семейная зарплата

Для цитирования: Кострицкая Т. А. Марксизм как часть андроцентристской традиции: феминистская надстройка и андроцентристский базис // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 382–385. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-382-385>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Marxism as a part of the androcentric tradition: The feminist superstructure and the androcentric base

T. A. Kostrikskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Taisa A. Kostrikskaya, taisakostrikskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Abstract. Androcentrism continues to be the basis for modern thinking, and the comprehension of its manifestations in the philosophical tradition appears to be a necessary step to change this situation. The purpose of this work is to analyze the theory of K. Marx for its androcentrism, to identify its significant provisions based on it. The analysis is built around testing how the “general” statements of Marx reflect women’s experience, how they are woven into the whole of the theory and how much they are substantiated by it. It was revealed that, firstly, Marx could not substantiate the position that the roots of oppression of women lie in the mode of production, since he did not consider the fact of higher pay for male labor to be significant, taking it for granted. Secondly, he did not consider the exploitation of “free” female labor in the family significant, and considered the primary division of labor within its framework to be natural. Thirdly, Marx was unable to detect the transformation of female bodies into a resource for men as a condition of capitalism because he did not see a problem in male control over female birth ability. The theory of Karl Marx, thus, is a part of the androcentric tradition and should be considered in science as such.

Keywords: marxism, androcentrism, division of labor, original accumulation, reproductive labor, family, family wage

For citation: Kostrikskaya T. A. Marxism as a part of the androcentric tradition: The feminist superstructure and the androcentric base. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 382–385 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-382-385>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Анализ теории К. Маркса на предмет андроцентризма важен как для понимания этой теории, так и для осмысления сущности андроцентристской традиции и андроцентризма. Марксизм, представляющий собой критическую теорию, стремящуюся очертить пути освобождения всего общества от системной эксплуатации, продолжает оставаться актуальным постольку, поскольку таковым остается объект его критики. Слова «феминистская надстройка» в названии статьи отсылают к многочисленным утверждениям Маркса о женщинах и их роли в обществе и освободительном движении. Эти утверждения соответствуют феминистским ценностям, однако если внимательнее всмотреться в то, как они вплетены в целое марксистской теории, можно обнаружить, что значение их для последней поверхностно.

«Освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода, без различия пола и расы», – писал Маркс [1, с. 246]. Однако он также отмечал, что капиталисты предпочитают нанимать женщин, потому что их труд стоит дешевле [2, с. 57]. Сам Маркс не ставил вопрос о том, каково происхождение этой разницы, или о том, что в этом случае имеет место быть: более высокая оплата труда мужчин или более низкая оплата труда женщин? Чтобы утверждение Маркса было правдиво, происхождение этой разницы должно заключаться в структуре «производящего» класса и быть отражено в анализе последней соответственно.

Откуда же приходит вся эта дешевая рабочая сила в лице женщин и детей? Самый очевидный ответ на этот вопрос – семья. Маркс пишет, что моногамная семья – это «порождение социальной системы ... можно предположить, что она способна еще больше улучшаться, пока не будет достигнуто равенство полов» [цит. по: 3, с. 124]. Если мужское господство в семье и более низкая оценка труда женщин и детей – это порождение социальной системы, каким именно образом она его порождает? И что это за система?

Согласно Марксу «... существование [буржуазной] семьи неизбежно обусловлено её связью со способом производства, существующим независимо от воли буржуазного общества» [4, с. 168–169]. «... Крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения» [5, с. 500]. Иными словами, речь идет об экономической системе, задающей то, что будет на данном историческом этапе представлять собой семья.

Следует отметить, что Маркс в целом не идеализировал разделение труда в патриархальной

семье докапиталистического типа, полагая, что в нем уже было сокрыто рабство [4, с. 31], хотя и отказал ему в полноценном исследовании, утверждая, что изначально оно возникло чисто на «физиологической почве» [5, с. 364]. И все же, какие именно «семейные отношения» разрушает крупная промышленность? Каким образом она превращает женщин в «орудия производства», и, что более важно, какова отправная точка этого превращения? Пареш Чаттопадхьяй отмечает в отношении анализа семьи Маркса, что его интересовала вовсе не семья как таковая и не буржуазная семья, а именно семья рабочего класса, определяемая властью капитала, составлявшая существенную часть его критики политической экономии [6, с. 69].

Круг замыкается: женщины и дети приходят из семьи в производство, будучи уже более дешевой рабочей силой, но именно производство, с точки зрения Маркса, определяет сущность семьи, а не наоборот. П. Чаттопадхьяй выступал против утверждения об игнорировании Марксом репродуктивного труда и различной роли полов в производстве, аргументируя это тем, что существует разница в эксплуатации капиталом женщин и мужчин [6, с. 69–70]. П. Чаттопадхьяй, несомненно, прав. Маркс не раз демонстрировал свое знание положения в производстве женщин, детей и мужчин: первые подвергаются наиболее жестокой эксплуатации по сравнению с последними. Вот только это никак не опровергает позицию, с которой спорит исследователь, поскольку Маркс не отвечает на вопросы о том, почему именно женщины и дети эксплуатируются наиболее жестоко; почему «капитал» оберегает мужскую жизнь и ценит ее больше жизни женщин и детей?

Маркс пишет: «Принудительный труд на капиталиста ... овладел и обычным временем свободного труда в домашнем кругу для нужд самой семьи». И: «... Капитал узурпировал для своего самовозрастания труд, необходимый для потребностей семьи» [5, с. 406]. Он понимал, что репродуктивный труд существует, что он необходим для существования общества, но не включал его в свой анализ экономики этого общества и, более того, определил его как «свободный». Эта позиция пронизывает все его видение производства, из которого исключается весьма значимая часть этого процесса, ответственная за существование рабочего, его возможность «выйти» на работу.

Исторически вытеснение женского труда мужской группой даже из самого понимания экономического осуществлялось политическими методами. С. Федеричи указывает, что мужчины-ремесленники препятствовали выполнению

женщинами оплачиваемого труда, в том числе потому, что их собственное ремесленное производство не могло существовать без неоплачиваемого труда жен. Даже создание женщинами внутри дома товаров на продажу было определено как «помощь семье», которая была объявлена неработой, в терминологии Маркса – неучастием в общественном производстве [7, с. 92–96]. Маркс не соглашается с таким определением «работы на дому», когда речь идет о создании товаров на продажу, но, когда речь идет о создании женщинами предметов для употребления их другими людьми безвозмездно, он видит в этом не эксплуатацию, а «свободный труд».

Маркс писал, что «самой низкой и единственно необходимой нормой заработной платы является стоимость существования рабочего во время работы и сверх этого столько, чтобы он мог прокормить семью и чтобы рабочая раса не вымерла. По Смиту обычная заработная плата есть самый низкий минимум, совместимый с “простой человечностью”, т.е. с животным уровнем существования» [2, с. 47].

В этой цитате имеют место сразу две ложные метафоры. Во-первых, здесь Маркс использует распространенную и далекую от политической нейтральности метафору кормления, под которым понимается зарабатывание денег на средства для выполнения репродуктивного труда, посредством которого, как правило, именно мать буквально кормит семью. Очевидно, что именно мужчина-рабочий здесь мыслится как «рабочий», а сравнение его положения с положением животного – это вторая ложная метафора; потому что имеет он куда больше, чем любой самец животного, получая обеспечение своей жизни на безвозмездной основе от женщины. Отработав смену, рабочий отдыхает, пользуясь плодами чужого труда, которые позволяют ему есть, спать, одеваться и пр. Женщина же в таких условиях имеет куда меньше, чем любая самка. Работница, отработав смену и получив минимальные средства, недостаточные для дальнейшего обеспечения ею выживания семьи (предполагается, что ее «обеспечивает» муж), приходит домой, чтобы выполнить работу, которая позволит выжить ей, ее детям и взрослому мужчине. К. Пейтмен, анализируя патриархатное государство велфера, приводит данные о том, что в начале XX в. мужчины в Англии получали «семейную» заработную плату, при том что половина из них не имела семьи, в то время как женщины получали около 50% за ту же работу, при том что значительная их часть имела иждивенцев. Оправдывалось это ложью, постулирующей отсутствие у женщин тех, за кого она ответственна [8, с. 253].

С. Федеричи, исследуя становление капитализма с использованием марксистской и феминистской методологии, обнаружила, что превращение женских тел в ресурс в ходе первоначального накопления есть неотъемлемая черта капитализма [7, с. 97]. Сам Маркс отмечал, что рост численности рабочих наиболее интенсивен среди самого нищего слоя, частично подводя это явление под свой анализ производства и утверждая, что «спрос на людей неизбежно регулирует производство людей, как и любого другого товара» [2, с. 47].

Маркс не смог разглядеть переизбыток рабочих рук, в основе которого лежит превращение женского тела в ресурс, как условие становления и существования капитализма, прежде всего, потому, что не видел проблемы в мужском контроле над женской способностью рождения. Вопрос физического воспроизводства обходится андроцентристскими теориями в основном путем онтологизации патриархатных его механизмов. Кристина де Стефано обращает внимание на то, что «Маркс “успешно” исключает “мать” из общего анализа общественных отношений» [9, с. 222], в результате чего утрачивается источник самой родовой способности к общению и связи с природой [9, с. 220].

Присвоение женского труда семьей не являлось для Маркса существенной проблемой, поэтому он не включил его анализ в свое видение экономики. Все явные свидетельства того, что главную роль в эксплуатации женщин и детей играет вовсе не «капитал», игнорировались. Каким образом победа над капитализмом должна была бы решить проблему эксплуатации женщин, Маркс не мог объяснить, хотя всячески стремился подчеркнуть связь между ними (например, в описании грубого коммунизма), будучи, однако, не в состоянии раскрыть эту связь, которая по сути просто констатировалась.

Рабочие и женского, и мужского пола работали за выживание, но если у мужчин речь шла о жизни на женском обеспечении, то у женщин – о возможности выжить, выполнив необходимый труд для собственного выживания и выживания других. Распределение заработной платы между женщинами и мужчинами в пользу мужчин вкупе с неравным распределением репродуктивного труда предопределяет различное положение работниц и рабочих. С перспективы первых (а равно и женщин, принадлежащих классу буржуа) капиталисты и мужчины-рабочие выступают союзниками, узурпирующими ресурсы и распределяющими их так, чтобы они оставались внутри мужской группы. Андроцентризм теории К. Маркса и ее интерпретация в его рамках,

таким образом, препятствуют осознанию этой перспективы и использованию преимуществ исследований философа для полноценного, не-андроцентристского, осмысления общества.

Список литературы

1. Маркс К. Введение к программе французской рабочей партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 19. С. 246.
2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
3. Krader L. *The Ethnological Notebooks of Karl Marx*. Assen: Van Gorcum, 1974. 454 p.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 3. 629 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1960. Т. 23. 907 с.
6. Chattopadhyay P. Women's labor under capitalism and Marx // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. 1999. Vol. 31, iss. 4. P. 67–75.
7. Federici S. *Caliban and the Witch*. New York : Autonomedia, 2004. 243 p.
8. Pateman C. *The Patriarchal Welfare State // Feminism, the Public and the Private* / ed. J. B. Landes. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1998. P. 241–274.
9. Ди Стефано К. Маскулинный Маркс // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / пер. с англ. О. Дворкиной. М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. С. 204–226.

References

1. Marx K. Preamble to the Programme of the French Workers' Party. Marx K., Engels F. *Collected Works*: in 50 vols.

- London, Lawrence & Wishart, 2010, vol. 24, pp. 340–341 (Russ. ed.: Marx K. *Vvedenie k programme frantsuzskoy rabochey partii*. Marx K., Engels F. *Sochineniya*: v 50 t. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1961, vol. 19, p. 246).
2. Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. Marx K., Engels F. *Collected Works*: in 50 vols. London, Lawrence & Wishart, 2010, vol. 3, pp. 226–346 (Russ. ed.: Marx K. *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 g.* Marx K., Engels F. *Sochineniya*: v 50 t. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1974, vol. 42, pp. 41–174).
3. Krader L. *The Ethnological Notebooks of Karl Marx*. Assen, Van Gorcum, 1974. 454 p.
4. Marx K., Engels F. *The German Ideology*. Marx K., Engels F. *Collected Works*: in 50 vol. London, Lawrence & Wishart, 2010, vol. 5, pp. 19–539 (Russ. ed.: Marx K. *Nemetskaya ideologiya*. Marx K., Engels F. *Sochineniya*: v 50 t. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1955, vol. 19. 629 p.).
5. Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy*. Marx K., Engels F. *Collected Works*: in 50 vol. London, Lawrence & Wishart, 2010, vol. 35. 852 p. (Russ. ed.: Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii*. Marx K., Engels F. *Sochineniya*: v 50 t. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1960, vol. 23, 907 p.).
6. Chattopadhyay P. Women's labor under capitalism and Marx. *Bulletin of Concerned Asian Scholars*, 1999, vol. 31, iss. 4, pp. 67–75.
7. Federici S. *Caliban and the Witch*. New York, Autonomedia, 2004. 243 p.
8. Pateman C. *The Patriarchal Welfare State*. In: Joan B. Landes, ed. *Feminism, the Public and the Private*. Oxford, New York, Oxford University Press, 1998. pp. 241–274.
9. Di Stefano Ch. Masculine Marx. In: *Feministskaya kritika i reviziya istorii politicheskoy filosofii* [Feminist Interpretations and Political Theory]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2005, pp. 204–226 (in Russian).

Поступила в редакцию 26.06.2021, после рецензирования 13.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
 Received 26.06.2021, revised 13.07.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 386–389

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 386–389

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

Научная статья

УДК 101.1:316

Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху

Е. В. Листвина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации современных коммуникационных процессов, обусловленных формированием нового цифрового общества и его влиянием на все стороны социальной и культурной жизни. Коммуникация становится многообразно, ризоматически разветвленной, предлагая переплетение каналов и средств коммуникации, многовариантность результативности и изменение собственно коммуникантов, акторов общения. Отмечается, что длительные социальные связи перестают быть доминантными. Качественно новая среда, именуемая пространством медиа, закладывает новый формат общения. Информация воспринимается все более короткими блоками. Уплотняются сущность и глубина коммуникативного взаимодействия. Люди все чаще общаются с учетом конкретных кратких дел или событий, объединяясь для их выполнения в быстро распадающиеся непрочные социальные образования. Усиливаются горизонтальные социокультурные связи, социальная стигмергия. Выделяется играизация, которая становится одной из характерных черт современной коммуникации. Происходит нивелировка коммуникаций, взаимодействий разного уровня и разных задач. Отмечается, что такого рода изменения способствуют исчезновению из пространства иерархичности, разноразмерности, высококонтекстуальности взаимодействия и в то же время усиливают эмоциональную составляющую коммуникации. Все это создает условия для качественных изменений смыслов и способов социального взаимодействия.

Ключевые слова: социокультурная коммуникация, трансформация коммуникаций, цифровое общество, современная социокультурная ситуация, медиaprостранство

Для цитирования: Листвина Е. В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 386–389. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modern socio-cultural communications: Transformations in the digital age

E. V. Listvina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Evgeniya V. Listvina, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Abstract. The article deals with the problem of transformation of modern communication processes caused by the formation of a new digital society and its influence on all aspects of social and cultural life. Communication becomes diverse, rhizomatically branched, offering an interweaving of channels and means of communication, a multivariate effectiveness and a change in the actual communicants, communication actors. It is noted that long-term social ties cease to be dominant. A qualitatively new environment, called the media space, lays down a new format of communication. Information is perceived in increasingly shorter blocks. The essence and depth of communicative interaction is flattened. People are increasingly communicating taking into account specific brief cases or events, uniting for their implementation in rapidly disintegrating fragile social formations. Horizontal socio-cultural ties and social stigmergia are being strengthened. There is a playization, which is becoming one of the characteristic features of modern communication. There is a leveling of communications, interactions of different levels and different tasks. The author notes that such changes contribute to the disappearance of hierarchy, multi-level, highly contextual interaction from the space and at the same time strengthen the emotional component of communication. All this creates conditions for qualitative changes in the meanings and methods of social interaction.

Keywords: socio-cultural communication, transformation of communications, digital society, modern socio-cultural, media space

For citation: Listvina E. V. Modern socio-cultural communications: Transformations in the digital age. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 386–389 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современные социокультурные условия социальных коммуникаций в настоящее время претерпевают серьезные качественные изменения. Сама идея глубинной трансформации коммуникаций в нарастающем влиянии цифрового общества рассматривается современной гуманитарной наукой уже не один год, но быстро меняющиеся социальные условия заставляют нас обращаться к этому вопросу, учитывая новые нюансы и варианты. Так, В. В. Козловский отмечает резкое изменение «самой природы прагматической направленности социальных коммуникаций. Соперничество различных агентов социокоммуникативного пространства за ресурсы, позиции, влияние порождает ряд общих институциональных и прагматических эффектов: появление новых игроков на локальном и глобальном уровнях, непрерывное переопределение институтов (правил, норм) социокоммуникаций, рост разнообразных сетевых сообществ, новых социокультурных конфигураций и солидарностей» [1, с. 201].

Какие же коммуникационные изменения становятся настолько существенными для современного социума, что оказывают решающее воздействие на него в целом? Какие характеристики современных коммуникационных процессов оказываются определяющими в дальнейшем движении общества? В первую очередь это те изменения, которые происходят под влиянием цифровизации общества, формирования дигитального сознания, происходящего в начале третьего тысячелетия. Л. В. Буркова отмечает такие его черты, как «вовлеченность в информационные потоки, что связано с общедоступностью информации, быстротой ее передачи и получения, легкостью осуществления коммуникационных практик» [2, с. 3].

Отметим, на наш взгляд, наиболее значимые из них. Сразу подчеркнем, что в данной статье предпринята попытка рассмотреть специфику социокультурных коммуникаций в целом, не исследуя специально их поколенческие особенности. Подробнее об этом уже упоминалось в других публикациях [3]. Однако мы изначально опираемся на тот факт, что разные поколения имеют свой социокультурный багаж коммуникационного опыта, так или иначе воспроизводят привычные для них способы поведения и взаимодействия, продолжая находиться в своеобразных коммуникационных нишах со свойственными им моделями общения, хранения и передачи информации. Но в последние годы эти разные поколения начинают следовать новым ритмам социального общения, таким образом вовлекаясь в новые социальные тренды и участвуя в создании новых коммуникационных связей.

Следует отметить изменение пространственно-временной шкалы коммуникаций. Собственно, понимая тотальность социокультурной коммуникации и соглашаясь с Б. А. Парахонским в том, что мы живем в мире коммуникаций, а наше сознание по своей организации имеет изначально коммуникативный характер [4, с. 24], следует отметить, что данная тотальность меняет свое внутреннее содержание и наполнение. Известная схема Г. Лассуэлла «кто, что сказал, через посредство какого канала (средства) коммуникации, кому, с каким результатом» [5, с. 11.] становится многообразно, ризоматически разветвленной, предлагая переплетение каналов и средств коммуникации, многовариантность результативности и изменение собственно коммуникантов, акторов общения. В этом же русле происходят все другие изменения, которые мы рассматриваем.

Коммуникации меняют свою длительность. В предыдущие периоды человеческого существования приветствовались длительные связи, долгое общение, налаженные коммуникации, развивающиеся из поколения в поколение, во всяком случае, предполагались и приветствовались годы общения. Обращалось внимание на процессуальность взаимодействия, которая и составляла главный смысл коммуникации. Долгое общение воспринималось обществом как признак социальной устойчивости, социализации, определенной стабильности. Во многом коммуникация воспринималась как особый продукт деятельности сама по себе, с одной стороны, с другой – была условием существования социума, который не выжил бы без сотрудничества, коммуникативных договоренностей. Имелись разные градации группового и индивидуального общения, тонкие нюансы которых были понятны практически всем членам общества. Таким образом, можно говорить о приоритете длительных коммуникаций в достаточно долгий исторический период.

Нынешние коммуникации меняют свои ценностные ориентиры. Длительные социальные связи перестают быть доминантными в коммуникации представителей поколений начала третьего тысячелетия. Коммуникация становится слишком доступной и разнообразной по способам и возможностям, но именно вариативное изобилие приводит к тому, что в действительности индивид использует всего несколько ее каналов, ориентируясь в первую очередь на их доступность и удобство. Здесь на первом месте оказываются социальные сети и другие всевозможные мессенджеры, предложенные медиапространством.

Качественно новая среда, именуемая пространством медиа, закладывает новый формат общения. Он возможен в любой момент времени, что практически было недоступно еще лет 30 назад, но становится все более кратким. Отчасти это задано самими требованиями и технологическими параметрами устройств, обеспечивающих коммуникацию (например, Twitter), однако даже возможность создать обширное сообщение – в рамках электронной почты или переписки в социальных сетях – уже не устраивает коммуникаторов. Информация воспринимается все более короткими блоками, на что жалуются педагоги, отмечая все более короткую память и восприятие у молодых поколений, не способных удерживать длинные повествовательные информационные отрывки. В целом это соответствует сетевому принципу организации общества, который «становится все более универсальным, а современные виды организационных структур в самых разнообразных сферах деятельности начинают все более соответствовать структурам информации и информационным технологиям» [6, с. 108].

Кроме того, уплощаются сущность и глубина коммуникативного взаимодействия. Новый формат не предполагает глубокого погружения в определенные состояния и переживания. Что, кстати, маркируется названием одного из популярных мессенджеров (Twitter – щебетание, чириканье). То есть его параметры изначально не задавали возможностей для объемной, обширной коммуникации. Это приводит к тому, что, испытывая естественное желание делиться глубинным, участники современных коммуникаций вынуждены сообщать о своих серьезных событиях или ощущениях, используя слишком упрощенный способ передачи информации. В свою очередь, такой способ порождает некоторые искажения в ее восприятии и последующем взаимодействии. Также со временем участники коммуникативного процесса перестают испытывать потребность в сложной передаче своих состояний, что может приводить к социокультурной и психологической примитивизации индивида и социальному взаимодействию и связям в целом. Такому облегченному варианту общения способствует популярность графических изображений (эмодзи, смайлики) в сетевой переписке. Причем следует отметить, что данные графические изображения становятся универсальным способом передачи состояния человека и переключаются из чисто сетевой культуры в другие области социального общения, завоевывая новые социокультурные пространства.

Т. Х. Эриксен называет эти явления «фрагментированной одновременностью» и указывает

на то, что «глубина» социального взаимодействия заменяется «шириной», скользящей по внешней поверхности реальности и усиливающей власть одномоментного, не глубокого в коммуникации, представленного чередой сменяющихся друг друга моментов [7, с. 132].

Коммуникация перестает быть длительной не только в плане ее репрезентации. Изменяется и продолжительность самого общения между индивидами. Люди все чаще общаются с учетом конкретных кратких дел или событий, объединяясь для их выполнения в довольно рыхлые, аморфные образования, быстро распадающиеся после реализации намеченного. Современные исследователи отмечают усиливающуюся горизонтальность таких коммуникаций и называют ее социальной стигмергией [8]. Так, Н. А. Муштей отмечает разветвленную структуру данной формы коммуникации, которая может реализовываться в первую очередь благодаря сетевым ресурсам, программной инфраструктуре [9, с. 159]. Причем это может быть волонтерским проектом, объединяющим людей с активной гражданской позицией, грантовым научным исследованием, связывающим представителей науки для исполнения конкретной научной задачи, и в то же время привлечением партнеров для совместной поездки для экономии средств (как, например, интернет-платформа для междугородних поездок BlaBlaCar) или приятного, ни к чему не обязывающего времяпрепровождения. Такого рода отношения могут отличаться усиливающейся играизацией, которая становится одной из характерных черт современной коммуникации [10].

В этом смысле происходит нивелировка коммуникаций, когда взаимодействия разного уровня и разных задач могут быть реализованы практически одинаковым способом и примерно с аналогичными личностными, социокультурными и психологическими затратами.

В такого рода коммуникациях, бесспорно, есть свои преимущества, но они могут выводить из коммуникативного пространства такие до сегодняшнего дня атрибутивные элементы коммуникации, как межпоколенческие семейные связи, когда семейное общение сводится к реагированию на конкретную ситуацию, научные школы, создающиеся десятилетиями, и в какой-то мере со временем привести к изменению понимания феномена традиции и его роли в обществе.

Это убирает из обширного, многоцелевого коммуникационного пространства иерархичность, разноуровневость, высококонтекстуальность взаимодействия, в то же время довольно часто приводя к гипертрофированной эмоциональной реакции на единицы «сообщений». Скорее всего,

это связано с тем, что социокультурная и психологическая потребность в сложных и глубоких коммуникациях сохраняются, и люди стремятся к ней, но реализуют ее в форме общения ради общения, восполняя отсутствие многогранных, глубоких коммуникаций их клиповым многообразием, эпатажностью, потоком новых, на самом деле ничем не примечательных событий, которые создают фоновую информационную ленту, исчезающую без серьезного следа в том же моменте, в котором она появилась перед индивидом.

Таким образом, мы находимся сейчас в интересном периоде развития социокультурных коммуникаций, отличающихся серьезными трансформациями, результатом которых может стать качественное изменение смыслов и способов социального взаимодействия.

Список литературы

1. Козловский В. В., Пивоваров А. М. Социальные коммуникации : репертуар и эффективность современных технологий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 4. С. 201–207.
2. Буркова Л. В. Социально-философский анализ массового сознания в контексте глобальной информатизации : дис. ... канд. филос. наук. М., 2018. 187 с.
3. Листвина Е. В., Фролова С. М. Социокультурные аспекты межпоколенческих коммуникаций в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 369–373. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373>
4. Брудный А. А., Библер В. С., Швырев В. С., Григорьева Т. П., Огурцов А. Т., Тарасов Е. Ф., Парахонский Б. А. Коммуникация и культурная среда // Диалог и коммуникация – философские проблемы : материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 24.
5. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / отв. ред. А. А. Леонтьев. М. : Наука, 1974. 146 с.
6. Философские аспекты онтологии культуры / сост. и ред. Е. В. Листвина, О. В. Шиндина. Саратов : Саратовский источник, 2019. 163 с.
7. Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / пер. с норв. Е. С. Рачинской и др. М. : Весь Мир, 2003. 204 с.
8. Муштей Н. А. Партиципативное взаимодействие и социальная стигмергия как процессы социальной самоорганизации в современном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика, 2018. Т. 18, вып. 3. С. 270–274. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-270-274>
9. Интеллектуальное измерение онтологии культуры / сост. и ред. Е. В. Листвина, О. В. Шиндина. Саратов : Саратовский источник, 2020. 165 с.
10. Вербина О. В. Игра как агент развития современных социальных коммуникаций // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 2 (10). С. 152–157.

References

1. Kozlovskiy V. V., Pivovarov A. M. Social communications: repertoire and effectiveness of modern technologies. *Zhurnal sotsiologii i social'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2012, vol. 15, no. 4, pp. 201–207 (in Russian).
2. Burkova L. V. *Socio-philosophical Analysis of Mass Consciousness in the Context of Global Informatization*. Dis. Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2018. 187 p. (in Russian).
3. Listvina E. V., Frolova S. M. Sociocultural aspects of intergenerational communications in the digital age. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 369–373 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373>
4. Brydny A. A., Bibler V. S., Shvyrev V. S., Grigor'eva T. P., Ogurtsov A. P., Tarasov E. F., Parahonskiy B. A. Communication and the cultural environment: Dialogue and communication-philosophical problems (Materialy «kruglogo stola»). *Voprosy filosofii*, 1989, no. 7, p. 24 (in Russian).
5. A. A. Leont'ev, ans. ed. *Psikholingvisticheskie problemy massovoy kommunikatsii* [Psycholinguistic Problems of Mass Communication]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 146 p. (in Russian).
6. E. V. Listvina, O. V. Shindina, representatives and eds. *Filosofskie aspekty ontologii kul'tury* [Philosophical Aspects of the Ontology of Culture]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2019. 163 p. (in Russian).
7. Eriksen T. H. *Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age*. London, 2001. 180 p. (Russ. ed.: Eriksen T. H. *Tiraniya momenta. Vremya v epohu informatsii*). Moscow, Ves' Mir Publ., 2003. 204 p. (in Russian).
8. Mushtey N. A. Participative interaction and social stigmmergia as processes of social self-organization in modern society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 270–274 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-270-274>
9. E. V. Listvina, O. V. Shindina, representatives and eds. *Intellektual'noe izmerenie ontologii kul'tury* [The Intellectual Dimension of the Ontology of Culture]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2020. 165 p. (in Russian).
10. Verbins O. V. The game as an agent of the development of modern social communications. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [The Science. Art. Culture], 2016, vol. 2 (10), pp. 152–157 (in Russian).

Поступила в редакцию 23.06.2021, после рецензирования 12.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
 Received 23.06.2021, revised 12.07.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 390–393
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 390–393

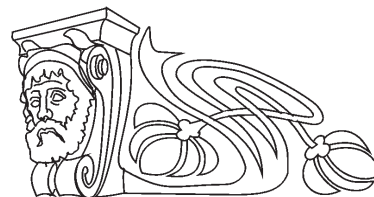
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-390-393>

Научная статья
УДК 101.1:316

Концепция креативности в проблемном поле современной социальной философии

Е. С. Лобанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лобанова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, katrina.s64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-1302>

Аннотация. В настоящей статье рассматривается возрастающий интерес к концепции *креативности* среди научного сообщества междисциплинарного дискурса и месте *креативности* среди философских дисциплин. Концепт креативности анализируется через призму новизны, интеллектуального потенциала и креативного действия. В рамках социально-философского контекста категория креативности раскрывает свой потенциал на основе аксиологического подхода. Прослеживая уход от ценностей традиционного общества, необходимо констатировать, что в качестве новых выступают ценности, способствующие самовыражению человека, расширяющие границы его самоактуализации. Креативность как свойство социальной среды характерна для такого типа общества, в котором традиции не успели стать универсальной формой поведения, побуждая субъектов общества к перманентной рефлексии привычных образцов поведения, производству уникальных форм, оригинальному синтезу ранее известных идей и социальных практик. Являясь интегральным свойством социальной и культурной среды в целом, креативность в конечном итоге демонстрирует стремление человека к новизне и знаменует начало цифровой революции. Развитие креативности благодаря конкретным заданным внешним условиям способствует ее выявлению не просто в определенной научной среде, но и в обществе в целом, в рамках которого функционирует креативный класс.

Ключевые слова: креативность, новизна, интеллектуальный потенциал, креативное действие, креативный класс, ценности

Для цитирования: Лобанова Е. С. Концепция креативности в проблемном поле современной социальной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 390–393. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-390-393>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of creativity in the problem field of modern social philosophy

E. S. Lobanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina S. Lobanova, katrina.s64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-1302>

Abstract. This paper speaks of the growing interest in the category of creativity among the scientific community of interdisciplinary discourse, and the place of creativity among philosophical disciplines. Creativity as a property of the social environment is characteristic of the type of society in which traditions have not managed to become a universal form of behavior, prompting the subjects of society to permanently reflect on habitual patterns of behavior, the production of unique forms, and the original synthesis of previously known ideas and social practices. Being an integral property of the social and cultural environment as a whole, creativity ultimately reveals a person's desire for novelty and marks the beginning of the digital revolution. The development of creativity due to explicitly specified external conditions contributes to its identification not only in a certain scientific environment, but also in the whole society, within which the creative class functions. Within the framework of the socio-philosophical context, the category of creativity reveals its potential based on the axiological approach. Tracing the rejection of the values of traditional society, the new values are those that contribute to the self-expression of a person, expanding the boundaries of his or her self-actualization.

Keywords: creativity, novelty, intellectual potential, creativity of action, creative class, values

For citation: Lobanova E. S. The concept of creativity in the problem field of modern social philosophy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 390–393 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-390-393>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На сегодняшний день термин «*креативность*» прочно закрепился в междисциплинарном дискурсе и наибольшее распространение получил в таких социальных и гуманитарных науках, как психология, нейропсихология, педагогика. Необходимо отметить возрастающую роль исследований креативности в социально-философском контексте. Наряду с категориями «человек», «ценности», «творчество» креативность выступает в качестве самостоятельного объекта социально-философских исследований, понимание внутренней природы которого имеет фундаментальное значение для прогнозирования социокультурной динамики городской среды и информационно-сетевого общества в целом.

В данной работе ставится следующая задача: обозначить многообразие определений креативности, выявить их взаимосвязь, раскрыть исключительность и самодостаточность данного термина в рамках социально-философского дискурса.

Креативность и новизна

В 1959 г. Дж. Гилфорд, один из основоположников психологии творчества, выступая с докладом на конференции Стэнфордского университета, выдвинул идею об измерении человеческого интеллекта с помощью факторного анализа [1]. В результате его изысканий были получены новые выводы, позволившие раскрыть специфику креативности с позиций когнитивной психологии. Ключевыми факторами познавательных способностей, по мнению американского психолога, являются следующие: 1) предвидение, когда испытуемый посредством изученной информации способен выходить за ее пределы и делать некоторые выводы; 2) память; 3) дивергентное мышление; конвергентное мышление; 4) оценка. Как считает исследователь, креативность формируется в процессе создания принципиально новых, отличающихся от традиционных форм идей. Основой креативности служит расходящееся или дивергентное мышление.

А. Маслоу, рассматривая креативность с позиций гуманистической психологии и соотнося ее с творческим процессом, отмечал, что креативность как важнейшая форма раскрытия человеческого потенциала свойственна каждому индивиду [2]. Он выделял такие характерные черты креативности, как умение ориентироваться, воспроизводить оригинальные идеи, гибкость мышления, переключать внимание с одной формы деятельности на другую, с одного элемента на противоположный; способность отстраняться от логически мыслимых форм; создавать немыслимые суждения, представления и идеи, в конечном итоге приводящие к новым логическим связям в мышлении. Категория «креативность» становится

одним из определяющих факторов *самоактуализации* индивида, которая позволяет проявлять спонтанность, независимость от низших, примитивных потребностей.

Согласно исследованиям Э. Голдберга сущность креативности заключается в способности личности создавать, артикулировать и транслировать в процессе коммуникации инновационные идеи, в результате чего они становятся достоянием общественности и культуры в целом. По его утверждению, в век информационных технологий повседневное бытие человека и его жизненное пространство в возрастающей степени *детерминируется радикальными изменениями, порождаемыми инновационными технологиями и социальными практиками, кардинально меняющими привычное восприятие действительности, поведение и ценностные ориентиры индивидов в условиях информационно-коммуникационной революции* [3]. В отличие от информации, закрепившейся в памяти в качестве нормы и закона, новизну можно трактовать как непривычное, неординарное и нерутинное действие. Данное утверждение приближает нас к ответу на вопрос о специфике феномена креативности.

Соотнося категории «креативность» и «новизна», можно предположить, что креативность как свойство социальной среды характерна для такого типа общества, в котором традиции не успели стать универсальной формой поведения, побуждая субъектов общества к перманентной рефлексии привычных образцов поведения, производству уникальных форм, оригинальному синтезу ранее известных идей и социальных практик.

В конечном итоге стремление человека к новизне знаменует начало цифровой революции, следующей за революцией индустриальной. В этом отношении можно согласиться с прогнозом Э. Голдберга, отмечающего, что «...мы находимся в начале другого колоссального креативного культурного взрыва Цифровой революции и перспективой почти полного слияния физического и виртуального мира, биологического и искусственного, на пороге “революции слияния”» [3, с. 24]. *Поколению слияния*, погруженному в собственные смартфоны и отдающему предпочтение цифровой виртуальной реальности, а не реальному физическому миру, более недостаточно собственного созерцания окружающего мира, оно стремится запечатлеть его и транслировать вовне, стирая грани приватного и публичного пространства. В теории Э. Голдберга новизна и «способность экспериментировать со множественными формами» становятся ключевыми предпосылками, определяющими креативность [3, с. 43].

Таким образом, *креативность не является константой*, ее невозможно рассматривать исключительно в качестве свойства личности, поскольку она выступает интегральным свойством социальной и культурной среды в целом. Учитывая, что креативность представляет собой многогранный социокультурный феномен, который невозможно вместить в рамки однозначного определения, в анализе этого феномена креативности необходимо учитывать сложную интегральную природу лежащих в ее основании процессов, что, в свою очередь, делает актуальным и востребованным использование социально-философского подхода.

Креативность и интеллектуальный потенциал

Во втором десятилетии XXI в. возросла социальная потребность научного осмысления категории «креативность», что сопровождается ожиданием развития интеллектуального потенциала университетской, научной и кампусной среды. Наличие сдвигов в социокультурном пространстве и жизненном мире человека позволили обратить внимание на формирование определенно новых моделей поведения индивидов.

Значительный вклад в рассмотрение креативной среды внес Р. Флорида [4]. По его мнению, креативная эпоха, начало которой в Америке знаменуется 2000 г., благодаря развитию городской среды, объединяющей в себе характеристики устойчивого развития с заботой о создании благоприятной, пригодной для проживания обстановки, вызвала существенное внимание к вопросам защиты окружающей среды и экологической безопасности. При этом автор теории креативного класса делает важное уточнение: *креативность не просто существует, а может быть развита, благодаря конкретным заданным внешним условиям, способствующим выявлению креативности как конститутивного свойства социальной среды*. Р. Флорида отмечает, что развитие инфраструктуры и городской среды в целом, создание благоприятного климата для развития социокультурных трансформаций, основанных на открытости, доступности и непредвзятости среди членов общества, стирает все социальные, национальные, этнические и иные различия между представителями креативного класса. Как представляется, именно благодаря возрастающему прогрессу, созданию инновационных технологий в пространстве цифровой среды креативный класс приобретает самостоятельное значение в качестве важнейшего субъекта инновационных трансформаций глобального общества. Наряду с этим свободный доступ к продуктам, созданным креативным классом,

позволяет расширить горизонты инновационных преобразований общества, способствует активизации социальной вовлеченности всех его членов в процесс креативного классообразования или, как считает Р. Флорида, благоприятствует созданию определенного эффективного климата и удобной инфраструктуры, достижимых благодаря динамической, стимулирующей среде с высоким уровнем социокультурного взаимодействия. Такого рода взаимодействие способны обеспечивать университеты и исследовательские институты. Именно инновационным проектам в рамках исследовательской среды Р. Флорида отдает предпочтение, говоря об особенностях эффективного городского климата. Чтобы раскрыть сущность креативного города, университеты должны объединять в себе три основных параметра для развития креативной деятельности: толерантность, талант, технологии.

Думается, что их действия окажутся малоэффективными, если окружающее сообщество не будет заинтересовано в создании развитой инфраструктуры, не сможет освоить и использовать созданные в рамках исследовательской среды технологии и инновации, а также не будет заинтересовано в создании и поддержании качественной инфраструктуры и достойной социальной среды для представителей креативного класса.

Таким образом, необходимо отметить, что, воспроизводя себя, креативный класс обеспечивает наращивание интеллектуального капитала, включая фонды инноваций, образования и науки, развивающихся и работающих на благо всего общества.

Креативность и креативность действия

Наибольший вклад в рассмотрение креативности посредством изучения теорий действия внес немецкий философ, социолог Х. Йоас. В работе «Креативность действия» автор говорит о недостаточности рациональных и нормативно-ориентированных форм действия в наше время [5], так как они не способны объяснить векторы развития и движения индивидов в рамках социальных стратификаций. Оказываясь в самом эпицентре событий, индивид должен сохранять порядок и гармонию как своего личного, жизненного пространства, так и окружающего, социального, придерживаясь заданных в них правил и предписаний. Х. Йоас предлагает интегрировать теории действия для выявления креативных предпосылок, закрепляющихся в качестве новых институциональных правил.

На сегодняшний день креативность выступает в качестве ценностно образующей формы действия. Для социально-философского осмысления ключевым фактором здесь становится именно

возможность сопряжения ее с ценностями и нормами, принятыми в обществе, но и «сами ценности предполагают креативные процессы их конструирования» [5, с. 260]. На наш взгляд, ценности, будучи критерием участия индивида как в становлении общества, так и в формировании его собственного бытия, являются одним из важнейших компонентов мировосприятия человека, где концепт «креативность» оказывается основой бытийственности человека действующего.

В соотнесении действия с ситуацией прослеживается изменение роли действий и мотивов, в рамках которых для возможности совершения самого действия действующему субъекту необходима предварительная оценка происходящего. Так, креативность действия актуализируется в условиях столкновения личности с окружающим социальным пространством посредством рефлексии раннее пережитого опыта. Как представляется, характерной чертой креативного действия является связь с повседневностью, так как креативность становится потенциальной возможностью каждого индивида в обнаружении личностных качеств самореализации и самосовершенствования в перспективе социальной реальности. Развитие эмоционально-мотивационной сферы человека, индивида, личности – логичное следствие уникальной природы человека, в которой наличествуют его аффективно-волевые, интеллектуальные, интуитивные способы самовыражения. Креативность отражает специфику личностной самоидентификации в условиях ценностной ориентации путем общественных трансформаций. Обращаясь к исторически осмысленному опыту предшествующих поколений, субъекты приходят к выводу, согласно которому социальное измерение креативных практик обусловлено тенденцией усиления инновационных подходов во всех сферах жизнедеятельности общества.

Креативность является способностью, которую возможно развить; характеризуется психологическим аспектом, ценностным ориентиром и вектором развития личности. Синтезирующей моделью креативной деятельности, в которой находят компромисс амбивалентные структуры социализации индивидов, может служить формирование научно-исследовательской среды, обеспечивающей пространство для коллективного взаимодействия представителей различных социальных классов и статусов на базе единой ценностной ориентации, что, в свою очередь, позволит сформировать новый креативный класс.

Таким образом, в рамках социально-философского контекста категория «креативность» раскрывает свой потенциал на основе аксиологического подхода. Прослеживая уход от ценностей традиционного общества, в качестве новых выступают ценности, способствующие самовыражению человека, расширяющие границы его самоактуализации. Термин имеет право на существование, и представленные в данной работе определения креативности позволяют говорить о его самодостаточности в социально-философском дискурсе. Разговор о категории «креативность» возможен благодаря совокупности ряду определений, раскрывающих ее многообразие явленности миру.

Список литературы

1. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М. : Мысль, 1965. С. 433–457. URL: http://practicalthinking.narod.ru/psy_of_thinking_matushkin.pdf (дата обращения: 16.02.2021).
2. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. СПб. : Питер, 2012. 352 с.
3. Голдберг Э. Креативный мозг. Как рождаются идеи, меняющие мир. М. : Эксмо, 2019. 384 с.
4. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М. : Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с.
5. Йоас Х. Креативность действия. СПб. : Алетея, 2005. 320 с.

References

1. Gilford Dzh. *Tri storony intellekta: Psihologija myshlenija* (Three Sides of Intellect: The Psychology of Thinking). Moscow, Mysl' Publ., 1965, pp. 433–457. Available at: https://www.studmed.ru/gilford-dzh-tri-storony-intellekta_c5b99e51621.html (accessed 16 February 2021) (in Russian).
2. Maslow A. *Motivation and Personality*, by Addison-Wesley Educational Publisher Inc., 1970 (Russ. ed.: Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'*. 3rd ed. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 352 p.).
3. Goldberg E. *Creativity: The Human Brain in the Age of Innovation*. New York, Oxford University Press, 2018. 274 p. (Russ. ed.: Goldberg J. P. *Kreativnyj mozg. Kak rozhdayutsja idei, menjajushhie mir*. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 384 p.).
4. Florida R. *Kreativnyj klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushchee* [Creative Class. People, who create future]. Moscow, Izdatel'skiy dom «Klassika-XXI», 2007. 421 p.
5. Joas H. *Kreativität des Handelns*. Frankfurt/M., 1996 (Russ. ed.: Yoas Kh. *Kreativnost' deystviya*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2005. 320 p.).

Поступила в редакцию 23.05.2021, после рецензирования 30.05.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 23.05.2021, revised 30.05.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 394–398

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 394–398

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-394-398>

Научная статья

УДК 1(470) (091)

Историко-философские взгляды В. И. Засулич (на примере работы «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей»)

О. А. Мартынова

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Мартынова Ольга Александровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации», martoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1328-823X>

Аннотация. Статья посвящена творчеству русской революционерки, писательницы и теоретика марксизма В. И. Засулич. Предмет рассмотрения – историко-философские взгляды мыслительницы, которые анализируются на основе ее работы, посвященной творчеству Ж.-Ж. Руссо – «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей», ранее оставшейся практически без внимания исследователей. Цель работы – проанализировать основные принципы подхода В. И. Засулич к исследованию философской мысли: стремление к воссозданию исторической обстановки и ментальной обстановки, направленность на выделение социально-политических и идеологических детерминант взглядов конкретного мыслителя, выделение уникальных и новаторских, по сравнению с современниками и предшественниками, мыслей, влияние мыслителя на современников и потомков. Методика исследования – системный анализ, реконструкция трудов В. И. Засулич по заданной проблематике. Работа В. И. Засулич представляет собой полноценное научное исследование: она анализирует труды мыслителя, ссылается на других исследователей его творчества, выделяет детерминанты направленности его работ, новаторство философа и его вклад в науку, а также его влияние на дальнейшее развитие духовной жизни, т. е. придерживается марксистской методологии историко-философских исследований (и в значительной мере формирует эту методологию для русских ученых).

Ключевые слова: В. И. Засулич, история философии, русская философия, марксизм, русский марксизм, материалистическое понимание истории, Ж.-Ж. Руссо, Просвещение

Для цитирования: Мартынова О. А. Историко-философские взгляды В. И. Засулич (на примере работы «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 394–398. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-394-398>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Historical-philosophical views of V. I. Zasluch (On the example of the work “Jean-Jacques Rousseau. The experience of characteristics of his social ideas”)

O. A. Martynova

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Olga A. Martynova, martoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1328-823X>

Abstract. The article is devoted to the work of the Russian revolutionary, writer and Marxist theorist V. I. Zasluch. The subject of consideration is the historical and philosophical views of the thinker, which are analyzed on the basis of her study devoted to the work of J.-J. Rousseau – “Jean-Jacques Rousseau. The experience of characteristics of his social ideas”, which previously remained almost without the attention of researchers. The purpose of the work is to analyze the basic principles of the approach of V. I. Zasluch to the study of philosophical thought: the desire to recreate the historical situation and the mental situation, the focus on the selection of socio-political and ideological determinants of the views of a particular thinker, the selection of unique and innovative thoughts compared to contemporaries and predecessors, the influence of the thinker on contemporaries and descendants. The research methodology is the system analysis, and reconstruction of the works by V. I. Zasluch on the problems of research. The work of V. I. Zasluch is a full-fledged scientific research: it analyzes the works of the thinker, refers to other researchers of his work. It identifies the determinants of the direction of his works, the thinker’s innovation and contribution to philosophy, as well as his influence on the further development of spiritual life, that is, adheres to the Marxist methodology of historical and philosophical research (and largely forms this methodology for Russian scientists).

Keywords: V. I. Zasluch, history of philosophy, Russian philosophy, Marxism, Russian Marxism, materialist conception of history, J.-J. Rousseau, Enlightenment

For citation: Martynova O. A. Historical-philosophical views of V. I. Zasluch (On the example of the work "Jean-Jacques Rousseau. The experience of characteristics of his social ideas"). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 394–398 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-394-398>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время активно изучается женский вклад в историю и духовную культуру человечества. В ряду исторических событий особое место занимают русское революционное движение и формирование советской действительности и идеологии, роль женщин в которых была достаточно высока. Широко известны имена Э. Маркс, К. Цеткин, Р. Люксембург, В. И. Засулич, С. Л. Перовской, В. Н. Фигнер, Н. К. Крупской, И. Ю. Арманд, А. М. Коллонтай, Л. И. Аксельрод и др. Существует множество исторических исследований, посвященных роли женщин в русском революционном движении. Однако вклад женщин в теоретическую подготовку и разработку коммунистической идеологии изучен недостаточно. Большинство исследований посвящено пониманию женщинами места женщины в новом обществе, философско-эстетическим взглядам русского народничества. Однако круг теоретических интересов деятельниц революционного движения был гораздо шире. В. И. Засулич и Л. И. Аксельрод стояли у истоков формирования диалектического материализма и марксистской концепции истории философии, надолго определивших методологическую базу и вектор развития советских философских исследований. Рассмотрение их взглядов поможет решить еще одну актуальную задачу современной философии – проанализировать марксистскую методологию философии и науки без идеологического подтекста и крайностей, которые неоднократно допускались.

Историко-философские взгляды В. И. Засулич рассматриваются в данной статье на примере работы, изданной под псевдонимом «Н. Карелин» и посвященной одному из самых неоднозначных представителей французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо. Книга была написана в 1898 г., когда В. И. Засулич отступила от народнических взглядов и перешла на позиции марксизма. По ее словам, «все, что народничество могло сказать, было уже сказано лет десять тому назад, и теперь у него нет больше сил даже на то, чтобы сделать “усилия”, – все ограничивается одними и теми же фразами» [цит. по: 1, с. 308]. Выводы, сделанные в этих работах, соответствуют методологии марксизма.

Говоря о марксистской методологии историко-философских исследований, З. А. Каменский отмечает, что «марксистская теория усматривала три детерминанта происхождения и развития

философских идей: социально-исторический («реальный базис», «способ производства») и предметный («сама действительность»), а также традицию» [2]. В трудах В. И. Засулич нет столь четкого разграничения детерминантов, однако все они присутствуют. В труде, посвященном социально-политическим взглядам Ж.-Ж. Руссо, исследовательница выделяет социально-экономические проблемы, на решение которых были направлены теории Руссо и его единомышленников: низкая рентабельность крестьянского хозяйства, остаточные проявления крепостного права, неразумное расходование бюджетных средств, постепенное развитие товарно-денежных отношений, формирование рынка наемного труда. Взгляды просветителей, по мнению В. И. Засулич, были обусловлены реальными социальными потребностями. Внимание Руссо к происхождению человека и общества было, по ее словам, связано со стремлением буржуазии теоретически обосновать свое господство в новом справедливом обществе без сословных привилегий. На этом основании В. И. Засулич выделяет социальную базу французского Просвещения – буржуазию и прогрессивно мыслящее дворянство.

В. И. Засулич также уделяет внимание детерминанту философской традиции, изучать который в истории философии, по словам З. А. Каменского, начали именно марксисты. В работе «Жан-Жак Руссо» целая глава посвящена творчеству философов и ученых, исследовавших проблемы природы, общества, экономических отношений: Дж. Локка, Вольтера, П. Гольбаха, Г. Мабли, Фр. Кенэ, Э.-Г. Морелли, П.-П. Мерсьеде-ла-Ривьера. Ими были высказаны идеи о природной сущности человека, о влиянии структуры производства и производственных отношений на государство и общество, впоследствии развитые и переосмысленные Ж.-Ж. Руссо. Просветители, как считает В. И. Засулич, сформулировали и обосновали тезисы о природном происхождении человека, которое от рождения наделяет людей равными правами (но не равными способностями), отождествили понятия «естественное» и «разумное», проанализировали влияние структуры производства на общество, выявили разницу между чистым и валовым доходом.

Выделив и проанализировав детерминанты философских взглядов Ж.-Ж. Руссо, В. И. Засулич приступает к освещению оригинальных взглядов мыслителя. Уже по названию работы,

посвященной его творчеству, видно, что исследовательницу интересует весьма ограниченный круг проблем – представления мыслителя об обществе, его влиянии на людей, типах общества и государства, эффективности власти и ее условиях, соотношении общественного бытия и общественного сознания. Выбор проблем, возможно, обусловлен марксистским подходом к философии истории и рассмотрением ее с точки зрения формирования коммунистической идеологии.

Исследуя творчество Ж.-Ж. Руссо, В. И. Засулич также отмечает мысли, которые, с одной стороны, выделяли его из рядов просветителей, а с другой – сделали основоположником иных мыслей и концепций. В первую очередь новаторство Ж.-Ж. Руссо выражалось в пересмотре роли природы в жизни человека и общества. Мысли о врожденных свойствах человека и образовании государства под их влиянием высказывались и ранее, но именно Ж.-Ж. Руссо впервые заговорил о биосоциальной сущности человека, о влиянии его инстинктов (себялюбия и жалости) на содержание многих моральных и правовых норм, о необходимости следовать за природой как в социализации человека, так и на протяжении всей его жизни. Также он отмечал влияние демографических параметров на развитие общества. Так, одной из причин неравенства и эксплуатации он считал нехватку ресурсов, возникшую в результате естественного прироста населения. С этими мыслями тесно связан еще один вклад философа в изучение человека и общества – изменение отношения к раннему периоду развития человечества. Для всех просветителей было характерно противопоставление грубого, необразованного дикаря, не имеющего ни малейших представлений о нравственности, цивилизованному человеку, который вместе с передовыми достижениями науки и искусства усваивает гражданские и нравственные ценности. Ж.-Ж. Руссо отмечает, что «дикари» имели свои довольно четкие и разумные моральные правила, которые по сути являются продолжением инстинктов, лучше относились друг к другу из-за отсутствия рычагов угнетения и были счастливее современных людей, так как не знали другой жизни и довольствовались тем, что имели. В этой связи Руссо первым среди просветителей обращает внимание на двойственную роль образования и технического прогресса в жизни человека и общества: помимо знаний, они внушают множество ненужных, а часто и вредных мыслей и желаний. Так же двойственно им трактуются законы. Говоря о понимании французским мыслителем закона как способа единения людей,

В. И. Засулич считает его скорее недостатком, чем достоинством политической теории Руссо: полагая, что законы отражают разумные, т. е. природные, правила существования людей, чем объединяют их в гражданское общество, французский мыслитель недооценил социальное и имущественное расслоение этого общества, а также не допустил вероятности борьбы внутри него. Кроме того, В. И. Засулич сосредоточивается на идейно близкой ей трактовке законов как способа угнетения одних людей другими. Она подчеркивает, что положительная роль законов была в представлении Ж.-Ж. Руссо частью замысла по угнетению: «Теснимые необходимостью обеспечить свое вечно нарушаемое владение, они должны были... превратить своих противников в защитников и охранителей» [цит. по: 3, с. 59].

Еще одной заслугой Руссо В. И. Засулич считает выделение и анализ экономической детерминанты развития общества. При этом она признает, что Руссо не был первым, кто анализировал экономические отношения в обществе, а также и то, что мыслитель не дает полного и всестороннего анализа способа производства материальных благ, за что его учение неоднократно критиковалось. Однако Руссо прослеживает связь экономических отношений с другими сферами жизни общества. Во-первых, он отмечает влияние структуры производства на социальную и духовную жизнь человечества. Так, по его мнению, именно изобретение орудий труда нарушило равенство между людьми, привело к появлению моногамных семей, заботящихся о собственном, а не об общем благе, сделало людей более эгоистичными, вызвало к жизни новые потребности и стало причиной появления первых ограничений и разочарований.

Следующей вехой, уничтожившей первобытное состояние людей, стало, по мнению Ж.-Ж. Руссо, изобретение земледелия и металлургии. Во-вторых, Ж.-Ж. Руссо отметил, что частная собственность стала причиной неравенства и эксплуатации, закрепленной образованием государства. Исследуя это положение его теории, В. И. Засулич предостерегает читателя от выдергивания отдельных мыслей из контекста. По ее словам, широкая публика часто судит о представлениях Ж.-Ж. Руссо о формировании института частной собственности по расхожей и соответствующей стилю мышления просветителей фразе о человеке, решившем отгородить и объявить своим клочок земли. На самом деле, пишет В. И. Засулич, философ в «Рассуждении о неравенстве» описывает длительный и многоплановый процесс формирования собственности и закрепления ее государственными законами, а

слова о клочке земли «нужны были Руссо, чтобы оттенить громадное значение собственности в развитии человечества и причинную зависимость возникновения государства от развития собственности» [3, с. 70]. В-третьих, Ж.-Ж. Руссо поднял проблему эксплуатации человека человеком и ее влияния на общество. Он видит в ней, с одной стороны, закономерное следствие неравенства людей и частной собственности, а с другой стороны, одну из движущих сил развития общества и условие прогресса в материальной и духовной жизни. Так, он отмечал, что свобода граждан Древней Греции и Древнего Рима могла существовать только благодаря рабству, освобождавшему их для общественной деятельности, а в современной философу Франции «дома Парижа строились – по его мнению, – из хижин крестьян» [цит. по: 3, с. 153].

Эксплуатация, противоречащая исконному человеческому инстинкту – жалости, усиливается по мере развития общества, так как удовлетворяет другой человеческий инстинкт – себялюбие и приносит выгоду эксплуататорам. Разрешить это противоречие, считает мыслитель, должно народовластие. В отличие от остальных просветителей Руссо был резко против деления граждан на образованную элиту и ведомое большинство. В управлении государством так или иначе должны участвовать все граждане, объединенные общностью жизни и руководимые законом.

Несомненным вкладом Ж.-Ж. Руссо в философию В. И. Засулич считает привнесение им идеи развития и закономерности в изучение истории человечества. Он прослеживает причинно-следственные связи между явлениями и событиями, отмечает главные и побочные результаты изменений: влияние демографического фактора на изменение общественных отношений и изобретение орудий труда, открытие новых отраслей производства как причина возрастания потребностей, возникновение частной собственности, эксплуатации и т.д. Заслугой французского мыслителя является также последовательное материалистическое понимание истории. В. И. Засулич отмечает понимание им человеческих потребностей как главной движущей силы развития общества, влияние общественного бытия на общественное сознание. Это делает его одним из предшественников марксистского толкования истории. Однако эти же мысли Ж.-Ж. Руссо, по мнению В. И. Засулич, исключают его из рядов просветителей. По словам исследовательницы, Ж.-Ж. Руссо не разделял линейного понимания истории и понятия разума и просвещения как критерия общественного прогресса. «Уверенное, что для благоденствия человеческих обществ всего важнее выбрать

самый разумный из предлагаемых рецептов их переустройства, французское общество пробежало “Рассуждение о неравенстве” именно с этой точки зрения и, найдя рецепт несерьезным, отложило его в сторону» [3, с. 64].

Рассмотрев факторы, определяющие проблемное поле и методологию философии Ж.-Ж. Руссо, выявив его новаторство в философии, В. И. Засулич также отмечает влияние мыслителя на дальнейшее развитие философии (возможно, именно по этой причине Г. В. Плеханов говорил, что ее историко-философские исследования «выявляют диалектический характер взглядов Руссо» [цит. по: 4, с. 239]). Влияние это довольно существенно. С точки зрения В. И. Засулич, именно Ж.-Ж. Руссо принес в Европу моду на «естественный» образ жизни: «Жить летом в поместье или на даче, матерям из высших классов самим кормить детей грудью, не слишком наряжать и дрессировать подростков и проч.» [3, с. 8].

Рассмотрение истории в развитии, проследивание причинно-следственных связей между событиями, выявление зависимости сознания от бытия, а прогресса – от эксплуатации сделали Ж.-Ж. Руссо предшественником диалектико-материалистического подхода к истории, разработанного впоследствии К. Марксом и Ф. Энгельсом. Уверенность Руссо в равенстве людей и необходимости народовластия послужили причиной того, что «Рассуждения о неравенстве» и «Общественный договор» стали настольными книгами якобинцев. Ограниченность философии Ж.-Ж. Руссо состояла, по мнению В. И. Засулич, в том, что он слишком однозначно связывал прогресс с усилением эксплуатации, не обращая внимания на постепенное освобождение эксплуатируемого населения, а также в недооценке роли классовых противоречий в обществе, вере в возможность их преодоления средствами представительской демократии.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, историко-философские работы В. И. Засулич являются полноценными научными исследованиями: она анализирует труды мыслителя, ссылается на других авторов, изучающих его творчество: Д. Ф. Страусса, К. А. Коллини, Н. И. Кареева, С. Н. Южакова и др. Во-вторых, в исследовании творчества французского философа она сосредоточивается на близких ей проблемах законов общества. В-третьих, В. И. Засулич, изучая творчество Ж.-Ж. Руссо, выделяет социально-политические и научные детерминанты развития и направленности его работ, новаторство мыслителя и его вклад в философию,

а также влияние на дальнейшее развитие духовной жизни, т. е. придерживается марксистской методологии историко-философских исследований и в значительной мере формирует эту методологию для русских ученых.

Список литературы

1. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М. : Государственное издательство политической литературы, 1951. 375 с.
2. Каменский З. А. История философии как наука в России XIX–XX вв. М. : Эслан, 2001. 332 с. URL: <http://disus.ru/knigi/4611-5-zakamenskiy-istoriya-filosofii-kak-nauka-rossii-xix-xx-moskva-2001-kamenskiy-istoriya-filosofii-kak-nauka-rossii-xix.php> (дата обращения: 15.02.2021).
3. Карелин Н. Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей. СПб. : Типо-литография А. Лейферта, 1898. 156 с.
4. Ванчугов В. В. Женщины в философии. Из истории философии в России конца XIX – начала XX вв. М. : РИЦ «Пилигрим», 1996. 304 с.

References

1. *Perepiska K. Marksa i F. Engel'sa s russkimi politicheskimi deyatel'nyami* [Correspondence of Karl Marx and F. Engels with Russian Political Figures]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. 375 p. (in Russian).
2. Kamenskij Z. A. *The history of philosophy as a science in Russia of the XIX–XX centuries*. Moscow, Aslan Publ., 2001. 332 p. Available at: <http://disus.ru/knigi/4611-5-zakamenskiy-istoriya-filosofii-kak-nauka-rossii-xix-xx-moskva-2001-kamenskiy-istoriya-filosofii-kak-nauka-rossii-xix.php> (accessed 15 February 2021) (in Russian).
3. Karelin N. *Jean-Jacques Rousseau. Opyt harakteristiki ego obshchestvennykh idej* [Jean-Jacques Rousseau. The Experience of Characteristics of His Social Ideas]. St. Petersburg, Tipo-litografiya A. Lejferta, 1898. 156 p. (in Russian).
4. Vanchugov V. V. *Zhenshchiny v filosofii. Iz istorii filosofii v Rossii kontsa XIX – nachala XX vv.* [Women in Philosophy. From the History of Philosophy in Russia at the End of the XIX-Beginning of the XX Centuries]. Moscow, RITs "Piligrim", 1996. 304 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 23.02.2021, после рецензирования 15.03.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 23.02.2021, revised 15.03.2021, accepted 13.09.2021

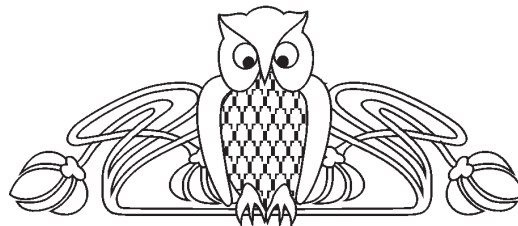

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 399–404
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 399–404
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-399-404>

Научная статья
УДК 111+101.1:316

Теорема Святого Иоанна

С. И. Мозжилин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мозжилин Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Аннотация. В статье анализируются духовно-мистические компоненты, фундамирующие речь, язык и самосознание человека. Исследование осуществляется на основе междисциплинарного подхода. Главное внимание концентрируется на прологе Святого Иоанна, рассматриваемом в качестве научной теоремы, открывающей путь к решению проблемы бытия языка и самосознания человека. Методологической базой исследования является авторский концепт образования знака-символа мистического, бестелесного существа – духа, составившего основу символа лица, в филогенезе человечества как следствия психических механизмов переноса и замещения. Данный концепт впервые применяется в аспекте осмысления пролога Святого Иоанна, что составляет новизну исследования. В работе логически обосновывается невозможность существования человеческого слова и вместе с тем абстрактного мышления и самосознания без психической реальности бестелесного, мистического контролера и словесного оформителя мысли – духа, побуждающего субъект к непрекращающимся актам идентификации с ним. Вместе с тем логика исследования позволяет сделать вывод о научной истинности пролога Святого Иоанна касаясь начала человеческого языка и самосознания. В качестве вывода подчеркивается ключевое значение религиозной веры в мистического властелина для осуществления бытия языка и самосознания человека.

Ключевые слова: Бог, дух, знак, символ, слово, лицо, имя существительное, перенос, замещение, психическая реальность

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

Для цитирования: Мозжилин С. И. Теорема Святого Иоанна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 399–404. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-399-404>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

St. John's theorem

S. I. Mozhilin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey I. Mozhilin, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Abstract. The article analyzes the spiritual-mystical components underlying speech, language and self-consciousness of a person. The research is carried out on the basis of an interdisciplinary scientific approach. The main attention is focused on the prologue of St. John, considered as a scientific theorem that paves the way for solving the problem of the existence of language and human self-consciousness. The methodological basis of the study is the author's concept of the formation of a sign-symbol of a mystical, disembodied being – a spirit, which formed the basis of a face symbol, in the phylogeny of humanity, as a consequence of mental mechanisms of transfer and replacement. This concept is used for the first time in the aspect of comprehending the prologue of St. John, which is the novelty of the study. The work logically substantiates the impossibility of the existence of the human word, and at the same time of abstract thinking and self-consciousness, without the psychic reality of an incorporeal, mystical controller and verbal designer of thought – namely, the spirit that prompts the subject to incessant acts of identification with him. At the same time, the logic of the study allows us to draw a conclusion about the scientific truth of the prologue of St. John, with regard to the beginning of human language and self-consciousness. Also, as a conclusion, the author emphasizes the key importance of a religious belief in a mystical ruler for the realization of the existence of language and self-consciousness of a person.

Keywords: God, spirit, sign, symbol, word, face, noun, transfer, substitution, psychic reality

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “ The variety of theological, philosophical and scientific approaches to comprehending the phenomenon of Christian religious and mystical experience: horizons and limits of interdisciplinary synthesis” No. 21-011-44095).

For citation: Mozzhilin S. I. St. John's theorem. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 399–404 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-399-404>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследования религиозно-мистических компонент, фундирующих язык и религию, актуальны как для понимания психических механизмов, обуславливающих непрерывный речевой процесс, так и для разработок анализа психологии мотивов, побуждающих к религиозным поискам и обоснованиям сакрального, сокрытого в себе и окружающем мире. Наиболее ярко эти поиски отражены в трудах представителей богословия. В данной работе анализируются слово человеческое и Слово божественное, о котором говорит Святой Иоанн, начиная евангелическое повествование.

Итак, «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (От Иоанна, 1:1). Этот пролог Евангелия от Иоанна подчеркивает божественную субстанциональность бытия, являющуюся Словом. Но как Слово, которое является Богом, составило основу материального мира? Многие богословы ломали голову над решением этого вопроса. Святой Августин вопрошал Господа по этому поводу: «И откуда могло быть у Тебя вещество, которого Ты не сделал раньше, чтобы потом из него сделать что-то? Все, что есть, есть только потому, что Ты есть. Ты сказал «и явилось» и сказал Ты это словом Твоим [1, с. 163]. Вряд ли этот вопрос может иметь позитивное решение. Конечно, можно заявить, что материя вечна. Объявление вечности и бесконечности материи неминуемо влечет за собой признание вечности и беспредельности сознания. Из истории философской мысли следует, что данные размышления порождают либо идею субстанционального дуализма, наиболее ярко выраженную Декартом, либо антиномии Канта, либо признание за материей способности мыслить, объявив дух «высшим цветом развития материи», как это сделал Маркс.

Сознание проявило себя в человеке, как полагают материалисты, на определенном этапе развития материи. Однако вечность предполагает бесконечное количество этапов, на которых проявлялось сознание в материи, позволяющее утверждать, что оно всегда было, есть и будет. В этой связи следует согласиться с К. Г. Юнгом в том, что научный материализм дал высшему принципу бытия лишь другое имя [2, с. 94]. Конечно, можно следовать и Гегелю, полагая, что Дух (Абсолютная идея) противопоставил себя себе в качестве материальной природы, в которой стремится достичь тождества с собой, проявляясь в человеческом разуме. В любом

случае надо признать все это лишь метафизическими спекуляциями по поводу основополагающих принципов бытия. Думается, отчасти прав К. Г. Юнг, замечая: «На самом деле психическое бытие есть единственная категория бытия, о которой мы знаем непосредственно, ибо ничто не может быть предметом знания, если не выступает в качестве психического образа. Непосредственно достоверно только психическое существование» [2, с. 100]. Но все же следует принять и объективную реальность, воздействующую на наши органы чувств, иначе мы окажемся в плену сугубо мистического опыта освобождения от такого воздействия. Собственно, этот опыт, накопленный адептами религий Индии и Китая, и интересовал К. Г. Юнга.

У Бога нет материальных образов, но сознание людей постоянно продуцирует различные образы бестелесных существ, в том числе и Бога. Зачастую мы называем это плодами человеческих фантазий. В их объективности приходится сомневаться, что вполне нормально. По этому поводу вряд ли особо можно возражать Ж. Лакану, замечающему, что способность людей не воспринимать многие вещи всерьез является показателем их нормальности [3, с. 219], хотя согласимся с М. В. Шугуровым в том, что осмысление понятия «норма» касаясь многообразного религиозно-мистического опыта весьма не однозначно в различных культурах [4, с. 457]. Впрочем, и Святой евангелист Иоанн однозначно отмечает: «Бога не видел никто никогда: Единородный Сын сущий в недре Отчем Он явил» (От Иоанна, 1:18). Заметим при этом, что Библия изначально говорит нам о том, что образ Бога мы наблюдаем без всяких фантазий в повседневной жизни, глядя на себя и на окружающих, поскольку в ней сказано: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Бытие, 1:27). Подчеркнем, что мы лишь люди, поскольку смертны и не знаем всего. Да и словом ничего создать и подвинуть не можем, разве что создаем идеи вещей, облегчающих нашу жизнь, которые производим руками, оснащенными орудиями труда. Но Иисус Христос обрел бессмертие и постиг истину, воссоединившись с Отцом Небесным, став Духом бессмертным, конечно если мы в это верим. Он и является второй ипостасью Бога. Но Сын в Евангелии не является тем же, что и Дух. Российский богослов В. Н. Лосский отмечает: «Сын и Дух открываются нам в Евангелии

как два Божественных Лица, посланные в мир; Одно, – чтобы соединиться с нашей природой и ее возродить. Другое, – чтобы оживить личную нашу свободу. У каждого из этих двух Лиц свое особое отношение к Отцу (рождение и исхождение)» [5, с. 465]. И рождение, и исхождение осуществляются Словом. Пожалуй, более сложным для понимания является первое. Можем ли мы наблюдать или осуществлять материализацию слова? Надо признать, что преобразование слова в тело, осуществленное в непорочном зачатии Иисуса Христа, для нас является верой, но не знанием, которое можно проверить в чувственном опыте, хотя наглядно как слово, обретшее психическую реальность, изменило человеческое тело, прежде всего головной мозг, в процессе эволюции.

Сразу заметим, что представления о Боге, впрочем, как и обо всем, что не имеет физического образа, отсутствуя в чувственном опыте, без наличия слова не могут быть предметом мысли, о котором можно сообщить окружающим. Вряд ли мы решим проблему материализации слова в мире, но его возникновение в психической реальности человека вполне можно объяснить. На наш взгляд, образование Слова, вместе с ним и начало сознательного бытия обусловлены схожим с прологом Святого Иоанна обстоятельством. Ведь абстрактное мышление человека не имеет иных, кроме словесных, форм выражения. Человек всегда говорит внутри себя. И не важно, происходит ли речь в звуковом режиме или в виде зрительных образов. Например, в мышлении глухонемых слова, выражаемые жестами, также всегда являются символами лиц, оформляющими мысли. Конечно, слово может воспроизводиться и звуком, и зрительным образом. Поэтому касаясь Бога невозможно однозначно утверждать, каким образом выразилось Слово, которое было «в Начале». По этому поводу существует множество мнений. Но, думается, что все же следует согласиться с замечанием М. С. Иванова: «Первичность Предания означает, что слово Бога в определенный период было устным, не облеченным в “плоть” письменного языка» [6, с. 30]. К тому же, как замечает Ю. М. Дуплинская, следующая традиция интерпретаций Слова Отцами Церкви: «Звучащее слово в отличие от написанного несет в себе энергии творения» [7, с. 255]. Но, как бы там ни было, полагаем, что психическую реальность человека вначале обрело звуковое слово. Главным аргументом для нас является прагматический фактор: звуковое слово, в отличие от зрительного символа, можно использовать для общения в любое время суток.

Итак, подчеркнем: для возникновения абстрактного мышления необходимо слово, оформляющее мыслительные наглядно-образные восприятия постоянным речевым процессом, вместе с тем побуждающее субъект к контролю инстинктивных желаний. Чтобы выполнять такие функции, изначально слово должно было содержать в себе этого контролера желаний и оформителя мысли. Языки народов, находящихся на стадии дикости, и мифы, сохранившие первичные формы языков цивилизованных народов, наглядно демонстрируют, что данные функции выполняют имена мистических духов. Этот факт наглядно отразил в сравнительном анализе мифов и языков индоевропейской языковой семьи М. М. Маковский [8, с. 415]. Полагаем, что это обстоятельство имеет вполне позитивное решение, если мы сконцентрируем внимание на главном факторе, отличающем человеческие слова от коммуникативных сигналов животных, коим является символ лица. В этой связи подчеркнем, что, для того чтобы решить проблему возникновения языка и сознания, в первую очередь необходимо вскрыть психический механизм, обусловивший фиксацию символа лица. Полагаем, что данный механизм заключен в психическом переносе и замещении. Буквально: вступление наших предков в сознательный этап развития обусловило психический перенос центра тяжести источника власти, буфера агрессии и концентрации внимания с доминирующей особи на сигнал, посредством которого все это осуществлялось [9, с. 75].

Вряд ли стоит особо убеждать людей, сколь-либо знакомых с этологией, в том, что в зоологическом сообществе функции контроля поведения выполняет лидер. Он и является главным концентратором внимания и буфером агрессии, используя ко всему прочему звуковые коммуникативные сигналы. Но сигнал, потерявший связь с носителем, поскольку его стали использовать в качестве концентрации внимания, буфера агрессии и проявления власти, все члены первобытной группы гоминид, обрел автономию, превратившись в символ отсутствующего в чувственном опыте, а следовательно, бестелесного контролера, с которым стремится идентифицировать себя субъект. Он и составил основу знака-символа незримого властелина, от которого стала передаваться информация.

В научной литературе часто высказываются сомнения по поводу возможности превращения коммуникативного зоологического сигнала в слово. Например, В. А. Фриауф замечает: «Иными словами, язык как таковой не может возникнуть из того, что языком, в строгом смысле, не явля-

ется» [10, с. 293]. Однако, следуя диалектике, заметим, что все в материальном мире возникает из чего-то иного. Да, вождь был источником коммуникативного зоологического сигнала, но не слова. Сигнал, потерявший связь с конкретным носителем (вождем), в результате использования его всеми членами группы стал словом благодаря возникновению веры в бестелесного цензора поведения, которому перешли функции лидера, он и явился внешней причиной. В этой связи отметим, что слово изначально обозначало мистическое бестелесное существо, контролирующее мысли, которое представители первобытного общества именовали духом. Передача информации от этого существа влекла за собой незавершаемые акты идентификации с ним и облачение в лицо. Данное явление обусловило скачок ко второй сигнальной системе. Надо полагать, что коммуникативные сигналы первой сигнальной системы, передаваемые от незримого контролера человеческих мыслей – духа, могли иметь автономию и от ситуации, и от субъекта, что является одним из главных условий существования второй сигнальной системы и отличительных признаков языковых знаков-символов от зоологических сигналов. Любой набор гласных и согласных звуков, указывающий на тот или иной предмет, соотносимый с лицом и передаваемый от лица, становился именем существительным. При этом, наверное, банально говорить о том, какую силу внушения имела мысль, передаваемая от мистического, вездесущего повелителя и контролера мысли.

Долгое время мистические духи в представлениях наших предков имели много общего с зоологическим лидером, но при этом наделялись бессмертием и считались причиной всего. У каждой группы-эго был свой дух-покровитель, потому их изначально было много, о чем свидетельствуют мифы. Аналогично обозначаемые именами существительными предметы наделялись своими духами-покровителями. В общем первичные формы языка, сохраненные в мифах, характеризуются всеобщим анимизмом и персонализацией [11]. Но, как бы там ни было, появление представлений о мистическом существе – духе – преобразовало мышление животного в сознание человека, оперирующее словом. Иными словами, фиксация духа мышлением наших предков обусловила начало человеческого сознания или, говоря языком онтологии, начала бытия психической реальности человека, в которой доминирует слово, оформляющее мысли. Потому, если мы анализируем начало бытия сознания касаясь психической реальности человека, не

стоит сомневаться в верности пролога к Евангелию Святого Иоанна. Более того, логика нашего исследования позволяет высказать мнение, что этот пролог является научной теоремой, которая имеет позитивное решение.

Лицо может обязательно указываться в языке и речи, как внешней, так и внутренней, а может только подразумеваться. Все зависит от специфики или особенностей того или иного языка. Но если его удалить, то прекратится речевой процесс и останется мышление животного, использующее лишь наглядно-образную репрезентацию информации. Имя существительное и является таковым, поскольку указывает не только на означаемый предмет, но и на его отношение к лицу. Глаголы и прилагательные также являются не просто зоологическими коммуникативными сигналами, а словами, поскольку означают действия и признаки лиц. Говорящий субъект тоже идентифицирует себя с лицом. Вместе с тем знак-символ лица подразумевает сокрытое, универсальное, к которому причастны все языковые знаки, заключает в себе и означаемое, и означающее, и означающего. Первое слово, будучи именем духа, покровителя группы-эго, выполняло на заре сознательной истории человечества функцию группового «Я», потому при переводе архаических языков на цивилизованные может восприниматься и в значении «Мы».

В настоящее время банально говорить о том, что люди, находящиеся на стадии дикости, говорят от третьего лица. В онтогенезе психического развития ребенка мы наблюдаем то же самое: ребенок начинает говорить от третьего лица. Но находясь в цивилизованном обществе, он вынужден оперировать лицами как чистыми абстракциями. При этом стоит отметить, что такие абстракции, как местоимения, возникли не в результате изобретательности наших предков, а потеряв начальную связь с мистическими духами. Данный факт, подчеркивал Л. Леви-Брюль, отмечая, что у дикарей практически нет мирской жизни, их мышление носит мистический характер и «..в своих коллективных представлениях управляется законом сопричастности таинственным силам» [12, с. 191]. Заметим, что исследователи языка, как лингвисты, так и психологи, уделяют первостепенное значение двум компонентам слова, анализируя означающее и означаемое и их взаимосвязи, не уделяя должного внимания означающему. Конечно, важно замечание Ж. Лакана: «Значение – это человеческий дискурс, имеющий свойство всегда отсылать к другому значению» [3, с. 219]. Безусловно, весьма увлекателен поиск первичных значений. Редуцировать мысль,

выраженную в каком-либо слове, к первичному значению весьма проблематично, поскольку дискурс происходит на протяжении всей сознательной человеческой истории, но однозначно можно утверждать, что пределом редукции слова является лицо, подразумевающее означающего.

Все вышесказанное позволяет заключить, что у нас нет никаких весомых научных оснований сомневаться в истинности пролога Евангелия от Святого Иоанна при анализе начала бытия языка и порожденного им сознания и самосознания человека. Главным фактором является знак-символ, обозначивший отсутствующее в чувственном опыте существо – дух, составившее основу знака-символа лица, с которым идентифицирует себя субъект, проецируя лицо на все обозначаемые словом предметы, давая ему всевозможные религиозные интерпретации. Конечно, слово это бессознательно, поскольку перенос, являющийся бессознательным психическим механизмом, породили люди. Но без веры в то, что источником его выступает вездесущий, невидимый властелин, более того, что оно само им является, не возникли бы человеческий язык и самосознание. В этой связи надо признать, что религиозно-мистические переживания изначально присущи человеческому сознанию.

Список литературы

1. Исповедь / *Августин Аврелий*. Исповедь ; *Абеляр Петр*. История моих бедствий. М. : Республика, 1992. 335 с.
2. *Юнг К. Г.* О психологии восточных религий и философии. М. : Медиум, 1994. 254 с.
3. *Лакан Ж.* О бессмыслице и структуре Бога // *Метафизические исследования*. Вып. 14 : Статус иного. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского философского общества ; *Алетейя*, 2000. С. 218–231.
4. *Шугуров М. В.* Христианский религиозно-мистический опыт : норма и девиации // *Мир человека : нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах : от реализма до конструктивизма : сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 7–9 июня 2021 г.) / отв. ред. И. Д. Невважай*. Саратов : Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2021. С. 456–481.
5. *Лосский В. Н.* Боговидение. М. : АСТ, 2006. 759 с.
6. *Иванов М. С.* Слово Откровения // *Богословский вестник*. 2015. № 18–19. С. 19–42.
7. *Дуплинская Ю. М.* Онтология и язык в контексте лингвистического поворота // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 253–258. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>
8. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М. : Владос, 1996. 415 с.
9. *Мозжиллин С. И.* Общее, лицо и дух в речи и языке : к вопросам происхождения языка // *Психолого-экономические исследования*. 2015. Т. 2 (8), № 3. С. 74–82.
10. *Фриуаф В. А.* О начале языка // *Известия Саратовского университета*. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 292–296. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-3-292-296>
11. *Мозжиллин С. И.* Психическая доминанта анимизма и персонификации // *Вопросы философии*. 2012. № 9. С. 67–73.
12. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1999. 608 с.

References

1. Augustine. *Confessions*. Volume I: Books 1–8. Loeb Classical Library, 2014. 480 p. (Russ. ed.: *Ispoved / Avgustin Avreliy. Ispoved*; *Abelyar Petr. Istoriya moih bedstvii*. Moscow, Respublika Publ., 1992. 335 p.).
2. *Tibetan Book of Great Liberation*: Editor W. Y. Evans Wentz, Contributor C. G. Jung. London, Oxford University Press, 1954. 358 p. (Russ. ed.: *Jung C. G. O psikhologii vostochnykh religiy i filosofii*. Moscow, Medium Publ., 1994. 254 p.).
3. Lacan J. On nonsense and the structure of god. In: A. Miller, ed. *The Seminars of Jacques Lacan Book III: The Psychoses*. New York, W. W. Norton, 1955–1956, pp. 117–129 (Russ. ed.: *Lacan J. O bessmyslice i strukture Boga. Metafizicheskie issledovaniya*. Vyp. 14. Status inogo. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva, Aleteiya Publ., 2000, pp. 218–231).
4. Shugurov M. V. Christian religious-mystical experience: norm and deviations. In: I. D. Nevvajay, ed. *Mir cheloveka normativnoe izmerenie – 7.0. Problema obosnovaniya norm v razlichnih perspektivah ot realizma do konstruktivizma: sbornik trudov mejdunarodnoi nauchnoi konferencii (Saratov 7–9 iyunya 2021 g.)* [Human World: Normative Dimension – 7.0. The Problem of Substantiating Norms in Various Perspectives: From Realism to Constructivism: Collection of Proceedings of an International Scientific Conference]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii, 2021, pp. 456–481 (in Russian).
5. Lossky V. N. *Bogovidenie* [The Vision of God]. Moscow, ACT Publ., 2006. 759 p. (in Russian).
6. Ivanov M. S. The word of revelation. *Bogoslovskiy vestnik* [Theological Bulletin], 2015, no. 18–19, pp. 19–42 (in Russian).
7. Duplinskaya Yu. M. Ontology and language in the context of the linguistic turn. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 253–258 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>

8. Makovsky M. M. *Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simboliki v indoevropskikh jazykah. Obraz mira i miry obrazov* [A Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages. The Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow, Vldos, 1996. 416 p. (in Russian).
9. Mozzhlin S. I. Common, person (face), and spirit in speech and language: issues on language origin. *Psihologo-ekonomicheskie issledovaniya* [Journal of Psycho-Economics], 2015, vol. 2 (8), no. 3, pp 74–82 (in Russian).
10. Friauf V. A. To a Question of the Beginning of Language. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 292–296 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-3-292-296>
11. Mozzhlin S. I. The Mental Dominant of Animism and Personification. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 9, pp. 67–73.
12. Lévy-Bruhl L. *Primitives and the Supernatural (Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive)*. New York, Haskell House Publishers, 1973. 405 p. (Russ. ed.: Levi-Bryul L. *Sverhestestvennoe v pervobitnom mishlenii*. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1999. 608 p.).

Поступила в редакцию 25.06.2021, после рецензирования 07.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 25.06.2021, revised 07.07.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 405–409
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 405–409
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-405-409>

Научная статья
УДК 140.8:215

Изучение религиозных традиций как фактор обеспечения светского характера культуры и образования

М. О. Орлов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены диалог и взаимное влияние светской и религиозной культуры в системе светского образования с двух точек зрения: во-первых, воздействие преподавания религии на светский характер образования и, во-вторых, влияние необходимости соответствия государственных образовательных стандартов форме презентации религиозной культуры. Предполагается, что религиозные мышление, культура, образ жизни не являются чем-то противоречащим повседневному рациональному мышлению и научности, будучи в своих высоких формах носителями самодисциплины и упорядочивания жизни человека. Длительная история диалога религии и науки привела к тому, что сегодня религия говорит с наукой на одном языке научных понятий, и зачастую религиозные организации, обращая внимание на те или иные научные и технические достижения, способствуют повышению интереса к науке в обществе. Имевшие место в прошлом процессы вытеснения религиозного дискурса из публичной сферы приводили к замене аутентичной, настроенной на диалог с наукой религиозной традиции формами «низкой» религиозности, зачастую носящей обскурантистский, фундаменталистский и антинаучный характер. А принудительное насаждение «единственно верной» светской идеологии в конечном итоге отрицательно отражается на темпах научного развития.

Ключевые слова: светское и религиозное, религиозоведение, теологическое образование, философия религии, основы православной культуры, ОДНКНР, социальные риски

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

Для цитирования: Орлов М. О. Изучение религиозных традиций как фактор обеспечения светского характера культуры и образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 405–409. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-405-409>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Study of religious traditions as a factor in ensuring the secular nature of culture and education

М. О. Орлов

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Abstract. This paper examines the dialogue and mutual influence of secular and religious culture in the system of secular education from two points of view: firstly, the influence of teaching knowledge about religion on the implementation of the secular nature of education and, secondly, the impact of the need to comply with state educational standards on the form of presentation of religious culture. The study assumes that religious thinking, culture, lifestyle are not something contrary to everyday rational thinking and scientific character, being in their high forms the carriers of self-discipline and ordering of human life. The long history of the dialogue between religion and science has led to the fact that today religion speaks with science in the same language of scientific concepts, and often religious organizations, paying attention to certain scientific and technical achievements, are a factor in increasing interest in science in the whole society. The processes of the expulsion of religious discourse from the public sphere that took place in the past led to the replacement of the authentic religious tradition, tuned in to dialogue with science, with forms of "low" religiosity, often of an obscurantist, fundamentalist and anti-scientific nature. And the forcible imposition of the «only true» secular ideology ultimately negatively affects the pace of scientific development.

Keywords: secular and religious, religious studies, theological education, philosophy of religion, foundations of Orthodox culture, ODNKPR, social risks

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44127.

For citation: Orlov M. O. Study of religious traditions as a factor in ensuring the secular nature of culture and education. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 405–409 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-405-409>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Социально-культурная особенность современного общества состоит в том, что духовный и религиозный ландшафт стран и отдельных регионов формируется не только унаследованными от прежних поколений религиозными и культурными традициями, но и получившей глобальное распространение информационной цифровой среды, позволяющей взаимодействовать представителям самых отдаленных стран и культур, а также продолжающейся на протяжении нескольких десятилетий миграционной динамикой, характеризующейся иммиграцией в развитые страны с преимущественно светской культурой представителей менее развитых стран с сильным влиянием традиционных культур и традиционных представлений о месте религии в обществе и жизни отдельного человека. С одной стороны, практически каждый подросток имеет сегодня в пользовании (либо дома, либо постоянно) мобильные и стационарные средства доступа в сеть Интернет и тем самым – возможность не только ознакомления с культурными и религиозными традициями, но и прямого диалога с представителями различных религиозных, политических, философских взглядов и убеждений, включая представителей высшего духовенства традиционных конфессий. С другой стороны, постепенное увеличение в обществе доли выходцев из стран Центральной Азии (а для стран Западной Европы – стран Ближнего Востока и Африки) и их потомства обуславливает необходимость выработки для всех жителей развитых стран, вне зависимости от того, принадлежат ли они титульным национальностям или являются иммигрантами или потомками иммигрантов, правил добрососедства и повседневного взаимодействия с представителями иных религий и культур.

Культурное и религиозное разнообразие населения современных развитых стран, присутствие в его составе представителей различных религий, конфессий и носителей антропоцентрического мировоззрения поставили задачу формирования общих правил взаимодействия этих групп населения и в первую очередь – механизмов мирной передачи подрастающему поколению внутри каждой из групп своих религиозных или светских убеждений, картин

мира, ценностей, социальных норм. Одной из наиболее известных попыток определения основ современной государственной политики по обеспечению возможности изучения представителями разных конфессий религиозного наследия народов, проживающих в данной стране, стало принятие в 2007 г. Толедских руководящих принципов преподавания знаний о религиях и верованиях в государственных школах [1], которые содержит общие рекомендации по организации образовательного процесса по изучению религиозных убеждений и культур. Если говорить о России, то распоряжением Правительства РФ от 28 января 2012 г. № 84-р, начиная с 1 сентября 2012 г., установлено обязательное изучение предметных областей «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России».

Понятие светскости имеет разные толкования. В повседневной практике под светскостью часто понимают внерелигиозность, т. е. полное отсутствие религии в публичной сфере. Более радикальные представители видят в светскости не только то, что находится «вне» религии и нейтрально по отношению к религии, но и то, что противоположно религии и противостоит ей. В качестве основных выражений такого понимания светскости выступают рациональное мышление и наука, которые используются представителями антирелигиозных точек зрения в качестве обоснования собственных позиций. Кроме того, религии часто отводится место «исторического наследия», которое имеет значение только потому, что присутствовало в истории народа, но которое, тем не менее, является пройденной ступенью социально-культурного и научного развития общества.

Зачастую в рамках обсуждения проблем преподавания предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (далее – ОДНКНР) такое понимание светскости служит основанием для ограничения перечня знаний, отражающих специфику религиозного мировоззрения, и сведения его к культурологическому и нравственному воспитанию на примере героев и подвижников прошлых эпох.

В своих работах «Что такое светскость» и «Секулярный век» Чарльз Тейлор рассказывает

о появлении и развитии представлений о светскости в европейской культуре. Первоначально процесс становления светскости – «секуляризация» – означал переход контроля над церковными институтами и церковной собственностью от церковной иерархии к светской власти (или к самим мирянам в некоторых сектах) в ходе Реформации и появление протестантских конфессий в XVI в. Таким образом, как указывают Д. К. Богатырёв и М. И. Шишова, первым шагом к светскости был антиклерикализм [2, с. 98], вызванный роскошью, неограниченной властью и падением нравственного уровня католической иерархии в XIV–XV вв. Данное обстоятельство имеет важное значение, поскольку зачастую распространение атеистических взглядов или внеконфессиональной религиозности являлось не результатом самостоятельного мировоззренческого поиска, а реакцией на недостойное поведение представителей католического духовенства (особенно высшего) и их претензий по поводу переноса иерархического авторитета в светскую сферу.

Одной из предпосылок рационализации поведения и всей жизни верующего было желание европейских элит завершить христианизацию европейского населения и избавить его от остатков народной религиозности, в которой христианское отношение к миру сочеталось с языческими суевериями, обрядами, общим низким уровнем общественной нравственности [3, с. 77–127; 4, с. 50–72]. Само по себе рациональное отношение к миру, обществу, хозяйству и собственной жизни не является чем-то вступающим в противоречие с религиозными убеждениями.

Если обратиться к восточному христианству, то можно увидеть аналогичные процессы детального изучения и дисциплинирования духовной жизни в рамках аскетического делания в святоотеческом наследии. Главное отличие православной аскезы от западно-христианской состояло в том, что первая была направлена на внутренний мир человека и в качестве обязательного условия и гаранта правильной организации духовных упражнений требовала наличия опытного наставника. При этом православная аскеза содержит в себе даже больше критического подхода, способствующего обеспечению достоверности духовного опыта через разделение духовных переживаний и эмоционального возбуждения, имеющего сугубо человеческое происхождение. Поэтому можно сказать, что уровень рациональности религиозного мышления не ниже уровня внерелигиозного мышления, за исключением того, что теоцентрическая картина мира является более сложной, содержащей

в себе «трансцендентный фактор», влияющий на мотивацию и поведение человека. В XVIII–XIX вв. рост возможностей централизованных государств по регулированию социального порядка, успехи научного познания обусловили появление радикальных представлений о светскости, под которой стала пониматься научная картина мира, противостоящая религиозной, и начали звучать призывы к освобождению публичной сферы от любых отсылок к религиям [3, с. 220–227]. Отличительной чертой такого толкования светскости было то, что фактически под ней стало пониматься атеистическое мировоззрение, опирающееся на научный прогресс. Наука объективно заинтересована в том, чтобы конкретная историческая форма научного мышления не объявлялась единственно верной картиной мира.

Успехи научно-технического развития, особенно в сфере генетического манипулирования с живой природой, новые технологии репродукции человека и увеличение его возможностей вызывают все больший интерес со стороны религии, которая тем самым выполняет функцию инициатора общественной дискуссии о целях и границах научно-технического развития. Таким образом, наличие в дискурсе общества взгляда на науку со стороны религии выступает фактором, который стимулирует общественный интерес и внимание к институту науки и научной деятельности.

Если говорить о присутствующих в религиозной среде суевериях, обрядоверию, обскурантизме, фундаменталистском отрицании иных точек зрения, то нужно учитывать, что подобные проявления «низкой» религиозности традиционно вызвали противодействие не только со стороны светских государств, но в первую очередь со стороны представителей «высокой религиозности», более глубоко укорененных в осознанной религиозной традиции.

Традиционные конфессии предлагают большой инструментарий нравственных и художественных форм и методов возвышения человеческой души. Подготовка учебно-методических материалов должна соответствовать научным принципам, но это требование не распространяется на объекты изучения – литературу, историю, культуру, в которых школьники вступают в познавательный контакт с большим пластом ненаучных и даже иррациональных мотивов, поступков, решений.

Укрепление демократического строя в развитых странах привело к тому, что на сегодняшний день, как указывает Тейлор, светскость стала пониматься как комплексное явление,

которое включает в себя следующие требования к государству и иным публичным институтам: 1) недопустимость принуждения к религии либо отказу от нее; 2) равенство людей разных вер и (нерелигиозных) убеждений; 3) участие представителей всех присутствующих на территории страны духовных (религиозных, философских) традиций в обсуждении основополагающих вопросов демократического устройства общества, его политической идентичности, а также способов ее реализации; 4) обеспечение мирного и гармоничного диалога между представителями различных вер и убеждений [4, с. 228]. Кроме того, Тейлор выделяет три смысловых значения, в рамках которых говорится о светскости («секулярности»). По его словам, «три аспекта секулярности относятся к “религии” – как (1) к тому, что уходит из публичного пространства; или (2) как к некоторому типу верований и практик, переживающих или не переживающих упадок; или (3) как к определенному рода верованию или убеждению, состояние которых в данную эпоху является предметом исследования». Светскость стала новым жизненным фоном для всех поисков и вопросов в области духовного и нравственного [4, с. 19–28].

Иной точки зрения придерживается П. Бергер, который указывает на современный глобальный контекст динамичной религиозности, что характеризуется «мощными всплесками» возрождающегося ислама и бурным распространением харизматического движения (включающего в себя как протестантизм евангелического толка, так и течения внутри Римско-католической церкви) в развивающихся странах, а также заметным подъемом православия в России, ортодоксального иудаизма в Америке и Израиле, индуизма и буддизма (последний достиг определенных успехов в США). Исключения из глобальной религиозной динамики составляют страны Западной и Центральной Европы, а также международная культурная элита, которая «везде в меньшинстве, но весьма влиятельна» [5, с. 9–11].

Важными аспектами роста значения религиозного фактора является, помимо связи конфессии с национальной идентичностью, что особенно прослеживается в исламской женской среде, потребность в личном благочестии, которая в определенных условиях приводит к конфликтным ситуациям. В качестве примера можно привести конфликтные ситуации, связанные с ношением хиджабов школьницами и студентками – мусульманками в разных странах мира (будучи для их носительниц выражением традиционного благочестия, для окружающих

представителей светского общества они выступали в качестве навязчивой демонстрации религиозной принадлежности).

С начала XXI в. в западной и отечественной науке получили распространение понятия «десекуляризация» и «постсекулярность» [6, р. 91], отражающие сложившуюся к рубежу веков ситуацию возвращения религии в политику, экономику, культуру, публичное пространство. Первым крупным ученым, проанализировавшим изменение тенденций секуляризации западных обществ, был Ю. Хабермас, зафиксировавший постсекулярное состояние общества, «заботящегося о продолжении существования религиозных сообществ в беспрестанно секуляризирующемся окружении» [7, с. 117]. В общем контексте идей немецкого философа это означало, что защита публичной коммуникативной рациональности требует открытого диалога с религией и между религиями.

Как отмечают Д. К. Богатырёв и М. И. Шишова, постсекулярность не означает возвращения к досекулярным формам присутствия религии в обществе. Главным отличием постсекулярного состояния общества, по мнению ученых, является замена клерикального способа взаимодействия между религиозными организациями, обществом и государственными институтами новыми политтехнологическими форматами, когда религиозные организации действуют подобно политическим партиям, сражающимся за электорат, когда успехи религиозных организаций связаны с их медийными образами. Характеристиками современного этапа существования религий в светском обществе являются, во-первых, перекодировка культурных матриц, из-за чего конфессиональные традиции и религии, которые в свое время сформировали культуру, уже не в состоянии занимать в ней центральное смысло- и ценностно-образующее место; во-вторых, взаимодействие происходит между религиозными традициями, равными между собой в силу наличия многовекового культурного наследия и высококорвитого духовно-интеллектуального и миссионерского потенциала (в отличие от прежних веков, когда высококорвитые религии подавляли примитивные верования); в-третьих, под длительным влиянием секуляризации произошли трансформации внутри самих религий, в которых твердое ядро верования и культ сочетается с возрастающей гибкостью взаимоотношений с обществом и другими конфессиями, готовностью участвовать в межрелигиозном диалоге [2, с. 102].

Процессы религиозного возрождения, происходящие в большей части стран мира, делают

религиозные убеждения и религиозную идентичность неотъемлемым элементом публичного пространства. В связи с этим требуется формирование атмосферы мирного и конструктивного диалога как между представителями различных религиозных традиций, так и между представителями религиозного (теоцентрического) и внерелигиозного (антропоцентрического) мировоззрений. При этом возвращение религий в публичное пространство, активное участие в обсуждении общих проблем, имеющих культурное и нравственное значение, не означает возврата к досекулярным формам общества, поскольку светскость общества стала гарантией мирного взаимодействия высокоразвитых религиозных традиций, а также религиозного и внерелигиозного дискурсов.

Реализуемый в настоящее время подход к преподаванию православной культуры, с точки зрения православной традиции, является следствием состоявшегося конструктивного диалога богословия и светской гуманитарной науки. Это выражается в широком использовании таких терминов, как «духовные ценности» и «традиционные ценности», отражающие аксиологический подход к религиозным традициям. В настоящей работе предложен иной подход, связанный с изложением православной традиции в социально-культурном (и социологическом) контексте. Предложен примерный вариант содержания курса «Основы православной культуры», где акцент в подаче учебного материала сделан на историю, мировоззрение и образ жизни объективно существующей социальной общности – православного населения России. Показано, что основанный на презентации православной идентичности подход соответствует существующим образовательным стандартам и лучше способствует формированию гражданской идентичности, толерантности, неприятию насилия и несправедливости, чем, к примеру, изучение колокольного звона и устройства храма в рамках культурологического подхода. Предложенный позитивный образ современного православного верующего, на наш взгляд, также может быть предложен в качестве привлекательного объекта для самоидентификации представителями подрастающего поколения в рамках преподавания модуля ОДНКНР.

Поступила в редакцию 23.06.2021, после рецензирования 03.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 23.06.2021, revised 03.07.2021, accepted 13.09.2021

Список литературы

1. Toledo Guiding Principles on Teaching about Religion and Beliefs in Public Schools // Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: <http://www.osce.org/odihr/29154> (дата обращения: 09.11.2020).
2. Богатырёв Д. К., Шишова М. И. Постсекулярная гипотеза и особенности российской постсекулярности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 3. С. 95–109.
3. Вебер М. Избранное : Протестантская этика и дух капитализма. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 649 с.
4. Тейлор Ч. Секулярный век. М. : ББИ, 2017. 967 с.
5. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 8–20.
6. Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Grand Rapids : Routledge, 1999. 18 p.
7. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М. : Весь Мир, 2002. 144 с.

References

1. Toledo Guiding Principles on Teaching about Religion and Beliefs in Public Schools. *Organization for Security and Co-operation in Europe*. Available at: <http://www.osce.org/odihr/29154> (accessed 9 November 2020).
2. Bogatyrev D. K., Shishova M. I. The Post-Secular Hypothesis and the Particulars of the Russian Post-Secularization. *Vestnik Russkoy khristianskoy humanitarnoy akademii* [Review of the Christian Academy for the Humanities], 2015, vol. 16, iss. 3, pp. 95–109 (in Russian).
3. Veber M. *Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Favorites: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. St. Petersburg, Center for humanitarian initiatives Publ., 2016. 649 p. (in Russian).
4. Teylor Ch. *Sekulyarnyy vek* [Secular Century]. Moscow, BBI, 2017. 967 p. (in Russian).
5. Berger P. Secularization falsified. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad], 2012, no 2, pp. 8–20 (in Russian).
6. Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview. In: *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Grand Rapids, Routledge, 1999. 18 p.
7. Habermas Ju. *Budushchee chelovecheskoy prirody* [The Future of Human Nature]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2002. 144 p. (in Russian).

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 410–414

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 410–414

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-410-414>

Научная статья

УДК 130.2

Генезис русской религиозной философии славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского

В. Ю. Щербаков

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Щербаков Виталий Юрьевич, аспирант кафедры философии и методологии науки, viti.78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9598-5011>

Аннотация. Статья посвящена философско-религиозно-мировоззренческим взглядам А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. На основании анализа творческого и эпистолярного наследия авторов показана неоднозначность их суждений с точки зрения православного богословия. Герменевтический метод позволил автору проанализировать первоисточники трудов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, их современников и последователей с точки зрения православного богословия для определения степени соответствия православному вероучению. Цель работы – сопоставление творческого наследия основателей религиозно-философского движения славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. Это новый взгляд на формирование их религиозно-философского мировоззрения. Наиболее сильные стороны богословия А. С. Хомякова заключаются в том, что Церковь представлена им как единый нравственный союз проповедующих учение Христа, в основе которого лежит любовь к ближнему. Рационализм не способствует утверждению веры, и всякий отделившийся от Церкви не имеет любви. И. В. Киреевский же шел по пути познания римской философии и ее влияния на формирование западного богословия; анализа и выводов в оценке развития богословия в России и Европе; отрицательного действия обрядоверия на мировоззрение истинного православия в России.

Ключевые слова: славянофилы, западники, традиция, богословие, философия, Православие, Католичество, философско-религиозное мировоззрение

Для цитирования: Щербаков В. Ю. Генезис русской религиозной философии славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 410–414. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-410-414>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genesis of Russian religious philosophy of the Slavophiles A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky

V. Yu. Shcherbakov

Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 33 International St., Tambov 392036, Russia

Vitaly Yu. Shcherbakov, viti.78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9598-5011>

Abstract. The article is devoted to the philosophical, religious and world views of A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky. Based on the analysis of the authors' creative and epistolary heritage, the authors show the ambiguity of their judgment from the point of view of Orthodox theology. The hermeneutic method allowed the author to analyze the primary sources of A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky, their contemporaries and followers from the point of view of Orthodox theology to determine the degree of their compliance with Orthodox doctrine. The purpose of the work is to compare the creative heritage of the founders of the religious and philosophical movement of the Slavophiles A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky. This is a new look at the formation of the religious and philosophical worldviews of A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky. The strongest sides of A. S. Khomyakov are the following: he presents the Church as a single moral union of those who preach the teachings of Christ, based on love for their neighbor. Rationalism is not conducive to the establishment of faith, and everyone who is separated from the Church does not have love. I. V. Kireevsky, on the other hand, followed the path of knowledge of Roman philosophy and its influence on the formation of Western theology; analysis and conclusions in assessing the development of theology in Russia and Europe; negative effect of ritualism on the worldview of true Orthodoxy in Russia.

Keywords: Slavophiles, Westernizers, tradition, theology, philosophy, Orthodoxy, Catholicism, philosophical and religious worldview

For citation: Shcherbakov V. Yu. Genesis of Russian religious philosophy of the Slavophiles A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 410–414 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-410-414>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В научных трудах, связанных с изучением наследия основоположников славянофильства А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, о последних говорится как о мыслителях, строящих свое мировоззрение на основе православного верования, истинность которого они отстаивали в спорах со своими оппонентами.

С одной стороны, их вера, глубина богословской мысли, ее логичность и последовательность в обосновании собственных убеждений прямо подтверждают личную религиозность славянофилов, но, с другой стороны, отдельные аспекты их жизненного пути и анализ творческого и эпистолярного наследия могут вызвать определенные вопросы к выводам и суждениям мыслителей.

Таким образом, изучение трудов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского позволяет выявить в их теоретических изысканиях размышления на тему влияния православия на возникновение ряда философских течений первой половины XIX в., темой которых была проблема исторической традиции и связанные с ней этнокультурные особенности общественного бытия. Мысль каждого из авторов была по-своему оригинальна, что также вызывает необходимость проведения сравнительного анализа их религиозной философии с целью выявления как соответствия ее православному вероучению, так и расхождения с ним.

Объектом исследования выступают философские воззрения обоих представителей раннего славянофильства, связанные с их пониманием традиционных основ российской государственности и глубоким осмыслением православного богословия, основанного на святоотеческом наследии.

Православие для Алексея Степановича Хомякова было не только религией. Оно являлось образом жизни, сформировавшимся в результате как семейного воспитания, так и последующей женитьбы на Екатерине Михайловне Языковой, глубокой христианке, духовной дочери преподобного Серафима Саровского. В отличие от него Иван Васильевич Киреевский прошел длительный путь внутренних сомнений в определении своего мировоззрения, помощь в преодолении которых ему также оказала супруга Наталья Петровна Арбенина, еще одна духовная дочь саровского старца.

Глубокая личная религиозность А. С. Хомякова нами не подвергается сомнению. Его мысли о роли Церкви в формировании отечественных традиций, государственно-общественных отношений, используемые при этом полемические приемы остаются весьма убедительными и в настоящее время. Эрудиция А. С. Хомякова, отмечаемая современниками, давала ему возможность

делать выводы по вопросам критики инославных ветвей христианства, полностью согласующиеся с мнением святых отцов минувших веков.

Полемику как наиболее сильную сторону богословия А. С. Хомякова выделяет и священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский в своей статье «А. С. Хомяков и древнецерковные полемисты» [1]. Это понимание Церкви как Тела Христова в нравственном союзе любви Бога и человека; полная утрата любви, т. е. доверия к Богу. Однако если первый пункт полностью согласуется с православным вероучением, то второй встречает возражение со стороны православных богословов. Так, архиепископ Иларион, говоря о том, что, хотя у А. С. Хомякова здесь «ясно и настойчиво выражается мысль об отсутствии любви в западных исповеданиях», вместе с тем указывает, что в противовес святым отцам, в частности блаженному Августину, у него эта мысль чисто полемическая, не облеченная в догматические формы, и потому более носит характер только его личного мнения [1]. С ним соглашается игумен Петр Мещеринов, размышляя о том, что если итогом искажения Символа Веры «церковная жизнь кончилась для целой половины Церкви, <...> то это значит, что люди перестали верить во Христа? призывать Его имя, что возможно не иначе, как Духом Святым (1 Кор. 12, 3)? пресеклась любовь, добрые дела? христиане перестали получать подкрепление этой любви к Богу и ближнему в Слове Божьем и Таинствах? Реальность показывает: конечно, нет. Большинство паствы Западной Церкви не входило в различение богословских тонкостей; христианская жизнь очевидно наличествовала, невзирая на покривления в богословии – да, со многими изъянами, но вовсе не большими, нежели изъяны в христианской жизни восточных христиан. Но для подкрепления своих доводов Хомякову не нужна практика, ему достаточно заранее заданных схематических положений» [2].

Выводы, построенные на основании тезисов святителя Илариона, свидетельствуют, с одной стороны, о близости суждений А. С. Хомякова с мнениями по этим же вопросам святых отцов, а с другой стороны, о некой предвзятости его в построении собственных умозаключений, имеющих важное догматическое значение.

А. С. Хомяков, обладая энциклопедическими знаниями, в своих рассуждениях полагался только на них [3, с. 188]. До настоящего времени не имеется достаточных сведений о его переписке с иерархами и подвижниками благочестия того периода.

Религиозно-философское наследие А. С. Хомякова находило и своих сторонников, и своих

противников в церковной среде. По утверждению А. Ф. Лосева, одно время даже витала идея о канонизации Алексея Степановича [4, с. 280]. Уже в конце XIX в. бытует мнение, что «православную экклесиологию нельзя представить без трудов А. С. Хомякова» [5, с. 231]. Первыми, кто выступил с критикой позиции А. С. Хомякова, были профессор Московской духовной академии А. В. Горский и П. С. Казанский [цит. по: 5, с. 228–229; 6, с. 58, 73]. В трудах Алексея Степановича они видели лишь его собственные рассуждения, в большинстве своем совпадавшие с мнением святых отцов, но тем не менее без отсылки к их авторитету, безусловно, важному для православного человека [7, с. 79]. Сторонниками А. С. Хомякова являлись Н. И. Барсов и А. М. Иванцов-Платонов, полагавшие, что его суждения возродили интерес общественной мысли к вопросам религии. Однако А. С. Хомяков упрекал современную ему российскую православно-богословскую школу за сухость и косность форм и нежелание живого общения с представителями иных, не всегда противоположных, воззрений. Его интерес к отдельным иерархам, в частности митрополиту Филарету (Дроздову), патрологу архиепископу Филарету (Гумилевскому), отмечает С. С. Хоружий [6, с. 154].

Переходя к личности Ивана Васильевича Киреевского, следует отметить, что, в отличие от А. С. Хомякова, он прошел путь от полного безверия к глубокой личной вере. Его путь как религиозного философа начинается с 1829 г., когда, заинтересовавшись лекцией Фридриха Шлейермахера, он начинает изучать христианскую догматику и читать Евангелие с единственной целью – понять его рассуждения. Однако это первое знакомство с христианским вероучением позволило Киреевскому увидеть отсутствие целостности в философии Ф. Шлейермахера, в частности в попытке соединить веру и философию. То, что когда-то удалось великим каппадокийцам, не смог сделать великий немецкий философ. Протестантское рациональное мышление увело его на путь сопоставления случайных вопросов о смерти и воскресении Христа, о наличии в Его теле «искры жизни» после казни, в то время как для настоящего христианина «вопрос о действительной или мнимой смерти Иисуса разом решен тем, что душа Его на это время отделилась от тела» [8]. Уже на этом примере видно, что И. В. Киреевский, не имевший систематического богословского образования, в то время достаточно равнодушный к вопросам религии, интуитивно понимает невозможность рационального познания отдельных вопросов без веры.

Именно это противоречие между внешним и внутренним впоследствии стало одной из причин, приведших Ивана Васильевича к необходимости глубокого знакомства с православным вероучением и святоотеческим наследием для объективного анализа обеих форм познания бытия.

Дальнейшее знакомство с православным вероучением происходит у И. В. Киреевского под влиянием иеромонаха Филарета Новоспаского и Макария Оптинского.

Относительно недолгая дружба И. В. Киреевского с о. Филаретом (последний скончался в 1842 г.) вместе с тем дает основание полагать, что именно в этот период философ-рационалист, ранее уже имевший опыт сравнения сознания рационально-религиозного с сознанием, опирающимся на практику Вселенской церкви (пусть это и была только слабая попытка), начинает переформатировать себя, определяя новые ценностные ориентиры, переходя от мышления протестантского, замкнутого лишь на познании самого себя и собственных мыслей, и имевший лишь собственное мнение в качестве личностного бога, к мышлению православному, открывающему в человеке глубинные возможности познания бытия через познание Бога-Творца [9].

После смерти о. Филарета своим новым духовником супруги Киреевские избирают насельника Свято-Введенской Оптиной пустыни иеромонаха Макария (Иванова), прославленного Русской Православной Церковью в лике преподобных в 2000 г.

Принцип соборности И. В. Киреевскому был более свойствен, чем А. С. Хомякову. Именно поэтому, общаясь со старцем Макарием [10], он не исключил возможности обращения и к другим рецензентам, одним из которых являлся игумен Антоний (Бочков). Именно в переписке с ним наблюдается перечень обозначенных тем, которые в дальнейшем И. В. Киреевский исследует в своих публикациях. Это и роль античной философии в формировании западного богословия, и различие форм становления отечественной и европейской государственности, и первенствующая роль обряда как губительный фактор православного мировоззрения, и «русская реформация» Петра I.

Таким образом, при всей внешней православности А. С. Хомякова и определенном соответствии его мышления православному богословию он, полагаясь только на багаж собственных знаний и осуществляя основанные на них выводы, периодически уклонялся от той истины, которую старался отстаивать в спорах

со своими оппонентами. В своей «прямолинейности» Хомяков не останавливался ни перед прямым уничтожением тех, чьи богословские утверждения не соответствовали его мыслям, ни перед прямым нивелированием сакральной жизни Православной Церкви.

И. В. Киреевский, без сомнения, являлся полным антиподом А. С. Хомякову. Будучи чрезвычайно одаренным человеком, он, пройдя долгий путь внутренней борьбы от состояния полного неверия к глубокой личной религиозности, все же не полагался только на накопленные знания. Для него, как и для любого православного человека, было важным сверить свои мысли с мыслями как современных ему православных богословов, так и богословов предшествовавших поколений. Именно поэтому об Иване Васильевиче можно уверенно говорить как об основоположнике православно-религиозного направления русской религиозной философии, чего нельзя сказать об Алексее Степановиче Хомякове.

Рассмотренные взгляды и суждения ранних славянофилов не могли остаться незамеченными как в силу неоднозначности суждений мыслителей, так и в связи с интересом их современников и последующих поколений отечественных мыслителей к вопросам традиционализма. Сопоставление западных и восточных христианских религиозных доктрин, их влияние на цивилизационные процессы порождали мысли о множестве традиций в единстве вероучительных систем, а также об их противоречивости при изменении религиозных концепций (например в протестантизме), что влекло за собой и появление соответствующих им философских систем. Данную позицию разделяли профессор О. М. Новицкий, ректор Императорского Московского университета князь С. Н. Трубецкой, а также протоиерей Павел Флоренский.

Следует отметить, что мысли основоположников русской религиозной философии, и особенно А. С. Хомякова, раскрывающие процессы распространения различных религиозных течений, их соединение и разделение, а также взаимообмен в значительной мере согласуются с концепцией диффузионизма, авторами которой в начале XX в. являлись немецкий ученый Вильгельм Шмидт и Фридрих Ратцель.

Список литературы

1. *Иларион (Троицкий), сщмч. А. С. Хомяков и древнецерковные полемисты // Творения : в 3 т. М. : Издательство Сретенского монастыря, 2004. Т. 3. С. 179–192.*

2. *Мещеринов Петр, игумен. Экклесиология: Хомяков и Арндт // Богослов.ru. 2020. 6 ноября. URL: <https://bogoslov.ru/article/1438013> (дата обращения: 15.11.2020).*
3. *Хомяков А. С. Письмо к А. Н. Попову от 23 октября 1848 г. // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений : в 8 т. М. : Университетская типография, 1900. Т. 8. С. 188–189.*
4. *Лосев А. Ф. Термин «магия» в понимании П. А. Флоренского // Соч. : в 2 т. Т. 2 : У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990. С. 276–280.*
5. *Шапошников Л. Е., Федоров А. А. История русской религиозной философии. М. : Высшая школа, 2006. 447 с.*
6. *Хоружий С. Алексей Хомяков : учение о соборности и Церкви // Богословские труды. 2002. Сборник 37. С. 153–179.*
7. *Пешков А. А. Экклесиология А. С. Хомякова в оценке академического богословия XIX – начала XX века (в контексте святоотеческого наследия I–III вв.) // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2017. Вып. 10. С. 57–98.*
8. *Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М. : Правило Веры, 2002. 215 с.*
9. *Орлов М. О. Роль духовного просвещения в становлении русской религиозности : историко-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 153–158. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-153-158>*
10. *Киреевский И. В. Полное собрание сочинений : в 4 т. Т. 3 : Письма и дневники. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. 488 с.*

References

1. *Ilarion (Troitskiy), hieromartyr. A. S. Khomyakov and ancient church polemicists. In: Tvorenija: v 3 t. [Creations: in 3 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 2004. vol. 3, pp. 179–192. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Troitskij/khomjakovi-drevnetserkovnye-polemisty/ (accessed 15 November 2020) (in Russian).*
2. *Meshcherinov Petr, igumen. Ecclesiology: Khomyakov and Arndt. Bogoslov.ru. [Theologian.ru], 2020. 6 noyabrya. Available at: <https://bogoslov.ru/article/1438013> (accessed 15 November 2020) (in Russian).*
3. *Khomyakov A. S. Letter to A. N. Popov from October 23. 1848. In: Khomyakov A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 8 t. [Khomyakov A. S. Complete Works: in 8 vols.]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900, vol. 8, pp. 188–189 (in Russian).*
4. *Losev A. F. Termin «magiya» v ponimanii P. A. Florenskogo [The Term “Magic” in the Understanding of P. A. Florensky]. In: Sochineniya. T. 2: U vodorazdelov mysli [Works. Vol. 2: At the Water Shets of Thoughts]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 276–280 (in Russian).*
5. *Shaposhnikov L. E., Fedorov A. A. Istoriya russkoy religioznoy filosofii [History of Russian Religious Philosophy].*

- Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006. 447 p. (in Russian).
6. Khoruzhiy S. Alexey Khomyakov: Teaching on Sobornost and the Church. *Bogoslovskie trudy* [Theological Works], 2002, collection 37, pp. 153–179. Available at: http://www.odinblago.ru/homakov_o_sobornosti (accessed 25 November 2020) (in Russian).
  7. Peshkov A. A. Ecclesiology A. S. Khomyakov in the assessment of academic theology of the 19th – early 20th centuries (in the context of the patristic heritage of the 1st-3rd centuries). *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary], 2017, iss. 10, pp. 57–98 (in Russian).
  8. Kireevskiy I. V. *Razum na puti k istine* [Reason on the Way to the Truth]. Moscow, Pravilo Very Publ., 2002. 215 p. (in Russian).
  9. Orlov M. O. The role of spiritual enlightenment in the formation of Russian religiosity: A historical and philosophical analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 153–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-153-158>
  10. Kireevskiy I. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 4 t. T. 3: Pis'ma i dnevniki* [Complete Works: in 4 vols. Vol. 3: Letters and Diaries]. Kaluga, Izdatel'skiy pedagogicheskiy tsentr "Grif", 2006. 488 p. (in Russian).

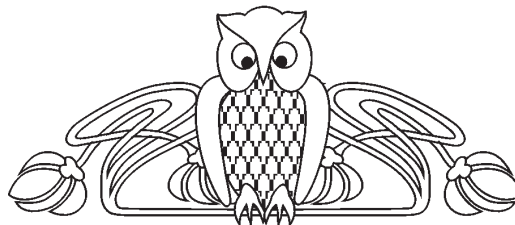
Поступила в редакцию 03.02.2021, после рецензирования 15.02.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 03.02.2021, revised 15.02.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 415–419
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 415–419
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-415-419>

Научная статья
УДК 101.1:316

Философские основания специфики социальных технологий в сфере социальной политики

О. В. Щетинина

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46

Щетинина Ольга Владимировна, аспирант кафедры философии, социологии и психологии управления, Imakarova.zsno@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8422-054X>

Аннотация. В статье рассматривается социально-философское содержание понятия «социальная политика», его отличие от понятия «политическая экономия». Анализируется специфика социальных технологий для социальной сферы общества. Делается различие понятия «труд», разработанное в трудах К. Маркса, и понятия «деятельность», которое рассматривается в трудах Л. А. Зеленова. В своем понимании природы человека автор опирается на философию «имени» А. Ф. Лосева, философию «идеального» Э. В. Ильенкова и философию «социально-исторической памяти» А. В. Дахина. Социальная политика определяется как деятельность человека, направленная на сохранение и развитие сущностных сил личности-и-общества, целостной формой идеального бытия которых является имя личности, общества, человека, а формами существования – конкретные знания, умения, убеждения, актуализированные в конкретной деятельности. Формулируется вывод, согласно которому, в отличие от распространенных в сфере материального производства «безлюдных» технологий, в области социальной политики востребованы алгоритмы деятельности сущностно иного качества – человекоемкие технологии. Основные сферы деятельности, где необходимо применение человекоемких технологий, – это педагогическая, медицинская, управленческая деятельность.

Ключевые слова: социальная политика, труд, деятельность, социальные технологии, человекоемкие технологии

Для цитирования: Щетинина О. В. Философские основания специфики социальных технологий в сфере социальной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 415–419. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-415-419>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Philosophical foundation of the peculiarities of social technologies in a social policy area

O. V. Shchetinina

Nizhegorodskiy Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, 46 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russia

Ol'ga V. Shchetinina, Imakarova.zsno@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8422-054X>

Abstract. Socio-philosophical content of the term “social policy”, its difference from the definition of “political economics” and also some features of technologies in a social area are described and analyzed in the article. The author distinguishes between the concepts of “labor” and “social labor activity” (*deiatel'nost'*). Using the concept of philosophy of a name developed by A. F. Losev, the definition of the “ideal” (“*ideal'noe*”) considered by E. V. Il'enkov, and A. V. Dakhin's definition of “socio-historical memory” the author gives the definition of social policy that is understood as social labor activity (*deiatel'nost'*) of a man. This definition is focused on the ideas of safety and the development of essential forces of a personality-and-society, which relates to a name of a personality, to a name of a social community, to a name of a man as the complete form of social being, that contains concrete knowledge, experience, attitudes etc. as forms of social existence. The author shows that some aspects of technologies analysis in the social area give reasons to conclude: as distinct from more popular deserted technologies of commodity industry, the social policy area is in need to use another type of algorithms of social labor activity, – these are people intensive (*chelovekoemkie*) technologies, the main peculiarities of which are described in the article. Main fields of social labor activity (*deiatel'nost'*) where people intensive technologies are reasonable to be used include pedagogical, medical, organizational ones etc.

Keywords: social policy, labor, social labor activity (*deiatel'nost'*), social technologies, people intensive (*chelovekoemkie*) technologies

For citation: Shchetinina O. V. Philosophical foundation of the peculiarities of social technologies in a social policy area. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 415–419 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-415-419>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современная отечественная социальная политика активно изучается экономистами, историками, социологами, политологами, но мало исследуется как целостное явление социальной реальности, хотя в качестве предмета философских изысканий уже известна. Социальная политика рассматривается как «комплексное явление», как средство «внешнего» и «внутреннего» самоутверждения человека [1, с. 11–12]. Такие исследования недостаточно учитывают то актуальное обстоятельство, что «из жизни людей исчезают люди» [2, с. 19]. За этим обстоятельством стоят философские концепты, отрицающие наличие у общества (и человека) сущностных начал [3, с. 93–94], которые требуют критического осмысления.

Отечественная философия советского периода сохраняла сущностные основы социальной политики, потому что опиралась на положения о «ведущей роли экономических отношений» [4, с. 171–172]. Практическая основа советской социальной политики сводилась к задачам управления, где политическая власть первенствует над экономикой, а экономика играет ведущую роль в отношении социальной политики. Кроме того, идея «советского человека» имела в своей основе понятие «труд», которым определялась сущность человека в исторической ретроспективе [5]. Но эта философия не смогла дать достойного ответа на критику сторонников «открытого общества» (К. Поппер). В настоящее время сохраняется актуальность осмысления фундаментальных оснований социального бытия и существования человека и общества, а также социальной политики современного российского общества.

От «политической экономики» к «социальной политике»

Разработанные К. Марксом представления о сущностных силах человека (классового человека) как субъекта социального развития сводятся к тому, что они реализуются в «труде», подчинены капиталу, производственным отношениям системы материального производства, процессам обмена товарами. Сущностные силы человека овеществляются в результатах деятельности, имеющих форму «товара», а природа результата деятельности человека раскрывается через диалектику форм социального бытия «труда»: «труд» опредмечивается, с одной стороны, в форме наличного бытия («товар»), а с другой – в форме эквивалентного бытия («стоимость») [6, с. 56–80]. Последующие исследования показали: а) форма социального эквивалентного бытия в своей основе содержит идеальное сущностное

начало человека [7, с. 176–177], проявлениями которого выступают индивидуальное и коллективное сознание, духовность, идеалы и т.д., а «стоимость» – лишь частный случай формы бытия «идеального»; б) онтология понятия «эквивалентное бытие» раскрывает связь бытия предшествующего труда с природой памяти [8, с. 67–89]; в) структурное содержание идеальных сущностных начал человека раскрывается через понятие «коллективная социально-историческая память» [9]. В свете этого подхода появляется возможность по-новому и более целостно подойти к пониманию результатов деятельности человека в аспекте социального бытия и существования его сущностных сил, а также к пониманию специфики содержания социальной политики.

Понятие «социальная политика» рассматривается в качестве диалектического контрапункта по отношению к понятию «политическая экономика», в основу которого заложена диалектика «идеального» и «материального» бытия и существования человека. Применительно к социальной сфере жизни общества мы делаем акцент на том, что результатом деятельности людей является не только материальный «товар» (или «услуга»), но и идеальные качества «человека» (духовные, душевные, когнитивные, психологические, физические и пр.), сохранение и развитие которых определяются понятием «социальная политика». Основным результатом социальной политики выступает человек в его целостности, что определяется понятием «личность» [10, с. 83–112; 11]. В этом качестве личность представляет собой бытие свершившейся деятельности. Наличная форма этого бытия представлена в физических свойствах личности (здоровье, физическая форма, психика и т.д.), а эквивалентная – в идеальных свойствах личности, содержательное наполнение которых опирается на структуры коллективной социально-исторической памяти, идентичности, в том числе коллективного и индивидуального имени. Существование названных сущностных свойств личности обеспечено постоянным обращением к человеческой деятельности, которая представляет собой непрерывное отрицание предметов деятельности и их «снятие в идеальных формах» [7, с. 180]. С учетом проработанного в литературе вопроса о связи философии деятельности Л. А. Зеленова, философии «имени» А. Ф. Лосева и концепции «идеального» Э. В. Ильенкова [12] можно заключить, что «идеальная форма деятельности», о которой говорил Э. В. Ильенков, – это внутреннее содержание, имя живой

человеческой личности (имя и индивидуальное, и коллективное), в своей основе опирающееся на структуры живой социально-исторической памяти, идентичности, целостности личности человека, в том числе его коллективного бытия и существования.

Таким образом, в философском аспекте социальную политику мы рассматриваем как деятельность человека, направленную на сохранение и развитие сущностных сил личности-и-общества, формами бытия которых выступают коллективная социально-историческая память и идентичность, а формами существования – конкретные прибавочные сущностные качества человека (знания, умения, убеждения [7, с. 110–111]), действующие в конкретной деятельности социальной сферы жизни общества. Согласно типологии деятельности Л. А. Зеленова [10, с. 208–217] социальная сфера жизни общества включает в себя педагогическую, медицинскую, художественную, научную, физкультурную и управленческую деятельность, поскольку во всех перечисленных ее видах основной результат – человек: человек социализированный, человек здоровый, человек творческий, человек знающий, человек физически развитый, человек самоорганизованный.

Социальные отношения

В свете представленного подхода меняется отношение к вопросам технологического прогресса. Философы начинают задаваться вопросом о совместимости тотальной глобализации «безлюдных технологий» и духовной жизни человека [13, с. 14]. В более общем плане речь идет, во-первых, о том, что существует запрос на технологии организации деятельности человека именно в качестве целостной личности, а не только как специализированной «рабочей силы». Онтология социального бытия-памяти позволяет раскрывать «личность» через человеческие сети живых социальных отношений, которые в философии социальной политики приобретают статус самостоятельного предмета деятельности государства-и-общества. Будучи элементами коллективного бытия «личности», живые социальные отношения выступают носителями социального доверия, социальной ответственности, социального взаимного понимания, социального диалога, духовного единства и других сущностных качеств коллективной личности. Действующая отечественная социальная политика сохраняет инерцию 1990-х гг., когда считалось, что названные социальные качества в обществе появятся автоматически как следствие

роста индивидуального благосостояния. Эти же идеи по умолчанию обосновывают и патерналистскую социальную политику: государство дает гражданину социальную поддержку, а в ответ у граждан появляются отношения доверия, понимания и пр. в отношении государства и друг друга. Рост числа больших и малых социальных конфликтов, социальных противоречий, социальной напряженности в отношениях различных социальных групп в России позволяет заключить, что по «остаточному принципу» формировать, развивать сети живых социальных отношений в обществе невозможно. Базис индивидуального материального благосостояния необходимо дополнять человекоемкими социальными технологиями, которые будут формировать коллективную личность России через целевые социальные отношения, в основе которых действуют структуры коллективной социально-исторической памяти и идентичности.

Переход общественного развития с приоритетов «безлюдных» технологий к приоритетам человекоемких технологий – одна из актуальных задач современной социальной политики России. Он предполагает своеобразный каскад переходов. Это переход от доминирующей роли субъекта потребления к доминирующей роли субъекта производства. Диалектика «потребление – производство», вошедшая в отечественную философскую традицию с идеями К. Маркса, в актуальной повестке социальной политики приобретает новое содержание. Она касается не «необходимого рабочего времени», а свободного времени человека, ресурсы которого находятся за пределами профессионального «труда» на предприятии. Особенность потребительского общества, тенденция глобальной популярности которого касается и России, видится в том, что за пределами «труда» люди переключаются на непрерывный процесс потребления, который имеет тенденцию поглощать все свободное время.

Перемена социального субъекта, которая отвечает сущностным приоритетам социальной политики, состоит в том, что в свободное от работы время человек стремится создавать те или иные индивидуальные или коллективные блага, как материальные, так и духовные. В рамках этого качественного перехода может быть выделено несколько промежуточных ступеней. Первая – это освоение роли социального субъекта, участвующего (вместе другими людьми) в создании конкретного общественно значимого результата деятельности. Например, участие гражданина в общественной очистке пляжа или русла реки от

мусора, участие в общественных слушаниях по благоустройству общественного пространства и пр. Вторая промежуточная переменная – это освоение роли социального субъекта, создающего систему деятельности для себя или(и) для сообщества людей. Эта субъектная роль предполагает, что человек собирает все необходимые компоненты деятельности (объект, средства, процесс, условия) и активизирует их в системе деятельности, выступая в качестве ее субъекта. Наконец, третья переменная – это освоение роли социального субъекта деятельности, нацеленной на производство, развитие сущностных сил как своей собственной личности, так и социальных сообществ разного охвата (от детей в собственной семье до соседских сообществ своего микрорайона или поселка и пр.). В этой связи речь идет не о «профессиональных компетенциях», а прежде всего о житейской мудрости (индивидуальная или коллективная мировоззренческая культура), о сохранении и приумножении багажа памяти индивидуальной и коллективной, о сбережении и обогащении идентичности индивидуальной и коллективной.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что задачам и приоритетам отечественной перспективной социальной политики отвечают социальные человекоемкие технологии, обеспечивающие непрерывное и устойчивое наследование, развитие живых социальных отношений между людьми, конечным результатом которых становится всестороннее и гармоничное развитие коллективной и индивидуальной личности человека, как в аспекте ее социального бытия, так и в аспекте ее социального существования. Глобальное значение первооткрывателей таких социальных технологий состоит в том, что они откроют людям алгоритмы отношений и социальных взаимодействий, предназначенных для создания прибавочных живых сущностных качеств живого человека, а также для передачи багажа таких качеств из поколения в поколение.

Список литературы

1. Демченко Е. Н. Социальная политика как объект философского анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 23 с.
2. Кутырев В. А. Унесенные прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб. : Алетей, 2016. 300 с.
3. Луман Н. Общество как социальная система // Общество общества : в 5 кн. / пер. с нем. М. Антоновский. М. : Логос, 2011. Кн. 1. С. 15–201.
4. Социальное познание и управление / под ред. С. И. Попова, Б. И. Сюсюкалова. М. : Мысль, 1983. 288 с.
5. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 21. С. 23–178.
6. Маркс К. Капитал. Кн. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 23. 907 с.
7. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1984. 320 с.
8. Дахин А. В. Формационное самоопределение универсума. Ч. 1 : Природный мир. Н. Новгород : Нижегородский архитектурно-строительный институт, 1992. 107 с.
9. Дахин А. В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти : перспективы философской концептуализации *memory studies* // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 42–44.
10. Зеленов Л. А. Антропология // Зеленов Л. А. Собрание соч. : в 4 т. Н. Новгород : Гладкова О. В., 2006. Т. 3. 244 с.
11. Ильенков Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность? / под общ. ред. Р. И. Косолапова. М. : Политиздат, 1983. С. 319–358.
12. Дахин А. В. Феноменология универсальности в культуре. Н. Новгород : Издательство Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 1995. 148 с.
13. Байчунь Ч. Китай и Россия : философский диалог / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2019. 37 с.

References

1. Demchenko E. N. *A Social Policy as the Object of Philosophical Analysis*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.) Moscow, 2008. 23 p. (in Russian).
2. Kutyriov V. A. *Unesennye progressom. Eschatologia zhizni v tekhnogennom mire* [Gone with the Progress. Eschatology of Vitality in the Technogenic World]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2016. 300 p. (in Russian).
3. Luhmann N. *Obshchestvo kak sotcial'naia Sistema* [Society as the Social System]. In: *Obshchestvo obshchestva* [The Society of Society: in 5 books. Trans. from Germ. by M. Antonovskiy]. Moscow, Logos Publ., 2011, book 1, pp. 15–201 (in Russian).
4. S. I. Popov, B. I. Susukalov, eds. *Sotcial'noe poznanie i upravlenie* [Social Knowledge and Management]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 288 p. (in Russian).
5. Engels F. *The Origin of the Family, Private Property and the State*. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings]. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1961, vol. 21, pp. 23–178 (in Russian).

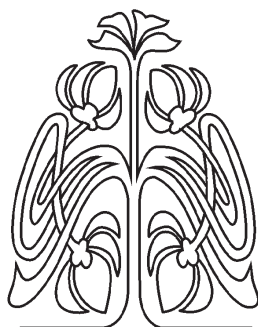

6. Marx K. The Capital. Book 1. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings]. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1970, vol. 23. 907 p. (in Russian).
7. Il'enkov E. V. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [The Dialectical Logics. Issues on History and Theory]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 320 p. (in Russian).
8. Dakhin A. V. *Formatcionnoe samoopredelenie univerversuma. Ch.1. Prirody mir* [Formational Self-limitation of the Universe. Part 1. The Natural World]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskiy arkhitekturno-stroitel'nyi institut Publ., 1992. 107 p. (in Russian).
9. Dakhin A. V. Public development and challenges of collective memory: Prospects of philosophical conceptualization of memory studies. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 8, pp. 42–44 (in Russian).
10. Zelenov L. A. Anthroponomy. In: Zelenov L. A. *Collection of Works: in 4 vols.* Nizhniy Novgorod, Gladkova O. V. Publ., 2006, vol. 3. 244 p. (in Russian).
11. Il'enkov E. V. What is a Personality? In: R. I. Kosolapov, total ed. *Skhemo nachinaet li chelovek?* [Where Does a Personality Start From?]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, pp. 319–358 (in Russian).
12. Dakhin A. V. *Fenomenologia universal'nosti v kul'ture* [Phenomenology of Universality in Culture]. Nizhniy Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 1995. 148 p. (in Russian).
13. Baichun Ch. *Kitai i Rossia: filosofskiy dialog* [China and Russia: Philosophical Dialog]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Petersburgskogo gumanitarnogo universiteta profsoyuzov, 2019. 37 p. (in Russian).

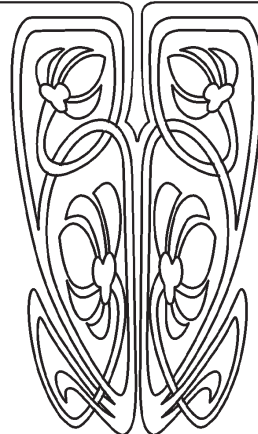
Поступила в редакцию 08.07.2021, после рецензирования 11.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 08.07.2021, revised 11.07.2021, accepted 13.09.2021

ПСИХОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 420–426

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 420–426
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-420-426>

Научная статья
УДК 159.9.07+316.6

Социально-психологические характеристики осужденных, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления

Н. М. Романова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Романова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, romanova_nm@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>

Аннотация. Проблема исследования социально-психологических характеристик преступников, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления, крайне актуальна. Это связано с ее недостаточной изученностью, большой распространенностью осужденных данной категории, возможностью понять причины и истоки их криминального поведения. Цель исследования – изучить социально-психологические характеристики осужденных, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления. Согласно полученным результатам принятие ответственности за совершенное преступление связано с возрастом преступника (осужденные молодого возраста в большей степени склонны приписывать вину за совершенное криминальное деяние внешним обстоятельствам). Впервые осужденные склонны отрицать потребность в социальной поддержке и демонстрировать меньшее стремление к социальным контактам; восприятие ими жизненных целей менее осознанно, жизнь менее осмысленна, по сравнению с повторно судимыми. Большая ориентация повторно судимых преступников на социальное взаимодействие и восприятие собственной жизни как осмысленной рассматривается как связанная с сознательным принятием криминальных ценностей и совершением криминальных деяний. Особенности отношений осужденных в родительской семье связаны с параметрами их дальнейшей жизни: конструктивная занятость на момент задержания, уровень образования, наличный семейный статус, тяжесть совершенного преступления.

Ключевые слова: социально-психологические характеристики осужденных, насильственные преступления, корыстно-насильственные преступники

Для цитирования: Романова Н. М. Социально-психологические характеристики осужденных, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 420–426. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-420-426>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-psychological characteristics of convicted persons who have committed violent and self-serving violent crimes

N. M. Romanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia M. Romanova, romanova_nm@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>

Abstract. The problem of studying the socio-psychological characteristics of criminals who have committed violent and self-serving violent crimes is extremely relevant. This is due to its insufficient study, the high prevalence of convicts of this category in the population of convicts, the ability to understand the causes and origins of their criminal behavior. The aim of the research is to study the socio-psychological characteristics of convicts who have committed violent and self-serving violent crimes. According to the results obtained, the acceptance of responsibility for the committed crime is associated with the age of the offender (young convicts are more likely to attribute the blame for the committed criminal act to external circumstances). First-time convicts tend to deny the need for social support and show less desire for social contacts; their perception of life goals is less conscious, life is less meaningful compared to repeat offenders. The greater orientation of repeat offenders to social interaction and the perception of their own life as meaningful are considered as associated with the conscious acceptance of criminal values and the commission of criminal acts. The features of the relations of convicts in the parental family are related to the parameters of their further life: constructive employment at the time of detention, the level of education, the available family status, the severity of the crime committed.

Keywords: socio-psychological characteristics of convicts, violent criminals, self-serving violent criminals

For citation: Romanova N. M. Socio-psychological characteristics of convicted persons who have committed violent and self-serving violent crimes. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 420–426 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-420-426>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуальность

Проблема исследования социально-психологических характеристик преступников, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления, крайне актуальна. Это связано с тем, что, как указывают исследователи, именно осужденные данных категорий составляют значительную часть отбывающих наказание в местах лишения свободы [1]. Несмотря на важность указанной проблемы, до настоящего времени она остается недостаточно изученной. Между тем исследование социально-психологических характеристик личности преступника позволяет приблизиться к пониманию причин и истоков криминального поведения.

В проводимых исследованиях насильственных и корыстно-насильственных преступников изучались особенности типологии личности и характеров осужденных за насильственные и корыстно-насильственные преступления [2, 3]; связь количества совершенных человеком преступлений и их тяжести [4]; социальный статус совершающих преступления с использованием насилия [5] и др.

Важность исследования таких преступников связана с наличием присущих им особых характеристик. В частности, категория осужденных, совершивших преступления с использованием насилия, рассматривается как достаточно сложная в плане проведения воспитательной работы в местах лишения свободы [6].

Цель исследования – изучить социально-психологические характеристики осужденных, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 57 мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы (колония строгого режима №10 ФСИН России по Саратовской области), в возрасте 18–56 и более лет, совершившие насильственные и корыстно-насильственные преступления.

Объединение в исследуемую группу испытуемых, совершивших указанные разновидности преступлений, объясняется единым, характерным для них качеством – использованием насилия для достижения своих целей. Кроме того, насильственные и корыстно-насильственные преступники сходны по своим личностным свойствам [7]. В целом преступников объединяют похожие психологические особенности, антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям. Они выбирают общественно опасные способы для реализации своих потребностей [8].

Использовались следующие методы исследования: анкетирование, тестирование, методы математико-статистического анализа (корреляционный анализ).

Анкета состояла из 50 вопросов с возможностью выбора ответов из предложенных вари-

антов. Вопросы охватывали следующие сферы социально-психологического функционирования испытуемого: возраст, данные о судимости, профессиональном статусе, семейном положении, образовании; воспитательная ситуация в родительской семье (наличие эмоциональной поддержки, фактов физического насилия, отношения с родителями и др.); субъективная оценка совершенного преступления (отношение, личностный смысл для осужденного, спонтанность–преднамеренность, состояние в момент совершения преступления, надежда на безнаказанность).

Метод тестирования включал тест «Смысл-жизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев), цель которого – выявить представления осужденных о факторах осмысленности своей жизни, и тест «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолл», цель данного теста – изучить стратегии и модели стресс-преодолевающего поведения.

Результаты

Уголовно-правовая характеристика

Преступление небольшой тяжести совершили 23,2% осужденных; средней тяжести – 25%; тяжкое преступление – 10,7%; особо тяжкое – 41,1%. 89,1% осужденных отбывают наказание впервые.

Социально-демографические характеристики

В соответствии с полученными анкетными данными возрастные характеристики испытуемых распределились следующим образом: 64,9% осужденных – в возрасте от 18 до 35 лет, 31,6% – в возрасте от 36 до 55 лет и 3,5% испытуемых – старше 56 лет. На момент совершения преступления 78,9% осужденных работали, 7% учились, 12,3% были безработными, 1,8% осужденных работали и учились.

Согласно типологии профессий Е. А. Климова [9] 26,3% респондентов работали в сферах, связанных с коммуникацией (профессия человек–человек); 63,2% – в сфере человек–техника; 5,3% – в сфере человек–природа, 2,6% – в сфере человек–знаковая система и 2,6% – в сфере человек–художественный образ. 28,1% испытуемых состоят в браке, 49,1% являются холостыми, 8,8% состоят в гражданском браке и 14% респондентов – разведены. Наличие детей отметили 40,7% респондентов.

Среднее образование имеют 32,7% респондентов, незаконченное среднее – 9,1%, среднее специальное (ПТУ) – 30,9%, среднее техническое (техникум, колледж) – 10,9%, незаконченное высшее образование – 9,1%, высшее – 7,3% респондентов.

Детство осужденных

87,7% респондентов посещали детские дошкольные учреждения. В воспитании 83,9% осужденных участвовали бабушки и дедушки. Внутрисемейная ситуация в родительской семье была различной. Так, 21,1% осужденных признались, что в детстве их избивали родители. У 15,8% осужденных наблюдались неоднократные случаи избивания отцом матери. 5,3% респондентов признались, что отец регулярно избивал мать, 10,5% опрошенных вспоминают периодические случаи избивания. Частые ссоры родителей наблюдались в семьях 21,1% респондентов («родители ругались часто, но до драк дело не доходило»). В подростковом возрасте каждый третий респондент испытывал фрустрацию, связанные с невозможностью получить от родителей желаемой суммы денег: 33,3% осужденных отметили, что в подростковом возрасте считали недостаточной выделяемую им сумму денег на карманные расходы.

Отношения с друзьями, приятелями и родными

66,7% респондентов рассматривают свои отношения с родителями в детском и подростковом возрасте как доверительные; 31,6% осужденных отметили, что отношения отличались умеренной теплотой. Факт поддержки в детстве со стороны семьи, родных и близких отметили 98,2% респондентов.

На отсутствие поддержки со стороны родителей указали только 1,8% респондентов («никогда не поддерживали близкие и родные»), так как объективно не было родителей.

65,5% респондентов рассматривают свои отношения с приятелями как хорошие и добрые; 21,8% – как удовлетворительные. У 12,7% осужденных приятели отсутствуют. Каждый десятый опрошенный отметил, что никогда не имел друзей, которым можно доверять.

Отношение к совершенному преступлению

68,5% респондентов предполагали, что их «поймают» (изобличат), но тем не менее решились на преступление.

Часть опрошенных признают, что в момент совершения преступления переживали положительные эмоции (14,5%). Более двух третей опрошенных указывают, что желание совершить преступление возникло спонтанно, неожиданно для них самих (76,5%).

90,4% респондентов ответили, что совершение преступления долго не обдумывалось. В связи с этим, очевидно, большая часть осужденных считает причиной совершения преступления случайность, стечение обстоятельств (66,1%).

23,5% респондентов признают, что совершили преступление преднамеренно. При этом 9,6% опрошенных долго обдумывали, прежде чем решиться на него.

При этом часть респондентов пытаются снизить свою вину. 42% из них ссылаются на невозможность контролировать обстоятельства, приведшие к совершению преступления. 25,8% респондентов указывают на некоторые обстоятельства, которые смягчают их вину.

Треть опрошенных признали, что их мотивировали на совершение преступления по большей части деньги, материальные ценности (32,4%). Некоторые побуждались мотивом мести (23,5%) либо получения уважения значимых лиц (17,6%), удовольствия (5,9%), власти (5,9%), выживания (2,9%). На отсутствие осознаваемого ими мотива указали 11,8% респондентов.

28,1% респондентов отметили, что совершенное ими преступление помогло другому (близкому человеку, приятелю), 14% опрошенных сообщили, что с помощью преступления рассчитывали помочь своим родным.

Большая часть (73,6%) осужденных указали, что решение о совершении преступления было принято ими самостоятельно, им никто не оказывал какую-либо эмоциональную поддержку. Меньшая часть респондентов (26,4%) отметила, что их криминальные намерения получили эмоциональную поддержку со стороны семьи (11,3%), друзей (1,9%) либо подельников (13,2%).

Надеялись на удачу при совершении преступления 35,7% респондентов («надеялся, что не поймают»). 67,9% осужденных признались, что знали об уголовной ответственности перед тем, как совершить преступление.

При этом 26,9% испытуемых считают, что их преступление можно оправдать.

О своем раскаянии в совершенном преступлении сообщили 92,7% респондентов. Несмотря на заявления о своем раскаянии, значительная часть осужденных пытаются снять с себя вину за содеянное: в виде отрицания своей вины либо в виде оправдания содеянного. Так, 13% опрошенных отмечают, что не признают себя виновными в совершении преступления. Более того, 32,7% респондентов оправдывают совершенное ими деяние, а 51% респондентов считают, что в преступлении, за которое они отбывают наказание, виноват потерпевший.

Возможно, дело связано с мировосприятием осужденных. Так, почти половина опрошенных (43,6%) считают, что люди в целом – потенциальные преступники. Также 53,7% испытуемых признались, что никому не сообщат о незаконном поступке знакомого человека в случае, если они

узнают об этом. 18,5% осужденных указали, что готовы пойти на многое ради друзей, даже совершить преступление.

Отношение к жертве

В момент совершения преступления 31% респондентов отметили, что чувствовали сочувствие к жертве; 26,2% было безразлично; 26,2% испытывали гнев, а 2,4% – ненависть к жертве; 4,8% чувствовали презрение, а 1,4% испытывали смешанные чувства, такие как ненависть и гнев, сочувствие, презрение и безразличие.

Для изучения взаимосвязей отдельных параметров объектного поля исследования применялись статистические методы корреляции Пирсона.

Параметр «Виноваты случайность и стечение обстоятельств в совершенном преступлении» обратно коррелирует с возрастом испытуемых: $r = -0,266$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,263$). Таким образом, чем моложе осужденный, тем в большей степени он склонен приписывать вину за совершенное им криминальное деяние внешним обстоятельствам.

Время, необходимое для планирования преступления (утверждение «Долго обдумывал преступление, прежде чем решиться на него»), положительно коррелирует с тяжестью совершенного преступления: $r = 0,300$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,276$) и обратно коррелирует с образованием испытуемых: $r = -0,366$ (значимо при $p \leq 0,01$, $r_{\text{крит}} = 0,361$).

Таким образом, субъекты, признавшие, что совершили преступление не спонтанно, а предумышленно, посредством длительного анализа его деталей, отличаются более низким уровнем образования и совершением более тяжкого преступления, по сравнению с другими осужденными.

Интересными представляются корреляции, связанные с уголовно-правовым статусом осужденных.

Параметр «Количество судимостей» имеет обратные корреляции со следующими параметрами: параметром «Поиск социальной поддержки» (методика SACS): $r = -0,357$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,288$), параметром «Вступление в социальный контакт» (методика SACS): $r = -0,301$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,288$), параметром «Цели в жизни» (методика СЖО): $r = -0,355$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,308$), параметром «Общий показатель ОЖ» (методика СЖО): $r = -0,461$ (значимо при $p \leq 0,01$, $r_{\text{крит}} = 0,403$). Параметр «Количество судимостей» имеет обратную корреляцию с параметром «Знание об уголовной ответственности»: $r = 0,278$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,276$).

На основании приведенных данных можно заключить, что лица, имеющие первую судимость, указывают, что они в меньшей степени нуждаются в социальной поддержке и стремятся к социальным контактам; их жизнь видится им менее осмысленной, а цели менее осознанными, по сравнению с осужденными повторно. Они, скорее, склонны признавать свою информированность об уголовной ответственности за содеянное ими.

Параметр «Избегание» (методика SACS) положительно коррелирует с тяжестью совершенного преступления: $r = 0,298$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,288$). Таким образом, субъекты, предпочитающие стратегию ухода от решительных действий, предполагающих наличие ответственности за них, совершают более тяжкие преступления.

В свою очередь неоднократно судимые чаще, чем ранее не судимые осужденные, указывают на потребность в поддержке со стороны других. Они стремятся к социальному взаимодействию, составлению общего плана своей дальнейшей жизнедеятельности (цели в жизни). Возможно также, что система их жизненных ориентаций включает совершение криминальных деяний как одну из жизненных целей. Неоднократно судимые (рецидивисты) рассматривают свою жизнь как более осмысленную, по сравнению с осужденными впервые.

Фактор родительской семьи

Как показывают результаты корреляционного анализа, характер отношений осужденных в родительской семье оказывает значимое влияние на многие параметры их дальнейшей жизни. Так, параметр «Занятие на момент совершения преступления» положительно коррелирует с параметром «Отношения с родителями в детстве»: $r = 0,268$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,261$). Другими словами, осужденные, оценивавшие свои отношения с родителями в детстве как хорошие, на момент совершения преступления имели конструктивную занятость: работали или учились.

Параметр «Поддержка родных в детстве» положительно коррелирует с образованием испытуемых: $r = 0,313$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,271$). Осужденные, ощущавшие эмоциональную поддержку со стороны родных, имеют образование более высокого уровня, по сравнению с теми, кто такой поддержки не чувствовал.

В свою очередь наличный семейный статус осужденных оказывается связанным с параметром «Отношения с родителями в детстве». Параметр «Семейное положение» обратно коррелирует с оценкой испытуемых своих отношений с родителями в детском возрасте: $r = -0,281$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,261$). Осужденные,

которые были холосты или разведены, чаще оценивали как плохие свои отношения с родителями.

Параметр «Доверие другим» обратно коррелирует с фактами избивания матери отцом: $r = -0,393$ (значимо при $p \leq 0,01$, $r_{\text{крит}} = 0,341$). Таким образом, осужденные, в родительских семьях которых отец избивал мать, отличаются сниженным уровнем доверия к людям.

Более того, параметр «Доверие другим» имеет обратную корреляцию с наличным семейным положением испытуемых: $r = -0,289$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,263$). Это свидетельствует о том, что наличие в окружении осужденных людей, которым они могли бы доверять в детстве, оказывается связанным с фактом наличия семьи в настоящем.

Тяжесть совершенного осужденными преступления имеет положительную корреляцию с параметром «В детстве избивали родители»: $r = 0,271$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}} = 0,263$). Таким образом, совершение человеком более тяжкого преступления связано с наличием физического насилия в отношении ребенка со стороны родителей.

Параметр «Раскаяние в совершенном деянии» положительно коррелирует с признанием виновности в совершении преступления: $r = 0,628$ (значимо при $p \leq 0,01$, $r_{\text{крит}} = 0,351$). Это позволяет сделать вывод о том, что субъекты, осознающие свою вину, в то же время склонны раскаиваться в содеянном.

Обсуждение

Исследуемая выборка – это по преимуществу молодые мужчины (более двух третей – в возрасте до 35 лет), половина из которых совершили тяжкие и особо тяжкие преступления. Лишь незначительная их часть (каждый пятый) совершил преступление небольшой тяжести.

Подавляющее большинство из них (почти 90%) совершили преступление впервые.

Образование и работа

Большая часть осужденных имеет среднее или среднее специальное образование. При этом подавляющее большинство из них (около 80%) на момент заключения под стражу были заняты продуктивными видами деятельности – работали или учились.

Практически половина из осужденных холосты, треть состоит в законном или гражданском браке. Имеют детей почти половина из них.

Факторы социализации

Мы выявили ряд нормативных факторов социализации у осужденных. Так, детско-родительские отношения расцениваются ими по преимуществу как позитивные (доверительные)

либо умеренно-позитивные. Почти 100% опрошенных подтвердили факт поддержки своей личности со стороны родных и близких в детстве. Формально социализация осужденных в детстве не отличалась от других сверстников: почти 90% респондентов посещали детские дошкольные учреждения, в воспитании более 80% из них принимали участие бабушки и дедушки.

Однако у наших опрошенных наблюдались и негативные факторы внутрисемейной социализации, а именно – физическое насилие и негативная эмоционально-психологическая атмосфера в семье. Более 30% опрошенных признались, что внутри семьи отец избивал мать, каждый пятый наблюдал частые ссоры родителей.

Кроме того, каждый пятый признался, что в детстве его избивали родители.

Специфика совершения преступления

По признаниям осужденных их преступление было спонтанным, неожиданным для них самих (почти для 80%), они долго не задумывались над ним (более 90% респондентов). Большая часть осужденных (две трети) считает причиной совершения преступления случайность, стечение обстоятельств.

Подавляющее большинство опрошенных указывают на субъективную внезапность совершенного деяния, влияние случая и стечения обстоятельств. Меньшая часть (каждый четвертый) признает подготовленность, обдуманность совершенного деяния.

Более двух третей опрошенных были готовы к тому, что будут изобличены, но тем не менее совершили преступление. Более половины из них признали, что в момент совершения преступления испытывали негативные чувства по отношению к жертве (гнев, ненависть, безразличие, презрение).

Мотивировка

Мотивировка (объяснение своих действий и их мотивов самим субъектом) совершенного преступления различна, доминируют рациональные мотивы, сопряженные с материальной выгодой, далее идут мотивы, связанные с отреагированием негативных эмоций (месть) либо получением позитивных эмоций (удовольствие, власть, уважение других). Доминирующее большинство осужденных признает самостоятельность принятия решения о совершении преступления.

Отношение к преступлению

Основная масса респондентов (две трети) прибегают к психологическим защитами, пытаются снизить свою вину («не мог контролировать ситуацию», «есть обстоятельства, смягчающие вину»). Более 40% из них считали, что своим преступлением они помогли кому-то.

Более 90% осужденных заявляют, что раскаиваются в содеянном. Однако практически тот же процент осужденных снимает с себя вину и ответственность за совершенное преступление, оправдывая себя (по типу «я не виноват»). Более половины из них считают других людей потенциальными преступниками.

Выводы

1. Возраст осужденного оказывается связанным с принятием ответственности за совершенное преступление. Чем моложе осужденный, тем в большей степени он склонен приписывать вину за совершенное им криминальное деяние внешним обстоятельствам.

2. Преступники, признавшие, что совершили преступление не спонтанно, а предумышленно, отличаются более низким уровнем образования и совершением более тяжкого преступления, по сравнению с другими осужденными.

3. Преступники, имевшие первую судимость, указывают, что они в меньшей степени нуждаются в социальной поддержке и в меньшей степени стремятся к социальным контактам, по сравнению с повторно судимыми. Впервые осужденные видят свою жизнь менее осмысленной, а цели в жизни ими менее осознаны, в отличие от осужденных повторно.

4. В свою очередь неоднократно судимые в большей степени, чем ранее не судимые, признают потребность в поддержке со стороны других, они стремятся к социальному взаимодействию, пытаются в большей степени составить общий план своей дальнейшей жизнедеятельности, рассматривают свою жизнь как более осмысленную, по сравнению с осужденными впервые. Возможно, их жизненные цели и система жизненных ориентаций направлены на сознательное принятие криминальных ценностей и совершение криминальных деяний.

5. Характер отношений осужденных в родительской семье оказывает значимое влияние на многие стороны их дальнейшей жизни. Позитивная оценка осужденными своих отношений с родителями в детстве связана с наличием конструктивной занятости (работой или учебой) на момент их задержания. Ощущение осужденными поддержки со стороны родных в детстве положительно коррелирует с более высоким уровнем образования, по сравнению с теми, кто такой поддержки не чувствовал.

6. Негативная оценка осужденными своих отношений с родителями в детстве связана с их наличием семейным статусом – они чаще были холосты или разведены.

7. Отсутствие доверительных отношений с людьми сопряжено с фактами физического на-

силы в родительской семье (избиение матери отцом) и наличием собственной семьи у осужденных в настоящем.

8. Тяжесть совершенного осужденными преступления связана с наличием физического насилия в отношении ребенка со стороны родителей.

Список литературы

1. Ушатиков А. И. К вопросу о некоторых психологических характеристиках осужденных за корыстные и насильственные преступления // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2016. № 12 (142). С. 202–204.
2. Рабочая книга пенитенциарного психолога : учебное пособие / под ред. А. И. Мокрецова, В. Г. Голубева, А. В. Шамиса. М. : ВНИИ МВД России, 1998. 208 с.
3. Кевля Ф. И. Особенности характера осужденных, отбывающих наказание за насильственные преступления // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2020. № 2 (10). С. 66–71.
4. Кокурин А. В., Мокрецов А. И. Психологические аспекты изучения личности осужденного // Преступление и наказание. 2004. № 9. С. 18–20.
5. Титаев К. Д. Насильственная преступность в России : жертвы и преступления : аналитический обзор. СПб. : Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2019. 16 с.
6. Зауторова Э. В. Организация воспитательной работы с осужденными за различные виды преступлений : учебное пособие. М. : ФКУ НИИ ФСИН России, 2018. 80 с.
7. Ушатиков А. И., Ковалев О. Г., Корнеева Г. К. Прикладная криминальная психология : учебное пособие. Рязань : Академия ФСИН России, 2012. 596 с.
8. Батаршев А. В. Базовые психологические свойства и самоопределение личности : практическое руководство по психологической диагностике. СПб. : Речь, 2005. 208 с.
9. Климов Е. А. Введение в психологию труда : учебник для вузов. М. : Культура и спорт ; ЮНИТИ, 1998. 350 с.

References

1. Ushatikov A. I. On the question of some psychological characteristics of those convicted of mercenary and violent crimes. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2016, no. 12 (142), pp. 202–204 (in Russian).
2. A. I. Mokretsov, V. G. Golubev, A. V. Shamis, eds. *Rabochaya kniga penitentsiarnogo psikhologa* [Workbook of a Penitentiary Psychologist]. Moscow, VNIИ MVD Russia Publ., 1998. 208 p. (in Russian).
3. Kevlya F. I. Features of the character of convicts serving sentences for violent crimes. *Teoriya i praktika nauchnykh issledovaniy: psikhologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie* [Theory and Practice of Scientific Research: Psychology, Pedagogics, Economy and Management], 2020, no. 2 (10), pp. 66–71 (in Russian).
4. Kokurin A. V., Mokretsov A. I. Psychological aspects of studying the personality of a convicted person. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment], 2004, no. 9, pp. 18–20 (in Russian).
5. Titaev K. D. *Nasilstvennaya prestupnost v Rossii: zhertvy i prestupleniya: analiticheskiy obzor* [Violent Crime in Russia: Victims and Crimes: An Analytical Review]. St. Petersburg, Institute problem pravoprimeneniya pri Europeyskom universitete v St.-Petersburge Publ., 2019. 16 p. (in Russian).
6. Zautorova E. V. *Organizatsiya vospitatel'noy raboty s osuzhdennymi za razlichnye vidy prestupleniy* [Organization of Educational Work with Convicts for Various Types of Crimes: Education guidance]. Moscow, FKU NII FSIN Russii Publ., 2018. 80 p. (in Russian).
7. Ushatikov A. I., Kovalev O. G., Korneeva G. K. *Prikladnaya kriminalnaya psikhologiya* [Applied Criminal Psychology: Education guidance]. Ryazan, Academy FSIN Russii Publ., 2012. 596 p. (in Russian).
8. Batarshv A. V. *Bazovye psikhologicheskie svoystva i samoopredelenie lichnosti: prakticheskoe rukovodstvo po psikhologicheskoy diagnostike* [Basic Psychological Properties and Self-Determination of the Individual: A Practical Guide to Psychological Diagnostics]. St. Petersburg, Rech Publ., 2005. 208 p. (in Russian).
9. Klimov E. A. *Vvedenie v psikhologiyu truda* [Introduction to labor psychology]. Moscow, Kultura i sport Publ., YuNITI Publ., 1998. 350 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 07.09.2021, после рецензирования 12.09.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 07.09.2021, revised 12.09.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 427–439
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 427–439
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-427-439>

Научная статья
УДК 316.6:159.9.07

Позитивное психологическое консультирование: теоретические начала и методологические основания

С. В. Фролова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры консультативной психологии, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Аннотация. В статье обосновывается актуальность для разработки новой творческой модели позитивного психологического консультирования, фокусирующей внимание не столько на коррекционных, сколько на развивающих и профилактических задачах актуализации и преобразования ресурсов личности, оптимизации продуктивности и целостного потенциала человека, решение которых способствует преодолению нормативных трудностей, достижению значимых жизненных целей, реализации сокровенных ценностей и росту субъективного благополучия. Теоретическими началами и методологическими основаниями построения модели позитивного психологического консультирования служат постмодернистские парадигмальные представления о дополнительности научно-психологического знания и конструктивизме в процессе его производства, идеи позитивного подхода в психотерапии, открытия в области позитивной психологии, положения системного и субъектного подходов к пониманию личностного развития, теория психологических отношений личности, концептуальные представления о значащих переживаниях, регулирующей функции вторичных образов, стремлении человека к поиску и реализации смысла жизни, типах жизненной направленности. Формулируются цели, задачи и методологические принципы позитивного психологического консультирования: психологической позитивности (как способности субъекта выбирать и создавать лучшее из реально возможного на пути своей самоактуализации и реализации жизненного замысла), психологического преобразования и психосинтеза, экосензитивности и самотрансцендентности, развития и креативности, целенаправленности и ресурсности, личностной и феноменологической уникальности, психотехнической вариативности и пластичности, позитивного взаимодействия и другие.

Ключевые слова: позитивное психологическое консультирование, позитивный подход в психотерапии, позитивная психология, методологические принципы: психологической позитивности, психологического преобразования и психосинтеза, экосензитивности и самотрансцендентности, развития и креативности, целенаправленности и ресурсности, личностной и феноменологической уникальности, психотехнической вариативности и пластичности, краткосрочности и экономичности, позитивного взаимодействия

Для цитирования: Фролова С. В. Позитивное психологическое консультирование: теоретические начала и методологические основания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 427–439. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-427-439>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Positive psychological counseling: Theoretical bases and methodological foundations

S. V. Frolova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Frolova, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Abstract. The paper gives grounds for designing a new creative model of positive psychological counseling that focuses on developmental and preventive objectives rather than on correctional ones. These developmental and preventive objectives include actualization and transformation of personality resources, optimization of productivity and full personality potential, and tackling them helps overcome normative difficulties, achieve important life goals, implement inmost values and increase subjective well-being. Post-modern paradigm beliefs in complementarity of scientific psychological knowledge and constructivism in the process of its production, ideas of positive approach in psychotherapy, findings in the field of positive psychology, provisions of system and subject approaches to the understanding of personality development, theory of psychological relationships of personality, conceptual ideas of meaningful feelings, regulatory function of secondary images, aspiration of a person to seek and accomplish their purpose in life, types of life orientations were used as theoretical bases and methodological foundations for designing the model of positive psychological counseling. The author describes the goals, objectives and methodological principles of positive psychological counseling: psychological positivity (as a subject's ability to select and create the

best of the real opportunities throughout their self-actualization and realization of the meaning of life), psychological transformation and psychosynthesis, eco-sensitivity and self-transcendence, development and creativity, purposefulness and resourcefulness, personal and phenomenological uniqueness, psychotechnical variability and plasticity, positive interaction.

Keywords: positive psychological counseling, positive approach in psychotherapy, positive psychology, methodological principles of psychological positivity, psychological transformation and psychosynthesis, eco-sensitivity and self-transcendence, development and creativity, purposefulness and resourcefulness, personal and phenomenological uniqueness, psychotechnical variability and plasticity, brevity and resource efficiency, positive interaction

For citation: Frolova S. V. Positive psychological counseling: Theoretical bases and methodological foundations. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 427–439 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-427-439>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Социальные, экономические, техногенные, экологические кризисы приводят к значительным изменениям обстоятельств личной жизни современного человека. Глобальные, локальные и индивидуальные перемены делают каждый день потенциально стрессогенным, трансформируя представления о нормативности личностных проблем. С ускорением темпа жизни повышается роль адаптационных способностей психики, возрастают потребности в создании технологий оказания краткосрочной и качественной профессионально-психологической помощи, способствующей оптимальному функционированию в ситуациях нормативных трудностей, быстрому восстановлению после перенесенных стрессов, совершенствованию механизмов саморегуляции, предупреждению значительных эмоциональных, поведенческих и личностных расстройств. Такого рода помощь может реализовываться, на наш взгляд, посредством новой разрабатываемой модели *позитивного психологического консультирования*, фокусирующей внимание не столько на коррекционных, сколько на профилактических и развивающих задачах актуализации и преобразования личностных ресурсов для преодоления нормативных трудностей, повышения субъективного благополучия, оптимизации продуктивности и целостного потенциала человека, достижения им значимых целей в соответствии с сокровенными жизненными ценностями.

Цель данной статьи – формирование теоретико-методологического фундамента для разработки модели позитивного психологического консультирования – новой технологии оказания психологической помощи человеку, сталкивающемуся с необходимостью развития качеств субъекта, совершенствования механизмов саморегуляции и способностей сохранения своего психологического благополучия в условиях постоянно меняющегося мира и внезапно возникающих кризисов.

Позитивное психологическое консультирование (далее – ППК) вбирает в себя концептуальный

и технологический опыт, накопленный в процессе развития позитивного подхода в психотерапии [1, 2], и опирается на научно-исследовательские достижения позитивной психологии [3, 4], проливающие свет на структуру, функционирование, факторы и механизмы субъективного благополучия. ППК не противопоставляет себя остальным консультативным моделям, не спорит с ними и не оппонирует им, оно учитывает успехи других консультативных подходов и новейшие открытия в различных областях научной психологии. Оно фокусируется не на своей или любой другой теоретической и психотехнической исключительности, а на поиске наиболее эффективных и оптимальных – по затратам и приобретениям – способов развития целостного потенциала личности и профилактики психологических аномалий.

Теория ППК на данном этапе ее развития интегрирует концептуальные положения ряда личностных, социально-психологических и психотерапевтических учений. Инструментально ППК представляет собой постоянно развивающуюся систему методов быстрой и эффективной актуализации сильных психологических качеств человека для достижения им важных жизненных целей и решения возникающих на этом пути проблем. Перспективные задачи дальнейшей разработки теории и практики ППК связаны с осуществлением собственных научно-исследовательских проектов и творческим конструированием новых помогающих психотехнических инструментов.

В отличие от позитивной психотерапии ППК направлено на сотрудничество с клиентами в решении имеющихся у них конкретных, ситуативных психологических проблем, находящихся в рамках здоровой нормы, и задействует для этого ресурсы их сознания. Целенаправленное взаимодействие с консультантом в ходе ППК служит развитию у клиента способностей конструирования и достижения более здоровых и позитивных целей, системного видения актуальной проблемной ситуации, саморегуляции, познания и понимания самого себя, поиска наилучших

путей для приближения желаемых изменений, выработки полезных когнитивных, эмоциональных и поведенческих привычек. Р. Кочюнас, Л. М. Брамер и Е. Л. Шостром пришли к выводу о том, что существенными особенностями психотерапевтической помощи являются готовность работать с клинически не вполне здоровыми индивидами, возможность ставить задачи коррекции и структурной перестройки всей личности в целом, допускающие использование методов воздействия, адресованных бессознательным слоям психики [5, с. 14].

Потребность в развитии ППК особенно возрастает в связи с трансформациями жизненной реальности в условиях роста числа новых технологий, увеличения объема и разнообразия каналов информации, упразднения многих социальных институтов, размывания традиций и нравственных ориентиров. Перенесение социальной и личностной активности в интернет-пространство и становление нормативности почти непрерывного процесса самопрезентации в социальных сетях постепенно стирает границы публичного и интимного, создает условия для формирования нового типа эгоцентрической личности, испытывающей неудовлетворенность потребности в реальном, непосредственном эмоциональном общении. Все чаще возникают переживания чувств тоски, скуки, одиночества, непонятости, бессмысленности, тотального несчастья без очевидных объективных причин. Страдания начинают приобретать публичный, нарциссический характер. Для решения подобных, конструируемых проблем ППК предлагает рассмотрение альтернативных страданиям ценностей – ценностей позитивных переживаний, позитивного общения, творческой самореализации.

Исходные теоретико-методологические основания позитивного психологического консультирования

Одной из концептуальных и методологических основ для разработки модели ППК служит комплекс идеи *позитивного подхода в психотерапии*. Название «позитивная психотерапия» впервые использовал Н. Пезешкиан (N. Peseshkian) для обозначения своей авторской психотерапевтической концепции, разрабатываемой с конца 1960 – начала 1970-х гг. [2, с. 11]. Концепция позитивной психотерапии не ограничивается рассмотрением генезиса проблем человека и вместо глубокого, детального и длительного погружения в их специфику задается вопросом о том, откуда могут появиться ресурсы для развития неведомых до сих пор способностей для борьбы с болезнью и нахождения в ней смысла [1, с. 14].

Одной из главных идей для построения модели ППК является положение концепции позитивной психотерапии о важности работы с ресурсами человека для улучшения качества его жизни. Эта идея продолжила свое развитие в ряде психотерапевтических подходов, которые Б. А. Бараш объединил под общим названием «краткосрочная позитивная психотерапия» [2, с. 11]. К ней он отнес психотерапию «новой волны», зародившуюся в 70-е гг. XX в. и связанную с именем М. Эриксона, нейролингвистическое программирование и терапию, фокусированную на решении (solution-focused [SFT]), предложенную И. К. Берг [6]. Основополагающим стратегическим принципом краткосрочной позитивной психотерапии является утверждение о том, что вместо анализа причин проблемы акцент следует делать на ее решении. Этот принцип обрел детально проработанную форму психотехнической реализации в методике беседы, фокусированной на решении (Solution Talk), разработанной Б. Фурманом и Т. Ахолой [2]. Данная методика реализуется в пять основных этапов, включающих описание проблемы, постановку цели, ревизию ресурсов, рассмотрение возможностей привлечения социальных связей клиента и конструирование плана достижения желаемого результата. Решению задач на каждом из этапов способствуют разработанные авторами специальные психотехники, реализуемые преимущественно в форме постановки творческих вопросов, запускающих процесс продуктивного мыслительного поиска. Такого рода вопросы можно назвать майевтическими, поскольку они побуждают человека по-новому взглянуть на проблемную ситуацию.

Другим важным теоретико-методологическим основанием для создания ППК служат научно-исследовательские достижения *позитивной психологии*. Это достаточно новое направление, возникшее в конце 1990-х гг., ставит целью смещение фокуса исследовательского внимания с изучения нарушений, подлежащих коррекции, на укрепление психологических сил, способствующих актуализации высшего потенциала человека, повышению продуктивности личности и социальных институтов [4, с. 41; 7].

В качестве предмета позитивной психологии ее лидер М. Селигман определил благополучие (well-being), «золотым стандартом» которого является «процветание». Он отметил, что благополучие представляет собой конструкт, который невозможно объективно измерить, но можно субъективно оценить. В структуре субъективного благополучия им были выделены «позитивные эмоции, вовлеченность, смысл, достижения и позитивные отношения» [7, р. 13].

Сегодня в позитивной психологии активно изучаются факторы и механизмы субъективно-благополучия: процессы саморегуляции [4, с. 53], резилентности [7, 8], позитивного мышления [9]. Заслугой позитивной психологии является возвращение в научное исследовательское поле таких понятий и стоящих за ними важных и значимых феноменов человеческой жизни, как мудрость, любовь, духовность [3, с. 178, 243; 10].

Среди важнейших задач, которые ставятся в ППК, можно выделить развитие навыков целеполагания, стратегий достижения целей, позитивного мышления, саморегуляции, резилентности, управления эмоциональными состояниями. В качестве важнейших ресурсов личности ППК рассматривает духовные ресурсы, мудрость и потенциал различных видов и типов любви [11].

Д. А. Леонтьев отметил ошибочность мнения о тождественности позитивной психологии идеологии «гедонизма и консьюмеризма» [4, с. 37]. Цели позитивной психологии сопряжены не с продвижением идей эгоистического гедонизма, а с изучением факторов развития психологических сил и способностей, повышающих субъективное благополучие, ценность которых особенно возрастает во времена кризисов и преодоления испытаний. С точки зрения концепции позитивной психологии М. Селигмана, подлинное счастье человек обретает лишь тогда, когда развивает в себе лучшие качества и стремится проявить их в работе, в общении, в повседневной жизни [3, с. 11–12]. В наши дни новая позитивная психология среди многих важных задач пытается ставить и решать вопросы формирования психологической готовности человека к экстремальным ситуациям [12].

Одной из базовых теорий, на которых строится модель ППК, является *теория психологических отношений личности*, получившая наиболее глубокое и содержательное развитие в трудах В. Н. Мясищева [13]. Автор отнес психологические отношения к классу психических образований, выполняющих роль движущей силы личности, определяющей «степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности» [13, с. 51], представляющих собой потенциал (или некую готовность к осуществлению процессов психической деятельности), «проявляющийся сознательной активной избирательностью переживаний и поступков человека» в связи с различными сторонами действительности и ориентированный на перспективы будущего [13, с. 384–385].

Психологические отношения согласно теории В. Н. Мясищева содержат конативный, эмоциональный и когнитивный компоненты

[13, с. 18–20]. Эмоциональный компонент может проявлять себя в устойчивых чувствах, привычке продуцировать определенную эмоциональную реакцию в связи с положительно или отрицательно значимым объектом. Когнитивные составляющие психологического отношения могут быть обнаружены в усвоенных знаниях о значимом объекте, сформировавшихся представлениях и убеждениях о нем, конструируемых его образах. Конативная сторона психологического отношения проявляется в поведении и деятельности человека, может быть представлена субъективно переживаемой потребностью, активной устремленностью к объекту или избеганием его, желанием и намерением выстраивать или разрывать с ним связь. В. П. Позняков предложил дополнить рассмотрение структуры психологического отношения еще одним – ценностным – компонентом, роль которого состоит в выражении значимости объекта отношения [14, с. 8].

Методологически важной опорой для преобразующей модели ППК служат положения системного подхода в психологии [15]. Имея дело с системно организованными психологическими образованиями, данное консультативное направление руководствуется принципом индукции, объясняющим эффект распространения изменений, запущенных в одном компоненте, на трансформации всей целостной системы. Учитывая специфику целостности психологического отношения и переживания человека, становится возможным использовать психотехнические приемы и способы, акцентирующие работу на отдельно выбранном проявлении психики, для запуска преобразующих процессов всей личности. Так, например, ППК может активно использовать для актуализации целостного потенциала личности отдельные психотехники работы с образно-когнитивной сферой [16, с. 372–376] и чувствами клиента, специальные наработки в области эмоциональной креативности [17], методы тренинга и репетиции поведения [16, с. 269–371].

В качестве основного *системообразующего компонента* в процессе личностных преобразований может выступать *значимое переживание позитивного образа проблемной ситуации* – особый процесс целостной, эмоциональной, когнитивной, конативной и ценностной активности субъекта в ходе анализа и конструирования представлений о возникших трудностях, приводящий к трансформации старых и обретению новых смыслов построения своей жизни с опорой на использование наилучших из имеющихся в реальности возможностей. Важной теоретико-методологической составляющей для понимания

преобразующего потенциала феномена значащих переживаний образа жизненной ситуации служат *концепция значащих переживаний* Ф. В. Бассина [18] и достижения психологии регулирующей функции вторичного образа [19], нашедшие практическое подтверждение в ряде психотерапевтических направлений [20, 21].

Психологические отношения становятся главным предметом анализа в патогенетической психотерапии, основы которой были заложены В. Н. Мясищевым, а затем получили развитие в трудах его учеников и последователей. Однако в отличие от патогенетической психотерапии, предназначенной в первую очередь для длительной работы с больными неврозами и имеющей главной целью реконструкцию нарушенной в процессе личностного развития системы отношений [22, с. 9], ППК имеет дело с нормативными трудностями современного человека и служит творческому преобразованию системы психологических отношений, позволяя стать более благополучным и эффективным, несмотря на внезапно возникающие стрессовые факторы.

Следующим важным теоретико-методологическим основанием ППК является *концепция переживания* Ф. Е. Василюка [23] и вытекающие из нее положения для создания *типологии жизненной направленности личности*. Опираясь на представления Ф. Е. Василюка о типах «жизненных миров», И. Ю. Кулагина и В. Н. Колюцкий предложили четыре основных вида направленности личности, различающихся иерархической структурой уровней мотивации: *гедонистическая* (определяется лишь потребностями, связанными с установкой на быстрое получение удовольствий), *эгоистическая* (задается целями, в основе которых лежат эгоистические мотивы), *духовно-нравственная* (характеризуется внутренней борьбой мотивов, управляемой при помощи общей ориентации на духовно-нравственные ценности) и *сущностная* (способствующая наиболее полному раскрытию и развитию личности с доминированием генерализованного мотива сущностного единения с миром) [24, с. 110]. Поскольку ППК сосредоточено преимущественно на актуализации ресурсов для достижения важных жизненных изменений, оно стремится учитывать исходные, сформированные у человека умения осуществлять выбор, ставить цели, соотносить их с индивидуально значимыми ценностями, а также принимает во внимание те возможные трудности, которые могут возникать в этих процессах при разных видах личностной направленности.

Разработка концепции ППК опирается также на положения экзистенциальной *теории логотерапии* В. Франкла [25] и ряд принципов

личностно-центрированного консультирования, основоположником которого является К. Роджерс [цит. по: 16, с. 30–57].

Выстраивание фундамента ППК на интегрировании разнообразных научных положений опирается на использование современной *пост-модернистской парадигмы*, одним из главных утверждений которой выступает принцип взаимодополнительности знания [26]. Постмодернизм в науке связан с развитием теории самоорганизующихся систем, в которой появляется место не только для универсальных законов, но и для изучения уникальных событий. Постмодернистское научное мышление сопряжено с конструктивизмом и делает особый акцент на субъективности, поиске смыслов, интерпретации фактов и возможностях конструирования реальности в изменяющихся ситуативных социальных и культурных контекстах [26, с. 53–54]. Эти идеи уже нашли отражение в ряде системных психотерапевтических практик [27, с. 319–332]. Опора ППК на постмодернистскую методологию и теорию самоорганизующихся систем дает возможность принимать во внимание не только универсальные законы психики, но и уникальность жизненной судьбы индивида и возникающей конкретной ситуации, позволяет, наряду с использованием уже готовых, разработанных методов, конструировать новые психотехнические приемы и инструменты.

Методологические принципы позитивного психологического консультирования

Методологические принципы ППК формируются исходя из содержания его целевой направленности, специфики решаемых задач, особенностей понимания психологической реальности и процесса оказания психологической помощи. Каждый из принципов ППК обладает собственным уникальным смысловым наполнением и при этом настолько тесно взаимосвязан с остальными, что порой создается впечатление, что он является и началом, и продолжением другого.

Основная идея ППК заложена в содержании методологического принципа *психологической позитивности*, означающего признание способности человека быть субъектом своей жизни, выбирать и создавать лучшее из реально возможного на пути самоактуализации и воплощения жизненного замысла.

В концепции позитивной психотерапии Н. Пезешкиана под «позитивным» (от лат. *positum* – ранее данное, действительное) понимается то, что имеется в реальности [1, с. 15]. А в реальности любая жизненная ситуация может открываться для личности как своими слабыми, уязвимыми сторонами, так и сильными, ресурс-

ными свойствами. В позитивной психологии, оперирующей понятиями счастья и благополучия, «позитивный» (от лат. *positivus*) трактуется как положительный, лучший.

В словаре русского языка приводятся два разных значения слова «позитивный»: 1) «основанный на опыте, на фактах», «подлинный» и 2) «положительный, противоположный негативному» [28, с. 239]. Методологический принцип психологической позитивности органично сочетает в себе различающиеся трактовки термина «позитивный» в позитивной психотерапии и в позитивной психологии и утверждает сущностные свойства психической реальности, позволяющие субъекту замечать и осознавать не только отрицательные, но и положительные стороны проблемной жизненной ситуации, развивать умение выбирать и совершенствовать наилучшие из возможных в имеющихся обстоятельствах способы для достижения своей наибольшей эффективности.

Методологический принцип психологической позитивности позволяет подчеркнуть ряд особых качеств психической реальности, отличающих ее от материальной, физической реальности. К таким особым качествам относятся, например, эквивинальность (способность достигать одинакового результата разными путями и в силу разных причин) и обратимость [29, с. 11]. На качество жизни индивида в настоящем может влиять не только пережитое прошлое, но и психологическое будущее, т. е. образы тех целей, которые ставит человек, представления о том, как он будет их достигать, как будут со временем меняться его чувства, мысли, свойства и состояния. Кроме того, на переживаемое в настоящем может оказывать большее влияние не объективное, а субъективное прошлое, т. е. то, каким оно представляется человеку. Если меняется взгляд на произошедшее в прошлом, меняется характер его влияния на настоящее и на будущее индивида. Характер переживания события в настоящем может менять взгляд на его причину, т. е. менять субъективное прошлое.

Принцип психологической позитивности подразумевает также важность развития способности личности замечать, осознавать и использовать положительные стороны случающихся и создающихся в жизни ситуаций. В силу свойственной психике первичной реактивности как способности формировать ответную реакцию преимущественно на угрожающие и раздражающие стимулы окружающей среды человек может быть склонен в большинстве случаев автоматически фиксировать в своем сознании не целостную картину реальности, а избирательно

негативно значимые элементы. Умение замечать положительно значимые аспекты реальности требует более высокого уровня развития субъектности и проактивности, понимаемой В. Франклом как проявление свободной воли и способности управления своим поведением [25].

Исходя из особенной *целевой направленности модели ППК* – создание психологически благоприятных условий для преобразования системы отношений человека к миру и к самому себе, пробуждения новых сил и способностей, обеспечивающих отыскание возможностей совладания с трудными ситуациями, построения и достижения позитивных жизненных целей и повышения субъективного благополучия – в качестве сущностного методологического принципа можно выделить принцип *психологического преобразования и психосинтеза*.

Данный методологический принцип предполагает, что в ходе ППК создаются психологически благоприятные условия не столько для фиксации сознания клиента на анализе проблемы и ее причинах, сколько для поиска возможностей выхода из трудной жизненной ситуации. Но такой выход не может быть в никуда, и человеку сначала предстоит определиться с тем, в какой именно жизненной ситуации вместо той, которая сложилась, он хотел бы оказаться впоследствии, как бы он предпочитал себя чувствовать, чем заниматься, к чему стремиться, какие качества в себе совершенствовать. Обретение нового понимания себя и перспективы своей жизни требует большой внутренней работы по преобразованию некоторых своих психологических отношений или всей системы отношений в целом с ее эмоциональными, когнитивными, конативными и ценностными составляющими. Такая внутренняя деятельность носит творческий характер и требует большой активности субъекта в решении задач самоконструирования и самостроительства, являясь своего рода психологическим синтезом. Следует заметить, что роль консультанта состоит не в обеспечении самих процессов преобразования и психосинтеза, а в создании психологически благоприятных – помогающих – условий для их запуска.

На важность и необходимость процесса психосинтеза как обязательного этапа научного метода в работе с невротическими пациентами, следующего за психоанализом, указывал П. Жане. В результате психологического анализа неосознанные фиксированные идеи, источником для которых являются травмирующие или пугающие события, становятся осознанными и могут приобретать статус навязчивости, еще более сужая и ограничивая поле сознания и усугубляя

психологическую слабость. Патогенность идеи может быть разрушена, по мнению П. Жане, путем диссоциации или трансформации в процессе психосинтеза [цит. по: 30, с. 106].

Создание психологически благоприятных условий для внутренней преобразующей работы клиента требует от помогающего профессионала особенного творческого подхода к использованию широкого спектра теоретических знаний, основных и специальных методов консультирования, а также готовности к конструированию новых психотехнических приемов и методик. Профессиональное сопровождение индивидуальных и групповых процессов психологических преобразований предполагает глубокое освоение консультантом теории и практики психологии развития личности и группы, типологии личности, психологии образа (непосредственно запускающего процесс преобразования), переживания, отношений личности, психологии целеполагания и стратегий достижения жизненных целей, эмоциональной креативности и многих других научных областей. Все это ставит задачи формирования и развития особой системы научного знания позитивной консультативной психологии, способной создавать надежные теоретические, методологические, эмпирические и инструментальные основания для эффективной помогающей преобразовательной деятельности.

Использование процессов преобразования рассматривалось Я. А. Пономаревым как существенная характеристика высшего уровня развития научного (в том числе – научно-психологического) знания. Согласно его теории процесс развития общественного познания представляет собой закономерное прохождение трех основных этапов с формирующимися на них особыми типами знаний: 1) созерцательно-объяснительного, 2) эмпирического и 3) действенно-преобразующего. Производство действенно-преобразующего знания носит творческий характер и сопряжено с использованием комплексного, системного, интегративного и междисциплинарного подходов, предполагает тесное взаимодействие фундаментальной, исследовательской и прикладной психологии, развитие экспериментальной методологии, что позволяет превращать создаваемые «аналитико-синтетические модели явлений» и вскрываемые конкретные законы их функционирования «в руководства для практических действий» [31, с. 220, 225, 283]. Развитие и совершенствование модели ППК, предполагающее взаимодействие фундаментального, исследовательского и прикладного, инструментального знания, может способствовать решению одной из главных проблем современной консультатив-

ной психологии, обозначенной М. А. Гулиной и Ю. П. Зинченко, – осуществлению перехода «от практикования психологического консультирования – к концептуализации накопленного опыта и формированию новой психологической дисциплины с ее собственными теоретическими и методологическими основаниями» [32, с. 7].

Методологический принцип **субъектности**, используемый в ППК, опирается на субъектный подход, развивавшийся в трудах С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, Д. Н. Узнадзе, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой, Л. И. Анцыферовой [33], и означает принятие положения о том, что человек может сознательно, целенаправленно и относительно независимо от навязываемых ему требований и обстоятельств активно определять процесс собственного развития, интеграции и самосовершенствования, выстраивать свой жизненный путь, регулировать систему взаимоотношений с миром [34]. Из этого принципа следует, что клиент в ППК является не объектом воздействий, а субъектом, осуществляющим в ходе взаимодействия с консультантом осознанные выборы, ставящим жизненно важные цели, принимающим решения и несущим ответственность за их реализацию. Главными сферами ответственности консультанта становятся соблюдение профессиональной этики и принципов ППК, грамотное использование базовых профессиональных методов активного и эмпатического слушания, майевтического диалога, активного наблюдения, служащих созданию психологически благоприятных условий для актуализации ресурсных, субъектных свойств личности клиента. Консультант также несет ответственность за предлагаемые клиенту варианты психотехнических средств, подобранные в соответствии с поставленными клиентом позитивными целями и задачами для его самостоятельной и совместной с психологом работы.

Применение общенаучного принципа **системности** в ППК позволяет рассматривать психику, личность, ее ресурсы и факторы детерминации, психологические и социально-психологические отношения человека, его жизненную среду, выстраиваемые взаимодействия клиента и консультанта, совокупность базовых и специальных методов консультирования как сложноорганизованные системы, имеющие связи с другими внешними системами и внутренними подсистемами. Данный общий принцип связан с иными вытекающими из него более частными, дополнительными принципами, например с принципом индукции.

С идеей системности тесно сопряжен принцип **экогензитивности и самотрансцендент-**

ности, означающий сущностную открытость человека миру и потребность выйти за пределы самого себя, важность в его жизни системы психологических отношений, социальных связей, принимаемых культурных норм и даже особенностей переживания получаемых впечатлений от элементов природной и техногенной окружающей среды. Быть человеком согласно теории логотерапии В. Франкла «значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому человек себя посвятил, человеку, которого он любит, или Богу, которому он служит», тянуться к смыслу и ценностям, которые он может обрести только выйдя за пределы себя [25, с. 51]. В ППК уделяется внимание возможностям усиления здорового сотрудничества, взаимопонимания и доверия в социальной системе клиента. Учитывается также влияние культурно-специфических факторов и психологического отношения к ним на эффективность самореализации и самочувствия личности, что нашло отражение в разработке специального метода социокультурно-сензитивного, личностно ориентированного консультирования [35, с. 368–382].

Методологический принцип *дополнительности* (постулируемый постмодернистской парадигмой и тесно связанный с принципом системности) позволяет значительно оптимизировать процесс оказания психологической помощи за счет соединения и организации в единую метасистему разнообразных психотехнических приемов и разных точек зрения на природу возможностей оптимизации потенциала человека. Так, например, в чем-то противоречащие друг другу образ центрированной на себе личности, характерный для гуманистической психологии, и образ самотрансцендирующегося человека, созданный в экзистенциальной логотерапии, в ППК не подвергаются жесткому противопоставлению, а оказываются в едином предметном поле рассмотрения факторов самосовершенствования и субъективного благополучия.

Принцип дополнительности служит обоснованием возможности использования в ППК опыта различных психологических и психотерапевтических школ, междисциплинарного подхода к пониманию функционирования различных механизмов психологических преобразований, интегрирующего знания разных научных областей, например, социальной психологии личности, психотерапии, философии, социальной психофизиологии, нейробиологии, нейрохимии, социально-когнитивной нейронауки, нейрокультурологии. Идея дополнительности позволяет учитывать в ППК совместное действие факторов различного рода реальностей – биологической,

социальной, культурной, психологической. Для описания эффектов расширения поля сознания и открывающихся новых возможностей в ходе творческих процессов психологического преобразования может быть использовано понятие дополнительной реальности, введенное в теорию психодрамы [36, с. 234–266].

Суть принципа *развития и креативности*, принимаемого в ППК, состоит в признании того, что личности свойственны творческие возможности качественного преобразования своих свойств, особенностей функционирования, результативности деятельности, специфики отношений со средой, связанных с изменением и совершенствованием уровня системной организации. Наряду с чувствительностью к внешним воздействиям личность обладает способностью к самоорганизации и может быть описана в рамках синергетики живых систем [37]. Точками бифуркации и одновременно толчками развития, определяющими или меняющими генеральное направление развития личности, могут выступать сложные жизненные ситуации и значащие переживания [18], способные привести к изменениям в ее образной сфере [19] и порождению новых жизненных смыслов [25].

Применение принципа развития и креативности означает также, что модель ППК сама может постоянно творчески развиваться и совершенствоваться. Это касается как ее теоретической, так и практической составляющей. В рамках методологии позитивной консультативной психологии могут проводиться научные исследования, направленные на изучение содержания, механизмов, факторов процессов преобразования личностных сил и ресурсов клиента в ходе специально организованного взаимодействия с консультантом; особенностей динамики субъективного благополучия, развития когнитивной, коммуникативной, эмоциональной, деятельностной креативности в ходе решения трудных жизненных ситуаций, конструирования и достижения значимых целей; качественной специфики и эффективности используемых и разрабатываемых преобразующих приемов, психотехник и методик ППК.

Методологический принцип *целенаправленности и ресурсности* означает, что сущностными задачами ППК является не поиск причин проблем клиента, а создание психологически благоприятных условий для развития ресурсов и целостного потенциала личности, служащих достижению ее важных целей и реализации сокровенных жизненных ценностей.

Под ресурсами в обобщенном плане, следуя предложенной формулировке Д. А. Леонтьева, можно понимать средства, способствующие «до-

стижению цели и поддержанию благополучия». Ресурсы, средства обнаруживаются и определяются в сознании человека только тогда, когда у него появляется цель. Ресурсность, по мнению Д. А. Леонтьева, это свойство системного качества, «приобретаемое некоторыми объектами или индивидуальными особенностями в структуре деятельности, задаваемой мотивом и целью» [38, с. 22]. П. К. Анохин убедительно показал, что основным свойством функциональной системы и главным ее системообразующим фактором является наличие общей цели взаимодействующих избирательно вовлеченных компонентов, направленных «на получение фокусированного полезного результата» [39, с. 35]. Поэтому без цели проблематичны целостность и системность личности, и ничто не может служить ресурсом. ППК делает акцент на развитии умения человека видеть значение решения своих проблем не только в пределах ограниченного стремления избавиться от болезненных переживаний, но и в перспективе конструирования и достижения более здоровых и привлекательных целей своего долгосрочного будущего. Такое видение значительно расширяет поле сознания, способствует нахождению смысла для преодоления трудностей и превращению дремлющих сил в активно действующие ресурсы.

Д. А. Леонтьевым были выделены и описаны четыре класса глобальных ресурсов: физиологические, психологические, предметно-материальные, социальные [38, с. 23]. На наш взгляд, этот перечень может быть дополнен и существенно обогащен классом духовных ресурсов. Интерес к изучению духовных способностей личности в последнее время все больше возрастает [40].

Из методологического принципа целенаправленности и ресурсности логически вытекает принцип **преимущественной ориентации на будущее клиента**, а не на его настоящее и, тем более, не на его прошлое, которое уже нельзя изменить. Данный принцип был выделен Б. А. Барашем [2, с. 16] как один из стратегических принципов психотерапии, сфокусированной на решении, начало разработки которой было положено И. К. Берг [6].

Принцип **личностной и феноменологической уникальности** в ППК означает учет неповторимости целостности и сущности личности каждого человека, ситуационного разнообразия его переживаний, чувств и обретаемых жизненных смыслов. Методологически данный принцип опирается на положения монадологии Г. В. Лейбница о неповторимости души (монады, обладающей особыми свойствами) каждого человека [41, с. 413–429] и идею Б. Спинозы о практически

бесконечном разнообразии видов аффектов [42, с. 241]. Данный методологический принцип позволяет обосновать важность применения для актуализации преобразующих процессов в ППК личностно центрированного [16, с. 30–58] и феноменологического (утверждающего важность умения отказаться от прошлого опыта при решении проблем) подходов, логотерапии [25], концепции эмоциональной креативности [17] и необходимости конструирования в отдельных клиентских случаях новых, оригинальных психотехнических приемов.

С принятием личностной и феноменологической уникальности тесно связан принцип **психотехнической вариативности и пластичности**, согласно которому при оказании помощи клиенту учитываются неповторимость переживаемой им жизненной ситуации и возможность использования для решения поставленных задач широкого спектра методов, методик и приемов, разработанных в рамках позитивного подхода в психотерапии, сконструированных внутри самой модели ППК, а также созданных в области других психотерапевтических и консультативных направлений. Выбор готовых психотехнических инструментов или создание новых уникальных приемов определяется особенностями переживания человека, обратившегося за помощью, и характером формируемых им позитивных целей. Наиболее соответствуют целям и задачам ППК метод конструктивистской психотерапии, сфокусированной на решении, одной из основоположниц которого является И. К. Берг [6], и разработанная на его основе Б. Фурманом, Т. Ахола методика беседы, направленной на решение [2, с. 11].

Для актуализации личностных процессов преобразования могут использоваться: психотехники направленной визуализации, запускающие регулируемую функцию образов представления [19, с. 309–327; 21], методики тренинга целеполагания и эмоциональной креативности [17] когнитивной и поведенческой психотерапии, логотерапии [16], нейролингвистического программирования. Основой для применения специальных методик и психотехник служат базовые методы консультирования: психодиагностическая и психотерапевтическая беседа, активное и эмпатическое слушание, активное наблюдение. В ходе консультативного взаимодействия может также использоваться метод информирования. Например, для дальнейшей самостоятельной работы клиенту сообщается важная информация о разнообразных факторах и механизмах саморегуляции, способствующих поддержанию и росту субъективного благополучия.

Принцип **краткосрочности и экономичности**, который уже нашел свое отражение в психотерапии, сфокусированной на решении [2, с. 16], подчеркивает стремление к поиску способов оказания помощи, требующих наименьших по затратам сил, ресурсов, времени клиента и консультанта.

Согласно методологическому принципу **позитивного взаимодействия** отношения между клиентом и консультантом в ППК стремятся к обретению таких качеств, как целенаправленность, конструктивность (способность вести к результату), креативность (способность пробуждать творческие, преобразовательные процессы), диалогичность, доверительность, способность вселять веру в развитие сил и ресурсов, готовность к сотрудничеству, взаимопониманию и принятию, конгруэнтности (подлинности своего «Я»), выражению внимания к содержанию проявляемых чувств, положительному подкреплению желаемых изменений. О. А. Леонтович в ряду других характеристик позитивного общения отметил его «настроенность на прогресс и развитие» [43, с. 13]. Целенаправленность консультативных отношений связана с созданием психологически благоприятных условий для конструирования клиентами важных, здоровых и положительно значимых целей в системе координат, которая способна обеспечить успешные способы их достижения. Диалогичность позитивного консультативного общения способна оптимизировать внутренний диалог клиента с самим собой и пробуждать процессы его творческого мышления, обеспечивающего нахождение, создание и обретение успешных способов решения трудных жизненных задач и достижения позитивных целей.

Заключение

В условиях быстро меняющегося мира и часто возникающих глобальных, локальных и индивидуальных кризисов возрастает роль адаптационных ресурсов психики и разработки технологий оказания быстрой и качественной профессионально-психологической помощи, способствующей усилению личностного потенциала, субъективного благополучия и оптимальному функционированию в ситуациях неопределенности и повышенной трудности, а также предупреждению длительных, тяжелых последствий дистрессов и возникновения серьезных личностных расстройств.

Реализации данных задач может служить новая разрабатываемая модель ППК, фокусирующая внимание на создании психологически благоприятных условий для преобразования

системы отношений человека к миру и к самому себе, оптимизации личностной продуктивности, пробуждения новых сил и способностей, обеспечивающих отыскание возможностей совладания с трудными ситуациями, построение и достижение значимых жизненных целей, соответствующих замыслу самоактуализации.

Исходными теоретико-методологическими основаниями для создания модели ППК являются идеи позитивного подхода в психотерапии о важности усиления акцента в работе на актуализации ресурсов человека для поиска решений, а не причин его проблем и научные открытия в области позитивной психологии, изучающей факторы оптимизации субъективного благополучия личности, составляющими которого выступают позитивные эмоции, вовлеченность в значимые виды деятельности, переживание жизненного смысла, осознаваемые достижения и позитивные отношения.

Важнейшим фундаментом для разработки концептуальных положений ППК являются методология системного и субъектного подходов в психологии, постмодернистский принцип взаимодополнительности знания, теория психологических отношений личности, экзистенциальная теория логотерапии, концепция значащих переживаний и типология жизненной направленности личности, достижения психологии регулирующей функции вторичного образа и наработки в области изучения эмоциональной креативности.

Основными методологическими принципами ППК являются принцип психологической позитивности, утверждающий особые свойства психической реальности и потенциальную способность человека быть субъектом своей жизни, выбирая и создавая лучшее из реально возможного на пути самоактуализации и реализации жизненного замысла, принцип психологического преобразования и психосинтеза, принципы субъектности, системности, дополнительности, развития и креативности, целенаправленности и ресурсности, экосензитивности и самотрансцендентности, ориентации на будущее клиента, личностной и феноменологической уникальности, психотехнической вариативности и пластичности, краткосрочности и экономичности и принцип позитивного взаимодействия. Совокупность данных методологических принципов определяет целевые, стратегические и технологические ориентиры для разработки теоретической и инструментально-практической модели ППК и служит признанию ее оригинального своеобразия, отличающего данную модель от других консультативных моделей и практик.

Список литературы

1. *Пеезишкян Н.* Психосоматика и позитивная психотерапия / пер. с нем. М. : Институт позитивной психотерапии, 2006. 464 с.
2. Краткосрочная позитивная психотерапия : в 2 ч. / предисл. и ред. Б. А. Бараша ; Ч. 1 : *Ахола Т., Фурман Б.* Терапия, фокусированная на решении / пер. с англ. Л. Б. Лариной ; Ч. 2 : *Ялов А. М.* Методическое пособие. СПб. : Речь, 2000. 220 с.
3. *Селигман М.* Новая позитивная психология : Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М. : София, 2006. 368 с.
4. *Леонтьев Д. А.* Позитивная психология – повестка дня нового столетия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 36–58.
5. *Кочюнас Р.* Основы психологического консультирования и групповой психотерапии : учебное пособие для вузов. 2-е изд., стер. М. : Академический проект : ОППЛ, 2003. 464 с.
6. *Berg I. K., Miller S. D.* Working with the problem drinker : A solution-focused approach. New York : Norton, 1992. 242 p.
7. *Seligman M.* Flourish : A visionary new understanding of happiness and well-being. New York : Free Press, 2011. 368 p.
8. *Аби-Хашем Н.* Резильентность и культура : междисциплинарный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 4. С. 586–603. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603>
9. *Жижина М. В.* Практикум по технологии формирования позитивного мышления (образовательная тренинговая программа «Оптимизм: искусство мыслить позитивно») : учебное пособие. Саратов : Издательский центр «Наука», 2019. 110 с.
10. *Эммонс Р.* Психология высших устремлений : мотивация и духовность личности. М. : Смысл, 2004. 416 с.
11. *Фролова С.В.* Сущностные характеристики и методика диагностики психологических типов любви // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 439–448. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-439-448>
12. *Розенова М. И.* Позитивная психология в контексте проблем формирования психологической готовности населения к экстремальным ситуациям // Психология обучения. 2018. № 5. С. 134–141.
13. *Мясищев В. Н.* Психология отношений. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 2003. 400 с.
14. *Позняков В. П.* Психологические отношения человека : современное состояние исследований и перспективы развития концепции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 2 (6). С. 6–30.
15. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии : избранные психологические труды. М. : Издательство Московского психолого-социального института ; Воронеж : НПО «МОДЕК», 2003. 424 с.
16. *Нельсон-Джоунс Р.* Теория и практика консультирования. СПб. : Питер, 2001. 464 с.
17. *Фролова С. В.* Апробация авторского теста и тренинга эмоциональной креативности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 471–477. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-4-471-477>
18. *Бассин Ф. В.* «Значащие» переживания и проблема собственно-психологической закономерности // Вопросы психологии. 1972. № 3. С. 105–124.
19. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М. : Институт психологии РАН, 2007. 512 с.
20. *Бендлер Р.* Руководство по изменению личности. М. : Эксмо, 2010. 208 с.
21. *Линде Н. Д.* Эмоционально-образная (аналитически-действенная) терапия : чувство – образ – анализ – действие. М. : Генезис, 2016. 384 с.
22. *Александров А. А.* Современное состояние патогенетической психотерапии // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2006. № 2. С. 8–16.
23. *Васильюк Ф. Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М. : Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
24. *Кулагина И. Ю., Коллюцкий В. Н.* Возрастная психология : Полный жизненный цикл развития человека : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М. : ТЦ «Сфера», 2001. 464 с.
25. *Франкл В.* Человек в поисках смысла : сборник / пер. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
26. *Гусельцева М. С.* Парадигмы в психологии : историко-методологический анализ // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / под ред. А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой, А. В. Юревич. М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С. 34–56.
27. *Проходка Дж., Норкросс Дж.* Системы психотерапии. Для консультантов, психотерапевтов и психологов. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 383 с.
28. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. 3 : П–Р. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.
29. *Абрамова Г. С.* Психологическое консультирование : Теория и опыт : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М. : Академия, 2001. 240 с.
30. *Степанов С. С.* Век психологии : имена и судьбы. М. : Эксмо, 2002. 592 с.
31. *Пономарев Я. А.* Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества : школа Я. А. Пономарева. М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2006. С. 145–283.
32. *Гулина М. А., Зинченко Ю. П.* Консультативная психология. СПб. : Питер, 2018. 336 с.

33. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М. : Издательство «Институт психологии РАН» ; СПб. : Алетейя, 2003. 272 с.
34. Абульханова К. А. Методологический принцип субъекта : исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. № 2. С. 5–18.
35. Фролова С. В. Социально-психологическая концепция приверженности личности стране : дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2020. 504 с.
36. Лейтц Г. Психодрама : теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено. М. : Прогресс, Универс, 1994. 352 с.
37. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 426 с.
38. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/>
39. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М. : Медицина, 1975. 448 с.
40. Ожиганова Г. В. Духовная личность. М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2020. 288 с.
41. Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
42. Спиноза Б. Этика. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. 336 с.
43. Леонтович О. А. Понятие позитивной коммуникации : конститутивные признаки и дихотомии // Леонтович О. А., Гуляева М. А., Лунева О. В., Соколова И. С. Позитивная коммуникация / ред. О. А. Леонтович. М. : Генезис, 2019. 296 с.
44. Psychological Counseling and Group Psychotherapy]. Moscow, Akademicheskii proekt, OPPL Publ., 2003. 464 p. (in Russian).
6. Berg I. K., Miller S. D. *Working with the Problem Drinker: A Solution-Focused Approach*. New York, Norton, 1992. 242 p.
7. Seligman M. *Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being*. New York, Free Press, 2011. 368 p.
8. Abi-Hashem N. Resiliency and Culture: An Interdisciplinary Approach. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020, vol. 17, no 4, pp. 586–603 (in Russian). <https://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603>
9. Zhizhina M.V. *Praktikum po tekhnologii formirovaniya pozitivnogo myshleniya (obrazovatel'naya treningovaya programma «Optimizm: iskusstvo myslit' pozitivno»): uchebnoe posobie* [Workshop on the technology of forming positive thinking (Educational Training Program “Optimism: The Art of Thinking Positively”): A tutorial]. Saratov, Izdatel'skiy tsentr “Nauka” Publ., 2019. 110 p. (in Russian).
10. Emmons R. *Psikhologiya vysshikh ustremleniy: motivatsiya i dukhovnost' lichnosti* [Psychology of Higher Aspirations: Motivation and Spirituality of the Individual]. Moscow, Smysl Publ., 2004. 416 p. (in Russian).
11. Frolova S. V. Essential characteristics and diagnostic technique of psychological types of love. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 439–448 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-439-448>
12. Rosenova M. I. Positive psychology in the context of problems of formation of psychological readiness of the population to extreme situations. *Psikhologiya obucheniya* [Psychology of Education], 2018, no. 5, pp. 134–141 (in Russian).
13. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnosheniy* [The Psychology of Relations]. Moscow, Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institute Publ., Voronezh, MODEK Publ., 2003. 400 p. (in Russian).
14. Poznyakov V. P. Psychological relations of a person: the present status of the research and prospects of the concept's development. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Sotsial'naya i Ekonomicheskaya Psikhologiya* [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2017, vol. 2, no. 2 (6), pp. 6–30 (in Russian).
15. Lomov B. F. *Sistemnost v psikhologii: Isbrannye psikhologicheskie trudy* [Systematicity in Psychology: Selected Psychological Works]. Moscow, Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institute Publ.; Voronezh, NPO “MODEK” Publ., 2003. 424 p. (in Russian).
16. Nel'son-Dzhouns R. *Teoriya i praktika konsul'tirovaniya* [Theory and Practice of Counseling]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 464 p. (in Russian).
17. Frolova S. V. Approbation of Original Test and Training of Emotional Creativity. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 471–477 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-4-471-477>

References

1. Pezeshkian N. *Psikhosomatika i pozitivnaya psikhoterapiya* [Psychosomatics and Positive Psychotherapy]. Transl. from German. Moscow, Institut pozitivnoy psikhoterapii Publ., 2006. 464 p. (in Russian).
2. *Kratkosrochnaya pozitivnaya psikhoterapiya: v 2 ch. Predisl. i red. B. A. Barasha. Ch. 1: Akhola T., Furman B. Terapiya, fokusirovannaya na reshenii. Per. s angl. L. B. Larinoy. Ch. 2: Yalov A. M. Metodicheskoye posobiye* [B. A. Barash, ed. Short-term Positive Psychotherapy: in 2 parts. Part 1: Ahola T., Furman B. Therapy Focused on the Solution. L. B. Larina, transl. from Engl. Part 2: Yalov A. M. Methodological Guide]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2000. 220 p. (in Russian).
3. Seligman M. *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyy vzglyad na schast'ye i smysl zhizni* [New Positive Psychology: A Scientific Look at Happiness and the Meaning of Life]. Moscow, Sofia Publ., 2006. 368 p. (in Russian).
4. Leontiev D. A. Positive Psychology: An Agenda for the New Century. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2012, vol. 9, no. 4, pp. 36–58 (in Russian).
5. Kochyunas R. *Osnovy psikhologicheskogo konsul'tirovaniya i gruppovoy psikhoterapii* [The Basics of

18. Bassin F. V. "Meaningful" experiences and the problem of psychological regularity. *Voprosy Psichologii*, 1972, no. 3, pp. 105–124 (in Russian).
19. Gostev A. A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza* [Psychology of Secondary Image]. Moscow, Institut psichologii RAN Publ., 2007. 512 p. (in Russian).
20. Bendler R. *Rukovodstvo po izmeneniyu lichnosti* [Guide to Personality Change]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 208 p. (in Russian).
21. Linde N. D. *Emotsional'no obraznaya (analiticheski deystvennaya) terapiya: chuvstvo – obraz – analiz – deystvie* [Emotionally Imaginative (Analytically Effective) Therapy: Feeling – Image – Analysis – Action]. Moscow, Genezis Publ., 2016. 384 p. (in Russian).
22. Aleksandrov A. A. Current status of pathogenic psychotherapy [The current state of pathogenetic psychotherapy]. *Vestnik psikiatrii i psichologii Chuvashii* [The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology], 2006, no. 2, pp. 8–16 (in Russian).
23. Vasilyuk F. E. *Psikhologiya perezivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy* [The Psychology of Experiencing. Analysis of Overcoming Critical Situations]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1984. 200 p. (in Russian).
24. Kulagina I. Yu., Kolyutskiy V. N. *Vozrastnaya psikhologiya: Polnyy zhiznennyi tsikl razvitiya cheloveka. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Developmental Psychology: The Complete Life Cycle of Human Development. Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, TTS "Sfera" Publ., 2001. 464 p. (in Russian).
25. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning: Collection. Transl. from English and German]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p. (in Russian).
26. Gusel'tseva M. S. Paradigms in psychology: Historical and methodological analysis. In: A. L. Zhuravlev, T. V. Kornilova, A. V. Yurevich, eds. *Paradigmy v psikhologii: nauchedcheskiy analiz* [Paradigms in Psychology: Scientific Analysis]. Moscow, Izdatel'stvo "Institut Psichologii RAN", 2012, pp. 34–56 (in Russian).
27. Prokhaska Dzh., Norkross Dzh. *Sistemy psikhoterapii. Dlya konsul'tantov, psikhoterapevtov i psikhologov* [Systems of Psychotherapy. For Counselors, Psychotherapists and Psychologists]. St. Petersburg, Praym-EVROZNAK Publ., 2007. 383 p. (in Russian).
28. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* Pod red. A. P. Evgen'yevoy. 4-e izd., ster. T. 3: P–R [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. A. P. Evgenieva, ed. 4th ed., erased. Vol. 3. P–R]. Moscow, Russkii yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. 750 p. (in Russian).
29. Abramova G. S. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: Teoriya i opyt* [Psychological Counseling: Theory and Experience]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 240 p. (in Russian).
30. Stepanov S. S. *Vek psichologii: imena i sud'by* [The Age of Psychology: Names and Fates]. Moscow, Eksmo Publ., 2002. 592 p. (in Russian).
31. Ponomarev Ya. A. Prospects for the Development of the Psychology of Creativity. In: *Psikhologiya tvorchestva: shkola Ya. A. Ponomareva* [Psychology of Creativity: The School of Ya. A. Ponomarev]. Moscow, Izdatel'stvo "Institut psichologii RAN", 2006, pp. 145–283 (in Russian).
32. Gulina M. A., Zinchenko Yu. P. *Konsul'tativnaya psikhologiya* [Counseling Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2018. 336 p. (in Russian).
33. Brushlinskiy A. V. *Psikhologiya sub'ekta* [Psychology of a Subject]. Moscow, Izdatel'stvo "Institut psichologii RAN", St. Petersburg, Aleteya Publ., 2003. 272 p. (in Russian).
34. Abul'khanova K. A. Methodological principle of a subject: study of person's life course. *Psikhologicheskij zhurnal*, 2014, no. 2, pp. 5–18 (in Russian).
35. Frolova S. V. *Socio-psychological Concept of the Person's Commitment to the Country*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Saratov, 2020. 504 p. (in Russian).
36. Leutz G. *Psychodrama. Theorie und Praxis. Das klassische Psychodrama nach J. L. Moreno*. Berlin, 1974. 368 p. (Russ. ed.: Leytts G. *Psikhodrama: teoriya i praktika. Klassicheskaya psikhodrama Ya. L. Moreno*. Transl. from German. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994. 352 p.).
37. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order from Chaos: A New Dialogue between Man and Nature]. Moscow, Progress Publ., 1986. 426 p. (in Russian).
38. Leontiev D. A. Autoregulation, resources and personality potential. *Siberian Journal of Psychology*, 2016, no. 62, pp. 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/>
39. Anokhin P. K. *Ocherki po fiziologii funktsional'nykh sistem* [Essays on the Physiology of Functional Systems]. Moscow, Meditsina Publ., 1975. 448 p. (in Russian).
40. Ozhiganova G. V. *Dukhovnaya lichnost'* [Spiritual Personality]. Moscow, Izdatel'stvo "Institut psichologii RAN", 2020. 288 p. (in Russian).
41. Leybnits G. V. *Sochineniya: v 4 t.* [Writings: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. Vol. 1. 636 p. (in Russian).
42. Spinoza B. *Etika* [Ethics]. Minsk, Kharvest Publ., Moscow, AST Publ., 2001. 336 p. (in Russian).
43. Leontovich O. A. The Concept of Positive Communication: Constitutive Features and Dichotomies. In: O. A. Leontovich, ed. *Pozitivnaya kommunikatsiya* [Positive Communication]. Moscow, Genezis Publ., 2019. 296 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 26.09.2021, после рецензирования 30.09.2021, принята к публикации 05.10.2021
 Received 26.09.2021, revised 30.09.2021, accepted 05.10.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 440–445

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 440–445

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-440-445>

Научная статья
УДК 159.9(091)

Первый саратовский профессор психологии А. А. Крогиус: к 150-летию ученого

А. Л. Южанинова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Южанинова Алла Леонидовна, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики, juzhaninova-alla@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4441-7911>

Аннотация. Статья посвящена 150-летию выдающегося ученого XX в. А. А. Крогиуса (1871–1933), стоявшего в начале 1900-х гг. у истоков российской экспериментальной психологии и педологии, основоположника отечественной тифлопсихологии. Психолог с европейским именем, Крогиус 12 лет (1919–1931) трудился в Саратовском университете, став первым профессором психологии в Саратове. В статье рассмотрен период деятельности успешного петербуржца Крогиуса в провинциальном Саратове в 1919 г., отражена специфика содержания его работы в Саратовском университете, дан анализ проявившихся на этом этапе жизни ученого расхождений между принципами формирующейся советской психологии и методологией исследований Крогиуса. На примере его судьбы, применяя биографический метод, а также психологический анализ документальных источников, газетных статей, писем, дневниковых записей, автор показал особенности развития в 1920–1930-е гг. как российской, так и региональной саратовской психологии, связанные с отказом от прежних научных традиций, сформировавшихся в отечественной психологии как части европейской и мировой науки, и процессом образования новой советской психологии, иногда сопряженным с разрушением конкретных судеб его участников.

Ключевые слова: профессор А. А. Крогиус, Саратовский университет, экспериментальная психология, педология, тифлопсихология, советская психология

Для цитирования: Южанинова А. Л. Первый саратовский профессор психологии А. А. Крогиус: к 150-летию ученого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 440–445. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-440-445>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The first Saratov professor of psychology A. A. Krogius: On the 150th anniversary of the scientist

A. L. Yuzhaninova

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Alla L. Yuzhaninova, juzhaninova-alla@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4441-7911>

Abstract. The article is devoted to the 150th anniversary of the outstanding scientist of the XX century A. A. Krogius (1871–1933), who was at the origin of Russian experimental psychology and pedology in the early 1900s, the founder of Russian typhlopsychology. Krogius was a European-famous psychologist and worked for 12 years (1919–1931) at the Saratov University, becoming the first professor of psychology in Saratov. The article considers the features of the appearance of a successful petersburgian Krogius in provincial Saratov in 1919, presents the specifics of his work at the Saratov University, analyzes the discrepancies that appeared in the Saratov period of the scientist's life between the principles of Soviet psychology that were being formed at that time and the methodology of Krogius' research. Using the example of his fate and the biographical method, as well as the psychological analysis of documentary sources, newspaper articles, letters, diary entries, the author showed the peculiarities of development in the 1920s and 1930s both Russian and regional Saratov psychology, associated with the rejection of the previous scientific traditions formed in domestic psychology as part of European and world science, and the process of formation of a new Soviet psychology, sometimes associated with the destruction of the specific destinies of its participants.

Keywords: professor A. A. Krogius, Saratov university, experimental psychology, pedology, typhlopsychology, soviet psychology

For citation: Yuzhaninova A. L. The first Saratov professor of psychology A. A. Krogius: On the 150th anniversary of the scientist. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 440–445 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-440-445>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Зарождение саратовской университетской психологической школы произошло в 1918 г., когда заведующий кафедрой философии, профессор Семен Людвигович Франк (28.01.1877–10.12.1950) впервые начал преподавание студентам университета курса психологии [1, с. 28] и возглавил в философско-психологическом направлении научную студенческую работу [2, с. 8]. С 1919 г. эту научно-преподавательскую эстафету принял экспериментальный психолог Август Адольфович Крогиус (18.03.1871–01.06.1933), который в мае 1919 г. был избран профессором, заведующим кафедрой философии Саратовского университета (с того времени стала называться кафедрой философии и психологии) [3]. Таким образом, в 1919 г. А. А. Крогиус становится первым саратовским профессором психологии.

Петербургский период жизни А. А. Крогиуса: творческий расцвет

Потомственный дворянин, выпускник медицинского факультета Юрьевского университета (1898), врач-психиатр А. А. Крогиус в 1909 г. защитил докторскую диссертацию по медицине в Петербургской военно-медицинской академии на тему «Процессы восприятия у слепых» [4]. В этой работе он проявил себя как высокопрофессиональный экспериментальный психолог, который еще студентом прошел соответствующую подготовку в психологической лаборатории Юрьевского университета под руководством профессора В. Ф. Чижа, а затем стажировался в психологической лаборатории В. Вундта в Лейпциге (1900–1901) [5, с. 86, 533].

К моменту службы в Саратовском университете у Крогиуса сложился богатейший опыт преподавания психологии в таких петербургских вузах, как Высшие курсы П. Ф. Лесгафта (1901–1919); Педагогическая академия Лиги образования (1907–1916, профессор); Психоневрологический институт В. М. Бехтерева (1907–1919, в 1918–1919 гг. – профессор); Петербургский университет (1912–1918, приват-доцент) [5, с. 533–534].

К 1919 г. 48-летний Крогиус был уже психологом с европейским именем, родоначальником отечественной тифлопсихологии, одним из основателей в начале 1900-х гг. российской экспериментальной психологии и педологии.

Знаком особого признания в России научных успехов А. А. Крогиуса стала публикация статьи о нем в 1916 г. в Новом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в которой наряду с фактами биографии ученого приводились данные о его достижениях:

«... Психолог... Редактировал русский отдел “Centralblatt für Psychologie”. Главные его труды: “Из душевного мира слепых” (СПб., 1908; первое систематическое экспериментально-психологическое исследование в этой области) и “Лекции по психофизиологии”. В статьях по общей и экспериментальной психологии он выступает противником физиологического и атомизирующего направления в психологии и отстаивает тесную связь психологии с философией» [6, стб. 433].

Петербургский период жизни Крогиуса (1901–1919) до 1917 г. был заслуженно успешным и благополучным. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. стали предвестниками окончания времени благоденствия.

Из переписки петербургских коллег Крогиуса Б. М. Эйхенбаума, жившего в Петрограде, и В. М. Жирмунского (профессор Саратовского университета, до 1917 г. – приват-доцент Петроградского университета, прибывший вместе с другими петербуржцами в 1917 г. в Саратов по приглашению С. Л. Франка), известно, что жизнь вузовских работников в городе на Неве после свержения царизма стала крайне тяжелой. Так, Эйхенбаум писал Жирмунскому из Петрограда: «Работы ужасно много... И все это – на фоне “перманентной” революции. С продовольствием стало хуже – хлеб ужасный и мало. Утром приходится убежать голодным... Плохо и в других отношениях – вода то и дело не идет, электричество утром не горит совсем... Керосина и свечей не достать» (25.10.1917); «А жизнь становится все сложнее... хлеба мы совсем не едим – весь приходится отдавать детям» (02.03.1918) [7, с. 294, 297–298].

Из-за тяжелой обстановки многие вузовские работники вынуждены были оставлять Петроград и трудиться в отдаленных от центра городах. Так, Жирмунский из Саратова написал Эйхенбауму 29.07.1918: «Думаю, что все мы покидаем Петербург на несколько лет. Я, лично за себя, думаю, что проживу довольно долго в Саратове, и рад тому, что это такой оживленный и интеллигентный город и что работа в университете за прошлый год прошла оживленно и необычно плодотворно» [7, с. 304].

В связи с голодом и разрухой Крогиус, в семье которого было трое детей, также решил покинуть Петроград. Известно, что тогда он конкурсировал в два университета – Саратовский и Томский [5, с. 381], но в итоге оказался в Саратове. Произошло это, вероятнее всего, так: сначала была предпринята попытка переезда в Томск, что следует из того, что в 1918 г. он был избран экстраординарным профессором Томского университета [8] по конкурсу, закончившемуся 28.04.1918 [7, с. 301].

Выбор Крогиусом Томска был явно не случаен: летом 1917 г. ординарным профессором Томского университета стал С. И. Гессен, коллега Крогиуса по кафедре философии Петроградского университета, который с 1917 по 1921 г. заведовал кафедрой педагогики историко-филологического факультета Томского университета [9]. Именно Гессен мог пригласить Крогиуса в 1918 г. для работы на своей кафедре.

Однако в июле 1918 г. прервалось взаимодействие центра России, подвластного большевикам, с Сибирью из-за свержения там власти Советов и переходом к правлению белых правительств. В этой связи положение Крогиуса летом 1918 г. было неопределенным: следовало выезжать из Петрограда к новому месту службы, но сделать это было невозможно. Эйхенбаум, конкурсировавший по протекции С. И. Гессена [7, с. 297] в Томский университет одновременно с Крогиусом [10, с. 22], писал Жирмунскому 05.08.1918 из Петрограда в Саратов: «... Все надеялся получить что-нибудь из Томска и выяснить свою судьбу. Теперь на это надежды никакой и, вероятно, надолго. Поступаю так, как будто Томская кафедра мне приснилась – начинаю устраиваться на зиму здесь. Думаю о зиме, конечно, с ужасом» [7, с. 304–305].

Так и Крогиусу пришлось отказаться от намерения переехать в Томск летом 1918 г. и «устраиваться на зиму» в Петрограде. Известно, что 1 октября 1918 г. Август Адольфович был избран профессором психологии ФОН Петроградского университета [8]. Несмотря на получение престижной должности (до 1917 г. это было бы подарком судьбы), в начале 1919 г. Крогиус предпринял еще одну попытку покинуть Петроград и она оказалась успешной: при поддержке С. Л. Франка в 1919 г. он перебрался в Саратов.

События саратовского периода жизни А. А. Крогиуса

В Саратове А. А. Крогиус трудился в нескольких учреждениях, однако основное содержание профессиональной деятельности составляла служба в университете. С 1919 по 1926 г. он был заведующим и профессором кафедры философии (психологии), а с 1926 по 1931 г. – заведующим и профессором кафедры педологии [5, с. 534].

В 1919/20 учебном году в обоих полугодиях Крогиус читал лекции по дисциплине «Психология» и вел курс с практическими занятиями «Введение в экспериментальную психологию», а также проводил семинарий по педагогике [1, с. 32].

На кафедре педологии в 1925/26 учебном году Крогиус преподавал дисциплины «Введение в педологию» и «Педология» [11, с. 52], в

1927/28 учебном году на всех шести отделениях педагогического факультета Август Адольфович для I курса читал лекции «Основы педологии», а для II курса – лекции «Возрастная педология» [12, с. 6–27].

За 12 лет работы в Саратовском университете (1919–1931) Крогиусом было опубликовано 16 научных работ [5, с. 540–542], посвященных тифлопсихологии, а также – психотехническим экспериментам в вузе. Главным же трудом саратовского периода стала монография о психологии слепых [13].

На X Конгрессе по экспериментальной психологии (1927 г., Бонн) Крогиус получил подтверждение европейского признания своих трудов в области тифлопсихологии. Августом Адольфовичем был сделан доклад «О психологии слепых», в отзыве о котором профессор Боннского университета Густав Штерринг отметил: «... Проф. Крогиус из Саратова в течение многих лет успешно работает в области экспериментальной психологии с очень большим успехом... Общество экспериментальной психологии выразило свою радость по поводу того, что видит этого исследователя в своей среде» [цит. по: 5, с. 506–507].

Однако в своем отечестве вместо одобрения Крогиус столкнулся с резким отвержением. Так, в 1926 г. в ежемесячном журнале критики и библиографии «Печать и революция» была опубликована рецензия доктора философии Марка Исаевича Байча (1884–1933) на монографию А. А. Крогиуса, подготовленную в 1926 г. [14]. В критической статье противопоставлялись две группы ученых – психологи-марксисты и психологи-эмпирики. Крогиус, по словам рецензента, известный в русской и немецкой литературе своими работами «по отдельным» проблемам психологии слепых, обнаружил сходство с группой психологов-эмпириков в том, что все его изыскания страдают такой же «ограниченностью кругозора и перспективы», а рецензируемой книге присущ характерный для этой группы ученых недостаток: изучение «слепого вообще», без учета социально-бытовой обстановки. Исследование Крогиуса, по мнению Байча, лишено характера целевой, практической установки, и поэтому роль книги для педагогики и педагога незначительна. Кроме того, Байч отметил, что ничего нового, по сравнению с прежними работами автора, в монографии нет, а психическая деятельность слепых представлена в ней не цельно-единой, а в «атомизированном» виде, т. е. расщепленной на отдельные элементы: восприятие, чувство, представление и т. д. А «за кулисами этой эмпирической действитель-

ности обыкновенно скрывается не упоминаемая автором “душа”». Из этого, писал рецензент, проистекает и бросающийся в глаза «эклектический налет» [14].

Критические замечания Байча не соответствовали действительности. Чтобы увидеть психолого-смысловое приращение в рецензируемой работе, достаточно сравнить лишь оглавления книг Крогиуса 1909 г. [15] и 1926 г. [13]: содержание первой монографии состояло из изучения процессов восприятия у слепых, а вторая была дополнена исследованиями памяти, мышления и характера незрячих, что и составило вместе с описанием процессов восприятия системное, а не атомизированное представление о психике слепых. Требование же философа-марксиста Байча о необходимости изучения поведения слепых без учета внутренней, психической составляющей привело бы к бихевиоральному подходу в тифлопсихологии. Однако не следует искать истины там, где ее не может быть: отдел критики журнала «Печать и Революция» выполнял установку ЦК РКП(б) на формирование изданием марксистско-ленинского мировоззрения у граждан [16]. Именно на страницах этого, одного из наиболее авторитетных в стране, журнала запечатлен процесс создания в 1920-е гг. новой советской культуры, отстранявшей людей от традиционных российских и мировых ценностей и формировавшей в их сознании новые марксистско-ленинские идеологемы и ценности [17, с. 85].

Зарождение и развитие марксистской психологии как части общего процесса создания новой советской культуры также шло путем устранения сложившихся в домарксистской российской психологии традиций, общих с традициями мировой психологии, и внедрения материалистического подхода в понимание природы психического. В этом идеологическом контексте в центральной печати философом-марксистом Байчем творчество А. А. Крогиуса как «психолога-эмпириста» было обозначено бесперспективным для формирующейся советской психологии.

В том же 1926 г. М. Байч подверг резкой критике «старую умозрительную дуалистическую психологию» «идеалиста» Г. И. Челпанова, подчеркнув, что научная работа над проблемами психологии при идеалистическом мышлении невозможна [18]. Таким образом, на советском марксистско-научном олимпе в 1926 г. была выражена немилость профессорам психологии «старой» формации – «эмпиристу» Крогиусу и «идеалисту» Г. И. Челпанову.

Отмеченное в центральной печати в 1926 г. научное несоответствие для советской психологии творчества профессора А. А. Крогиуса в 1930-е гг. стало означать и его политическую

неблагонадежность. Так, в служебной записке Сталину, составленной СО ОГПУ в 1932 г. в отношении антисоветской деятельности научной интеллигенции, имя Крогиуса находим присоединенным к «группе» Челпанова: «Школа Челпанова. Десять лет назад была самой мощной группировкой, чрезвычайно упорной в своих отрицательных позициях: антимарксизм, оберегание кастового характера чистой науки, принципиальное отрицательное отношение ко всем мероприятиям советской власти на культурном фронте... ее взгляды могут характеризоваться, как довольно беспринципный эклектизм с идеалистическим уклоном... Группа имеет постоянную связь с саратовским профессором Крогиусом, имеющим свою группировку ярко идеалистического и а/с направления» [19].

Научный и политический негатив, посылаемый от властей, подтолкнул профессора А. А. Крогиуса к решению покинуть Саратов, и осенью 1932 г. он уехал в Ленинград, оставив жену с детьми в Саратове. Эпидемия тифа в 1933 г. оборвала жизнь талантливого психолога. Саратовская психологическая школа за вековой период существования ученого такого масштаба в своем составе больше не имела.

Заключение

Несмотря на европейское признание научного вклада А. А. Крогиуса в психологию, в своем отечестве при советской власти в 1920–1930-е гг. сначала он был несправедливо очернен, а затем о нем перестали упоминать даже в списке персоналий психологических словарей. К сожалению, его имя зачастую отсутствует и в современной справочной литературе. 150-летие ученого служит хорошим поводом для нового прочтения его трудов и переосмысления российскими психологами значения научного творчества А. А. Крогиуса, вписавшего яркие страницы в историю как локальной саратовской, так и российской, и мировой психологии.

Список литературы

1. Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2005. Т. 5, вып. 1–2. С. 25–33.
2. Гапоненков А. А. С. Л. Франк в Саратовском университете // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2006. Т. 6, вып. 1–2. С. 4–9.
3. СГУ в годы революции и гражданской войны. URL: <https://www.sgu.ru/info/sgu-vchera-i-segodnya/sgu-v-gody-revolyucii-i-grazhdanskoj-voyny> (дата обращения: 14.07.2021).

4. Крогиус А. А. Процессы восприятия у слепых : дис. на степень д-ра медицины. СПб., 1909. 240 с.
5. Маслов К. С. В свете незримого : Жизнь и судьба А. А. Крогиуса. Таллин : Издательство Таллинского университета, 2014. 560 с.
6. Новый энциклопедический словарь : в 29 т. / под. общ. ред. К. К. Арсеньева. Петроград : Издание акционерного общества «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», 1916. Т. 23.
7. Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига : Зинатне, 1988. С. 256–329.
8. Крогиус Август Адольфович. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/770-krogius-avgust-adol-fovich.html> (дата обращения: 21.07.2021).
9. Гессен Сергей Иосифович (1887–1950). URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/756-gessen-sergey-iosifovich.html> (дата обращения: 18.07.2021).
10. Эйхенбаум Б.М. Дневник 1917–1918 гг. // De visu. 1993. № 1 (2). С. 11–27.
11. Саратовский Государственный имени Н. Г. Чернышевского Университет в 1925 году (краткие сведения о состоянии и работе). Приложение к V тому «Ученых Записок». Саратов : Сарполиграфпром, типо-литография № 9 (1), 1926. 58 с.
12. Обзорение преподавания на Педагогическом факультете Саратовского государственного, имени Н. Г. Чернышевского, Университета на 1927/28 уч. год. Саратов : Издание Саратовского государственного университета, 1927. 185 с.
13. Крогиус А. А. Психология слепых и ее значение для общей психологии и педагогики. Саратов, 1926. 144 с.
14. Байч М. Проф. А. А. Крогиус. Психология слепых и ее значение для общей психологии и педагогики // Печать и революция. 1926. Кн. 8. С. 174–175.
15. Крогиус А. А. Из душевного мира слепых. Ч. 1 : Процессы восприятия у слепых. СПб. : Сенатская типография, 1909. 231 с.
16. О критике и библиографии : Постановление секретариата ЦК РКП(б) от 13.03.1925 // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева. М. : МФД, 1999. С. 51–52.
17. Муляева А.Р. Взаимодействие литературной и газетной словесности в контексте эпохи 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 85–93.
18. Байч М. Г. Челпанов. Психология или рефлексология. (Спорные вопросы психологии.) // Печать и революция. 1926. Кн. 4. С. 174–175.
19. Краткий обзор СО ОГПУ антисоветской деятельности и группировок среди научной интеллигенции за 10 лет (не ранее 16 октября 1932 г.) : служебная переписка, Лубянка – Сталину // Центральный архив ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Д. 517. Л. 1–145.

References

1. Review of teaching at the faculty of history and philology of Saratov University in 1917–1920. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2005, vol. 5, iss. 1–2, pp. 25–33 (in Russian).
2. Gaponenkov A. A. S. L. Frank at the Saratov University. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2006, vol. 6, iss. 1–2, pp. 4–9 (in Russian).
3. *SGU v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voyny* (SSU during the Revolution and the Civil War). Available at: <https://www.sgu.ru/info/sgu-vchera-i-segodnya/sgu-v-gody-revolyuicii-i-grazhdanskoy-voyny> (accessed 14 July 2021) (in Russian).
4. Krogius A. A. Perception Processes in the Blind. Diss. Dr. Sci (Med.). St. Petersburg, 1909. 240 p. (in Russian).
5. Maslov K. S. *V svete nezrimogo: Zhizn i sudba A. A. Krogiusa* [In the Light of the Invisible: The Life and Fate of A. A. Krogius]. Tallin, Izdatelstvo Tallinskogo universiteta, 2014. 560 p. (in Russian).
6. *Novyy entsiklopedicheskiy slovar: v 29 t.* [K. K. Arsen'ev, total ed. The New Encyclopedic Dictionary: in 29 vols.]. Petrograd, Izdanie aktsionernogo obshchestva "Izdatelskoe delo byvshee Brokgauz-Efron", 1916. Vol. 23 (in Russian).
7. *Perepiska B. M. Eykhenbauma i V. M. Zhirmunskogo* [Letters between B. M. Eykhenbaum and V. M. Zhirmunsky]. In: *Tynyanovskiy sbornik: Treti Tynyanovskie chteniya* [Tynyanov Collection: The Third Tynyanov Readings]. Riga, Zinatne Publ., 1988, pp. 256–329 (in Russian).
8. Krogius Avgust Adolfovich. Available at: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/770-krogius-avgust-adolfovich.html> (accessed 21 July 2021) (in Russian).
9. Gessen Sergey Iosifovich (1887–1950). Available at: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/756-gessen-sergey-iosifovich.html> (accessed 18 July 2021) (in Russian).
10. Eykhenbaum B. M. Dnevnik 1917–1918 gg. [Diary of 1917–1918]. *De visu*, 1993, no. 1 (2), pp. 11–27 (in Russian).
11. *Saratovskiy Gosudarstvennyy imeni N.G. Chernyshevskogo Universitet v 1925 godu. (Kratkie svedeniya o sostoyanii i rabote). Prilozhenie k 5 tomu "Uchenykh Zapisok"* [Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky in 1925 (Brief Information about the Status and Operation). Appendix to the 5 volume of "Scientific Notes"]. Saratov, Sarpoligrafprom, tipolitografiya no. 9 (1), 1926. 57 p. (in Russian).
12. *Obzrenie prepodavaniya na Pedagogicheskom fakultete Saratovskogo gosudarstvennogo, imeni N. G. Chernyshevskogo, Universitete na 1927/28 uchebnyi god* [Review of Teaching at the Pedagogical Faculty of the Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky for the 1927/28 Academic Year]. Saratov, Izdanie Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1927. 185 p. (in Russian).
13. Krogius A. A. *Psikhologiya slepykh i ee znachenie dlya obshchey psikhologii i pedagogiki* [The Psychology of

- the Blind and its Significance for General Psychology and Pedagogy]. Saratov, 1926. 144 p. (in Russian).
14. Baych M. Professor A. A. Krogius. Psychology of the blind and its significance for general psychology and pedagogy. *Pechat i revolyutsiya* [The Press and the Revolution], 1926, book 8, pp. 174–175 (in Russian).
  15. Krogius A. A. *Iz dushevnogo mira slepykh. Ch. I: Protsessy vospriyatiya u slepykh* [From the Spiritual World of the Blind. Part 1. The Processes of Perception in the Blind.] St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1909. 231 p. (in Russian).
  16. *O kritike i bibliografii: Postanovlenie sekretariata TsK RKP(b) ot 13.03.1925* [About criticism and bibliography: Resolution of the secretariat of the Central Committee of the RCP (b) of March 13, 1925]. In: A. N. Yukovlev, ed. *Vlast i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b) – OGPU – NKVD o kul'turnoy politike. 1917–1953* [The government and the artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b)–VKP(b)–OGPU–NKVD on cultural policy. 1917–1953]. Moscow, MFD Publ., 1999, pp. 51–52 (in Russian).
  17. Mulyaeva A. R. Interaction of literary and newspaper literature in the context of the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 1, pp. 85–93 (in Russian).
  18. Baych M. G. Chelpanov. Psychology or reflexology. (Controversial issues of psychology.). *Pechat i revolyutsiya* [The Press and the Revolution], 1926, book 4, pp. 174–175 (in Russian).
  19. *Kratkiy obzor SO OGPU antisovetskoy deyatelnosti i gruppirovok sredi nauchnoy intelligentsii za 10 let (ne ranee 16 oktyabrya 1932 g.): sluzhebnyaya perepiska, Lubyanka – Stalinu* (A brief review by the OGPU of anti-Soviet activities and groups among the scientific intelligentsia for 10 years (not earlier than October 16, 1932): official correspondence, Lubyanka to Stalin). *Tsentral'nyy arkhiv FSB Rossii* [Central Archiv of FSB Russia]. F. 2. Op. 9. D. 517. L. 1–145 (in Russian).

Поступила в редакцию 08.09.2021, после рецензирования 10.09.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 08.09.2021, revised 10.09.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 446–450

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 446–450

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-446-450>

Научная статья

УДК 159.944

Особенности психологической устойчивости личности и проявления феномена эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы в условиях пандемии COVID-19

Е. И. Ярошенко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ярошенко Елена Игоревна, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии, yarosh667@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8394-3394>

Аннотация. Статья посвящена эмпирическому исследованию социально-психологических аспектов проблемы эмоционального выгорания личности и психологической устойчивости сотрудников пенитенциарных учреждений в условиях пандемии COVID-19. Актуальность изучения проблемы связана с тем, что возросли требования, предъявляемые к сотрудникам уголовно-исполнительной системы из-за распространения новой коронавирусной инфекции, и увеличилась нагрузка на персонал в связи с ужесточением санитарно-эпидемиологических требований к условиям труда. Раскрываются трудности, с которыми сталкиваются сотрудники пенитенциарной системы в профессиональной деятельности в условиях пандемии COVID-19. Цель настоящего эмпирического исследования – установить актуальный уровень эмоционального выгорания личности и эмоциональной устойчивости сотрудников пенитенциарной системы в условиях пандемии COVID-19. Представлены результаты исследования эмоциональных реакций сотрудников, показателей тревожности и уровня эмоционального выгорания личности. Установлено, что чем выше статус занимаемой должности сотрудниками пенитенциарной системы, тем больше значения симптомов эмоционального выгорания. Предложены рекомендации для психологической службы и начальствующего персонала уголовно-исполнительной системы с целью повышения показателей эмоциональной устойчивости пенитенциарных служащих.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, сотрудники пенитенциарной системы, психологическая (эмоциональная) устойчивость, пандемия COVID-19

Для цитирования: Ярошенко Е. И. Особенности психологической устойчивости личности и проявления феномена эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы в условиях пандемии COVID-19 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 446–450. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-446-450>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the psychological stability of the individual and the manifestation of the phenomenon of emotional burnout of employees of the penitentiary system in the context of the COVID-19 pandemic

E. I. Yaroshenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena I. Yaroshenko, yarosh667@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8394-3394>

Abstract. The article is devoted to an empirical study of the socio-psychological aspects of the problem of emotional burnout and psychological stability of employees of penitentiary institutions in the context of the COVID-19 pandemic. The relevance of studying the problem is due to the fact that the requirements for employees of the penal system have increased in connection with the spread of a new coronavirus infection and the workload on staff has increased due to the tightening of sanitary and epidemiological requirements for working conditions. The article reveals the difficulties faced by employees of the penitentiary system in their professional activities in the context of the COVID-19 pandemic. The purpose of this empirical study is to establish the current level of emotional burnout and emotional stability of employees of the penitentiary system in the context of the COVID-19 pandemic. The results of the study of the emotional reactions of employees, indicators of anxiety and the level of emotional burnout of the personality are presented. It was found that the higher the status of the position held by the employees of the penitentiary system is, the greater is the significance of

the symptoms of emotional burnout. Recommendations are offered for the psychological service and the commanding staff of the penal system in order to increase the indicators of the emotional stability of the penitentiary officers.

Keywords: burnout, prison staff, psychological (emotional) resilience, COVID-19 pandemic

For citation: Yaroshenko E. I. Features of the psychological stability of the individual and the manifestation of the phenomenon of emotional burnout of employees of the penitentiary system in the context of the COVID-19 pandemic. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 446–450 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-446-450>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Пенитенциарная система в настоящее время претерпевает значительные изменения. В результате распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 требования, предъявляемые к сотрудникам учреждений, значительно возросли и увеличилась нагрузка на персонал уголовно-исполнительной системы. Данный факт связан с повышением численности вновь поступивших осужденных в исправительные учреждения (в том числе и этаплируемых из других регионов России), с возлагаемыми запретами на свидания и встречи с родственниками, с переводом ряда исправительных учреждений на казарменный режим в связи с тем, что приоритетным направлением в деятельности уголовно-исправительных учреждений на сегодняшний день выступает обеспечение инфекционной безопасности [1]. Значительно повысился уровень эмоционального напряжения у сотрудников из-за введенных ограничений. В связи с этим в современной социальной ситуации актуальными представляются изучение особенностей психологической устойчивости личности и проявления феномена эмоционального выгорания пенитенциарных служащих в условиях пандемии COVID-19 и разработка соответствующих профилактических мер.

Теоретические основания исследования

В большинстве регионов произошло значительное повышение численности вновь прибывших осужденных этапами в результате закрытия ряда регионов и учреждений на карантин. Увеличение нагрузки в пенитенциарных учреждениях наблюдается в большей степени у следующих отделов и служб: у группы надзора и отдела безопасности, отдела воспитательной работы с осужденными, психологической лаборатории, отдела специального учета и отдела социальной защиты. Данные отделы непосредственно работают со спецконтингентом учреждения, и возросшая на них нагрузка в большей степени способствует развитию эмоционального напряжения и значительному расходу ресурсов организма [2].

Возросли показатели тревоги сотрудников за свое здоровье и здоровье близких. Средства массовой информации, а также введенный в ряде регионов пропускной режим передвижения по

городу способствуют повышению психоэмоционального напряжения среди всего населения. Для сотрудников пенитенциарной системы одним из главных факторов стресса выступает страх заразиться COVID-19. Необходимо отметить, что работники уголовно-исполнительной системы отнесены к структурам жизнеобеспечения страны и в период введенного в России режима самоизоляции продолжали нести службу [3]. У большинства сотрудников в указанный период возникли сложности в соблюдении баланса между личной жизнью и работой, что способствовало их большей физической и эмоциональной истощаемости.

Сотрудники, чьи родственники были переведены на удаленную работу [4] и находились дома, соблюдая режим самоизоляции, испытывали эмоциональное напряжение в связи с невозможностью совместного времяпрепровождения, а также в связи с опасениями за здоровье своих близких и риске заразить родных. Сотрудники, которые были переведены на казарменный режим, не имели возможности в течение длительного времени увидеть своих родных, а также сменить рабочую обстановку для полноценного отдыха.

Повышение эмоциональной нагрузки на персонал уголовно-исполнительной системы связано также с тем, что введенное казарменное положение в пенитенциарных учреждениях способствовало ухудшению отношений сотрудников с осужденными [5]. Негативные изменения во взаимоотношениях сотрудников и спецконтингента исправительного учреждения обусловлены введенными ограничениями и запретами. Так, приостановлено проведение судебных заседаний по вопросам условно-досрочного освобождения осужденных; запрещено проведение культурно-массовых мероприятий, введен запрет на свидания осужденных с родственниками и адвокатами, в том числе приостановлены краткосрочные свидания через стеклянные ограждения; ужесточен контроль за соблюдением правил внутреннего распорядка персоналом уголовно-исполнительной системы, сотрудниками в рамках усиления казарменного режима, активно изымаются у осужденных неформальные способы связи (мобильные телефоны). Данные факторы оказали существенное влияние на психоэмоциональное

состояние персонала пенитенциарной системы. В связи с этим исследование психологических особенностей проявления эмоционального выгорания у сотрудников в период пандемии коронавирусной инфекции, на наш взгляд, требует более тщательного изучения с целью предотвращения негативных последствий для исправительных учреждений и психологического здоровья личности сотрудника.

Цель настоящего эмпирического исследования – установить актуальный уровень эмоционального выгорания личности и эмоциональной устойчивости сотрудников пенитенциарной системы в условиях пандемии COVID-19.

Дизайн эмпирического исследования

Эмпирический базис исследования составили сотрудники отдела специального учета, группы надзора и отдела безопасности ($N = 81$) ФКУ ИК-2 УФСИН России по Саратовской области. Возраст испытуемых: от 20 до 38 лет. С целью установления актуального уровня эмоционального выгорания у пенитенциарных служащих нами использовались стандартизированные психодиагностические методики: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко; опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» К. Маслач и С. Джексона (в адаптации Н. Водопяновой, Е. Старченковой). В диагностический блок вошли также следующие методики: «Самооценка эмоциональных состояний» А. Уэссман и Д. Рикса; методика диагностики типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды В. В. Бойко; методика диагностики уровня личной тревожности Спилбергер-Ханина (STAI). Подсчет эмпирических данных производился с использованием пакета программного обеспечения IBM SPSS Statistics ver. 22.

Полученные результаты и их анализ

Анализ полученных эмпирических данных позволил установить, что у 65% сотрудников выявлен сниженный показатель эмоционального состояния (ср. знач. = 11,6 балла). Наиболее низкий балл установлен по шкале «Энергичность–усталость» (ср. знач. = 3,3 балла). Сотрудники отмечают, что в последнее время они стали реже проявлять инициативу в работе, ощущают снижение ресурсов энергии. К тому же служащие пенитенциарной системы фиксируют ограничение своих способностей и проявление в профессиональной деятельности нерешительности. Установленный результат отражает затруднения у большинства сотрудников точного выполнения профессиональной деятельности в психологи-

чески сложных условиях. У большинства испытуемых выявлен высокий уровень ситуативной (92% опрошенных) и личностной тревожности (100% опрошенных).

Полученные результаты позволили сделать вывод о степени сформированности фаз эмоционального выгорания и проявления симптомов у служащих пенитенциарной системы. Так, в синдроме в стадии формирования находится фаза «Резистенция» (ср. знач. = 43,01). Складывающимися симптомами являются: «Эмоционально-нравственная дезориентация» (ср. знач. = 11,54), «Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование» (ср. знач. = 12,17); «Редукция профессиональных обязанностей» (ср. знач. = 10,98), – в фазе «Резистенция», а также симптом «Эмоциональная отстраненность» (ср. знач. = 11,67) – в фазе «Истощение».

Проведенный статистический анализ данных с применением коэффициента корреляции Спирмена позволил установить связь симптома эмоционального выгорания «Редукция профессиональных обязанностей» со шкалой «Энергичность–усталость» ($r = -0,284$; $p = 0,010$) и стажем работы ($r = 0,280$; $p = 0,011$), возрастом сотрудников ($r = 0,252$; $p = 0,024$), а также статусом занимаемой должности ($r = 0,262$; $p = 0,018$).

Прямая связь установлена между стажем работы и симптомом эмоционального выгорания «Личностная отстраненность (деперсонализация)» ($r = 0,251$; $p = 0,024$).

Результаты эмпирического исследования дали возможность выявить зависимость проявления феномена эмоционального выгорания от статуса занимаемой должности сотрудников. Так, при возрастании должностных полномочий у сотрудников уголовно-исполнительной системы происходит увеличение показателей проявления симптомов эмоционального выгорания «Редукция профессиональных обязанностей» ($r = 0,262$; $p = 0,018$), «Переживание психотравмирующих обстоятельств» ($r = 0,248$; $p = 0,025$) и «Психосоматические и психовегетативные нарушения» ($r = 0,284$; $p = 0,010$). Полученные результаты исследования имеют практическую значимость для разработки своевременных психопрофилактических мер синдрома эмоционального выгорания личности и предоставления практических рекомендаций сотрудникам психологической службы и начальствующему персоналу уголовно-исполнительной системы.

Заключение

Данные эмпирического исследования позволяют проследить зависимость степени формирования синдрома эмоционального выгорания

пенитенциарных служащих от индивидуально-психологических особенностей личности и их профессионального опыта. Результаты, полученные в ходе проведения эмпирического исследования, свидетельствуют о высоком уровне напряжения сотрудников пенитенциарной системы, связанном с современной социальной ситуацией. Негативный эмоциональный опыт сотрудников нарастает и создает беспокойство, выражающееся в тревожном поведении. Проявление тревоги служит в первую очередь препятствием для профессиональной деятельности сотрудника и эффективного исполнения им своих служебных обязанностей. Эмоциональная устойчивость личности выступает одним из важных показателей психологической готовности личного состава уголовно-исполнительной системы к несению службы. Данный феномен выражается в способности сохранять благоприятное для профессиональной деятельности психологическое состояние и поддерживать его в экстремальных, стрессовых ситуациях [6]; в готовности сотрудника к решительным действиям в психологически сложных условиях; в устойчивости к психологическому давлению со стороны третьих лиц, стремящихся повлиять на достижение целей; в способности контролировать себя в психически напряженных, конфликтных и провокационных ситуациях [7].

Рекомендации для сотрудников психологической службы и начальствующего персонала уголовно-исполнительной системы

С целью повышения показателей эмоциональной устойчивости личного состава пенитенциарной системы рекомендовано: а) осуществлять ежедневный мониторинг актуального психоэмоционального состояния сотрудниками психологической службы; б) проводить тренинговые занятия, направленные на стабилизацию эмоционального состояния сотрудников исправительного учреждения, а также спецконтингента осужденных; в) внести в служебный график обязательное посещение комнаты психологической разгрузки с возможностью отдыха в рабочее время и общения с родственниками с использованием сети Интернет и доступа к различным мессенджерам.

Своевременная диагностика и применение профилактических мер позволят повысить эффективность профессиональной деятельности и снизить риск текучести кадров в связи с возросшей психологической и физической нагрузкой на персонал уголовно-исполнительной системы.

Список литературы

1. *Теохаров А. К., Батболд Г.* Правовые основы обеспечения инфекционной безопасности в исправительных учреждениях (на примере России и Монголии) // Сибирское юридическое обозрение. 2017. Т. 14, № 3. С. 288–294.
2. *Мещереякова А. В., Пахомова Е. А.* Эмоциональное выгорание и смысложизненные представления у сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Universum* : психология и образование. 2018. № 9 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-i-smyslozhiznennye-predstavleniya-u-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (дата обращения: 17.08.2021).
3. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025> (дата обращения: 17.08.2021).
4. *Романова Н. М., Ярошенко Е. И., Киселев К. А.* Социально-психологическая проблема организационного стресса в условиях перевода сотрудников на удаленную занятость в период пандемии COVID-19 // Профессор С. М. Жакыповтың 70 жылдығына арналған «Отандық және әлемдік психологияның жағдайы мен даму перспективалары» атты халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары. Алматы : Қазақ университеті, 2020. С. 332–334.
5. *Вахрушева Д., Барышникова А., Вдовенко И., Любимарская Н., Мирошниченко И., Рудь Д.* Положение уязвимых групп в период распространения инфекции COVID-19 : потребности и меры поддержки. М. : ЦПУР ; Общероссийский гражданский форум, 2020. 115 с.
6. *Катунин А. П.* Стрессоустойчивость как психологический феномен // Молодой ученый. 2012. № 9 (44). С. 243–246.
7. *Соловьев М. Н.* Психологическая устойчивость личности как «инструмент» от стресса // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 2 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-ustoychivost-lichnosti-kak-instrument-ot-stressa> (дата обращения: 14.08.2021).

References

1. *Teoharov A. K., Batbold G.* Legal bases for ensuring infectious safety in correctional institutions (on the example of Russia and Mongolia). *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* [Siberian Legal Review], 2017, vol. 14, no. 3, pp. 288–294 (in Russian).
2. *Meshcheryakova A. V., Pahomova E. A.* Emotional burnout and life-meaning ideas among employees of the penal system. *Universum: psichologiya i obrazovanie* [Universum: Psychology and Education], 2018, no. 9 (51). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

emotsionalnoe-vygoranie-i-smyslozhnennye-predstavleniya-u-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy (accessed 17 August 2021) (in Russian).

3. *O merakh po obespecheniju sanitarno-jepidemiologicheskogo blagopoluchija naselenija na territorii Rossiyskoy Federacii v svyazi s rasprostraneniem novoy koronavirusnoy infekcii (COVID-19): ukaz Prezidenta RF ot 02.04.2020 № 239* [On measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population on the territory of the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19): Decree of the President of the Russian Federation of 02.04.2020 No. 239]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025> (accessed 17 August 2021) (in Russian).
4. Romanova N. M., Yaroshenko E. I., Kiselev K. A. *Socialno-psihologicheskaya problema organizatsionnogo stressa v usloviyah perevoda sotrudnikov na udalennuyu zanyatost v period pandemii COVID-19* [Socio-psychological problem of organizational stress in the context of the transfer of employees to remote work during the COVID-19 pandemic]. Professor S. M. Zhakupovtun. Materials of the international scientific-methodical conference “Status and prospects of development of domestic and world psychology” dedicated to the 70th anniversary of Dzhakupov. Almaty, Kazakh University, 2020, pp. 332–334 (in Russian).
5. Vakhrusheva D., Baryshnikova A., Vdovenko I., Lyubinskaya N., Miroshnichenko I., Rud’ D. *Polozhenie uязvimykh grupp v period rasprostraneniya infektsii COVID-19: potrebnosti i mery podderzhki* [The Situation of Vulnerable Groups During the Spread of COVID-19 Infection: Needs and Support Measures]. Moscow, TsPUR; Obshcherossiiskiy grazhdanskiy forum Publ., 2020. 115 p. (in Russian).
6. Katunin A. P. Resistance to stress as a psychological phenomenon. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2012, no. 9 (44), pp. 243–246 (in Russian).
7. Solov’ev M. N. Psychological stability of the personality as a “tool” against stress. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kurgan State University], 2019, no. 2 (53). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-ustoychivostlichnosti-kak-instrument-ot-stressa> (accessed 14 August 2021) (in Russian).

Поступила в редакцию 27.08.2021, после рецензирования 09.09.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 27.08.2021, revised 09.09.2021, accepted 13.09.2021

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 451–455

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 451–455

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-451-455>

Научная статья
УДК 378.046.2

Анализ подходов оценки качества результатов подготовки студентов в системе профессионального образования за рубежом

Р. Р. Закиева

Казанский государственный энергетический университет, Россия, 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51

Закиева Рафина Рафкатовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Промышленная электроника и светотехника», rafina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9513-7672>

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка систематизировать существующие подходы к оценке качества результата подготовки студентов технических вузов в разных странах мира; выделены общие черты оценки качества результата обучения студентов, свойственные всей системе высшего образования Европы и США; отмечены отличительные особенности оценки качества результата обучения студентов технических вузов зарубежных стран. Актуальность исследования определяется спецификой организации и тенденциями развития оценки качества результатов подготовки студентов, которая является одним из самых важных аспектов управления развитием системы высшего образования. Следовательно, выбор методов ее реализации непосредственно влияет на все стороны деятельности вузов и во многом определяет качество образовательных услуг. Цель статьи заключается в изучении и анализе существующих подходов оценки качества результата подготовки студентов технических вузов за рубежом. Представленные результаты и выводы исследования дают возможность сформулировать рекомендации по проведению оценки качества подготовки студентов в системе профессионального образования в России; способствовать созданию единой системы оценки качества высшего образования, направленной на повышение престижа российского высшего образования и его интеграции в международное научно-образовательное пространство.

Ключевые слова: качество образования, результаты обучения, сравнительно-сопоставительный анализ, оценка качества образования

Для цитирования: Закиева Р. Р. Анализ подходов оценки качества результатов подготовки студентов в системе профессионального образования за рубежом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 451–455. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-451-455>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

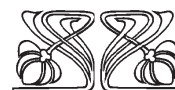
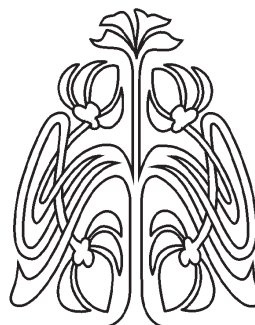
Article

Analysis of approaches to assessing the quality of the results of student training in the system of vocational education abroad

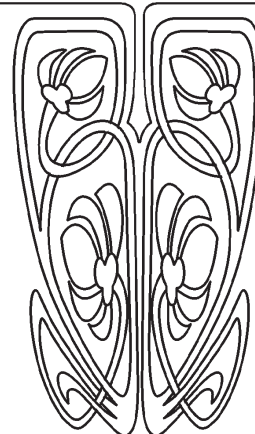
R. R. Zakieva

Kazan State Power Engineering University, 51 Krasnoselskaya St., Kazan 420066, Russia

Rafina R. Zakieva, rafina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9513-7672>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. In this article an attempt to systematize the existing approaches to the assessment of quality of training students of technical universities in various countries is made; features of the assessment result of students' learning common for the whole system of higher education in Europe and the United States are identified; differences in the quality assessment result of training technical university students in foreign countries are also discussed. The relevance of the research is determined by the features of the organization and trends in the development of quality assessment of student training results, which is one of the most important aspects of managing the development of the higher education system. The choice of methods for its implementation directly affects all aspects of university activities in general, and largely determines the quality of educational services. The purpose of the article is to study and analyze existing approaches to assessing the quality of training results of technical university students abroad. It is established that the assessment of the quality of students' training results in Russia requires transformation of our mentality in determining the content of education. The presented results and conclusions of the study make it possible to formulate recommendations for assessing the quality of student training results in the system of professional education in Russia and promote the creation of a unified system for assessing the quality of higher education, which contributes to increasing the prestige of Russian higher education and its integration into the international scientific and educational space.

Keywords: quality of education, learning outcomes, comparative analysis, assessment of the quality of education

For citation: Zakieva R. R. Analysis of approaches to assessing the quality of the results of student training in the system of vocational education abroad. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 451–455 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-451-455>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Возрастание роли и значения человеческого ресурса для эффективной работы организации определяет актуальность проблемы качества образования.

Создание системы оценки качества в вузе сталкивается с рядом трудностей, связанных со спецификой организации его деятельности. Во-первых, многоуровневая организационная структура со сложными взаимосвязями; во-вторых, несколько групп потребителей образовательных услуг; в-третьих, трудоемкость и многогранность образовательного процесса [1].

Анализ оценки качества результатов подготовки студентов в системе профессионального образования, по нашему мнению, всегда связан с выбором метода, который является наиболее объективным по отношению к конкретной области. Вузы предоставляют различные системы гарантий, в основе которых лежат образовательные программы, соответствующие профессиональным стандартам, рациональное использование материальных ресурсов, материально-техническое обеспечение, трудоустройство выпускников, внедрение четкой структуры управления, укомплектование библиотечного фонда и т.д. Все эти элементы являются условиями обеспечения качества высшего образования. Они позволяют не только повысить качество предоставляемых образовательных услуг, но и обеспечить развитие высшего учебного заведения в целом.

В России на сегодняшний день существуют следующие виды контроля результатов обучения в вузе: предварительный (входной), текущий, промежуточный и итоговый.

Общей тенденцией всех систем оценки стала их ориентация на компетентностный подход, т. е. переход к оценке результата обучения, представленный совокупностью компетенций.

От контролирующего органа требуется произвести оценку степени освоения компетенций, соответствующих утвержденным направлениям подготовки студентов технических вузов. Каждая компетенция, освоенная студентом, формируется посредством освоения нескольких дисциплин. Поэтому степень освоения компетенции можно установить лишь на итоговой аттестации, когда оценивается степень сформированности студента как специалиста по определенному техническому направлению.

Промежуточный контроль способен выявить степень освоения только той доли компетенции, которую преподаватель по той или иной учебной дисциплине должен привить. В связи с этим подходы при создании и рекомендации методов, применяемых при разных видах контроля, должны отличаться друг от друга в зависимости от учебной дисциплины. По нашему мнению, в данной ситуации правильным является изучение опыта решения этого вопроса в европейских странах.

В немецких университетах оценка качества результатов обучения студентов технических вузов проходит в виде экзаменов, письменных (домашних) работ и презентаций. Промежуточный контроль осуществляется в форме тестирования, при этом принимается во внимание активность студентов на занятиях. На получение степени бакалавра или магистра в немецких вузах сдается государственный экзамен Staatsexamen, который организуется и принимается специальными государственными учреждениями Prüfungsamt. Процедура, структура и проведение данного вида контроля значительно отличаются от экзаменов европейского стандарта.

Никто не опекает студентов в Австрии, они формируют аудиторную нагрузку самостоятельно-

но, на лекциях дается только основа, базовые знания, все остальное – самостоятельная работа. Основной формой контроля знаний является экзамен в тестовой или устной форме. Несомненное преимущество австрийских университетов – полная компьютеризация учебного процесса. Консультации и экзамены, рассылки и индивидуальные задания – все это осуществляется с помощью личного кабинета студента [2].

Во Франции мониторинг знаний может принимать разные формы по усмотрению преподавателя. Это может быть серия тестов, письменное домашнее задание, устная презентация, но чаще всего – контрольная работа, выполняемая в аудитории и являющаяся прототипом будущего экзамена. Экзамен чаще всего представляет собой сочетание теоретических вопросов по пройденным лекциям и практическим занятиям [3].

Экзамены в Англии проводятся либо в форме тестов, либо в форме подробных письменных ответов на экзаменационные вопросы. Все студенты получают распечатку с пятью или шестью вопросами, одинаковыми для всех. «Вес» каждого вопроса 25–30 баллов. Студент должен выбрать три или четыре вопроса из списка, чтобы общее количество баллов было близко к 100. Но для того чтобы студенты технических университетов получили высокую оценку, недостаточно просто изучить материал лекции (такая стратегия позволит набрать не более 40 или 50 баллов, самый низкий проходной балл), успешный студент должен показать, что владеет материалом по данной теме и знает, как с ним работать [4].

Итак, можно выделить следующие общие черты оценки качества результата обучения студентов, свойственные всей системе высшего образования Европы:

1. Был провозглашен принцип «академической свободы», т. е. нет жесткой системы обучения в общем обязательном порядке, нет фиксированного расписания занятий. Студент университета не посещает занятия со своими сокурсниками, но в соответствии с выбранной специальностью и ее учебным планом разрабатывает свой учебный план и организует свое время для удовлетворения общих требований по этой специальности (которые довольно высоки) [5].

2. При оценке качества результата обучения в высших учебных заведениях отсутствует понятие «вариант работы», каждый студент в группе получает лист с теми же задачами, что и его сокурсник. В конце аттестации преподаватель обычно объявляет место и время проверки работ, куда любой человек может прийти и понаблюдать за точностью оценки работ [6].

3. Каждый предмет имеет количество кредитов, которые считаются недельно. Чтобы студент считался обучающимся на очной форме обучения, ему необходимо иметь как минимум 12 кредитов за каждый семестр, иначе статус очника меняется на заочника. Срок обучения для студентов технических вузов составляет не более 6 лет для получения степени бакалавра (включая предыдущее обучение в колледже, если таковое было). По истечении этого срока, если студент не защитился, все «классы» будут аннулированы (за исключением наличия уважительной причины) [7].

В системе оценки качества результата обучения студентов технических вузов США имеются следующие отличительные особенности:

1. Все учебные предметы (классы) делятся на две группы: основные (связанные с профессией) и второстепенные. Основные занятия в свою очередь подразделяются на три подгруппы – подготовительные, специализированные и специальные. Все экзамены письменные, обязательно присутствует практическое задание, тесты проходят только в самом начале обучения. Обычно тест содержит 3–4 задания, уровень сложности нарастает от простого к сложному, последнее задание имеет повышенную сложность. После экзамена проводится детальная экспертиза экзамена и решение всех задач вместе с преподавателем [8].

2. В системе высшего образования США нет понятия «экзаменационная сессия». Занятия там непрерывные, возможно обучение летом, сдача экзаменов также разрешена. В течение семестра студенты должны запланировать сдачу трех экзаменов (каждый из них оценивается в 15% от общей оценки). Эти экзамены охватывают изучение определенной части материала по предмету в течение месяца [9]. В конце семестра проходит так называемая «последняя неделя», после этого через полторы-две недели начинаются выпускные экзамены. Выпускной экзамен является результатом изучения предмета в течение всего семестра. Как правило, он оценивается в 30% от общего балла. Кроме того, учитывается выполнение домашнего задания (10% от общей оценки) и выполнение теста составляет оставшиеся 15%.

3. В конце обучения студент технического университета должен сдать государственный экзамен под названием «Основы инженерного дела», который стоит около 200 долл. США, длится 8 ч и охватывает большое количество тем, связанных с профессией, а также включает вопросы общего и специализированного характера. Выпускной экзамен может сдать любой, кто получил необходимое количество кредитов. Этот вид контроля проводится два раза в год [9].

4. Входной оценкой качества образования является прохождение предвуниверситетской программы, курсов либо практикумов по определенной специальности, которые длятся от 1 года до 2 лет. Пройти эту программу нужно обязательно, это своего рода диплом, без которого не принимают в университеты.

Если же сравнить систему образования России и зарубежья, то можно наблюдать четкое отличие – цель обучения. По нашему мнению, система образования в России основывается на теоретической базе, т. е. главная задача – знания [10]. В российских вузах студенты получают минимальный опыт работы по своей будущей специальности. Студентов не учат применять полученные знания на практике. За рубежом основная цель обучения – получение практических навыков, второе отличие – профильность обучения. В российских высших учебных заведениях преподают большое количество дисциплин, не связанных с будущей специальностью (профессией). За рубежом основное внимание уделяется профильным и смежным предметам. Третье отличие – стиль общения преподавателей и обучающихся. В зарубежных странах преподаватель для студентов является наставником, помощником. Это способствует воспитанию у личности уверенности в себе, развивает самостоятельность будущих специалистов. В России же принято придерживаться авторитарного стиля.

Основным достоинством высшего образования в России является, на наш взгляд, его доступность. Главное преимущество диплома иностранного вуза – это статус и престиж.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что оценка качества результатов обучения в России требует трансформации нашего менталитета в определении содержания образования [11]. Это даст возможность сформулировать рекомендации по проведению оценки качества результатов подготовки студентов в системе профессионального образования. Например, формирование программ и технологий обучения должно осуществляться не так, как может и хочет преподаватель и кафедра, а так, как этого требуют будущая профессия и возможности студента; процедуры оценки следует ориентировать на результаты обучения, а не на условия; все преподаватели и комиссии, участвующие в оценке качества образования, должны быть осведомлены о своих конкретных, четко определенных обязанностях и действовать в соответствии с ними; используемые критерии оценки должны соответствовать предполагаемым результатам обучения и быть доступными для всех преподавателей и студентов; всех сотрудников, участвующих

в реализации программы или ее компонентов, необходимо вовлекать в разработку и реализацию целостной оценочной стратегии.

Список литературы

1. *Армашова-Тельник Г. С.* Многоаспектность проблематики высшего учебного заведения в контексте формирования системы менеджмента качества // Управление качеством в современном вузе : труды X Международной научно-практической конференции (30–31 октября 2012 г.). СПб. : Издательство МБИ, 2012. Вып. 10. С. 17–19.
2. Система европейского образования // Education in Vienna. 2020. URL: <https://edu-vienna.com/news/obrazovanie-v-evrope/sistema-evropejskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 05.05.2020).
3. *Халонина А. А.* Тонкости учебы во французском вузе // Abroadz. 2018. URL: https://abroadz.com/articles/Tonkosti_uchebi_vo_frantsuzskom_vuze/ (дата обращения: 05.05.2020).
4. *Мотова Г. Н.* Результаты обучения и оценка качества результата – по-европейски // Аккредитация в образовании. 2012. № 3 (55). С. 8–11.
5. Система образования в Германии // Rector. 2020. URL: <http://www.rector.ru/default.aspx?did=290> (дата обращения: 05.05.2020).
6. *Мотылева Э. В.* Отзывы об образовании во Франции студентов французских университетов // Academ France. 2020. URL: <https://academfrance.com/reviews/higher-education/review-4.html> (дата обращения: 05.05.2020).
7. *Чикина Е. Е.* Актуальные вопросы изучения иностранных языков : лингвистический, методический, культурологический аспекты // Сборник материалов научно-практической конференции студентов факультета иностранных языков в рамках Дней науки студентов ВлГУ-2015 (г. Владимир, 25 марта – 10 апреля 2015 г.). Владимир : Издательство ВлГУ, 2015. Вып. 2. С. 88–108.
8. Как организовано обучение в американских вузах // Mechanismone. 2019. URL: <https://bigpicture.ru/?p=536056> (дата обращения: 05.05.2020).
9. Как проходит процесс обучения в американском вузе // LiveJournal. 2019. URL: <https://slavikap-2.livejournal.com/1513519.html> (дата обращения: 05.05.2020).
10. *Сухорукова Д. В.* Оценка качества высшего образования : традиционные подходы и международные рейтинговые системы // Высшее образование сегодня. 2018. № 9. С. 49–53.
11. *Чекмарев В. В.* Пассионарная рапсодия // Экономика образования. 2013. № 1. С. 8–15.

References

1. Armashova-Telnik G. S. Multiaspect issues of higher education institutions in the context of the formation of a quality management system. *Upravlenie kachestvom*

- v sovremennom vuze: Trudy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Quality Management in a modern University: Proceedings of the X International scientific and practical conference]. St. Petersburg, Izdatel'stvo MBI, 2012, iss. 10, pp. 17–19 (in Russian).
2. Sistema evropeyskogo obrazovaniya (The System of European Education). *Education in Vienna*, 2020. Available at: <https://edu-vienna.com/news/obrazovanie-v-evrope/sistema-evropejskogo-obrazovaniya> (accessed 5 May 2020) (in Russian).
  3. Halonina A. A. Tonkosti ucheby vo frantsuzskom vuze (Subtleties of Studying in a French University). *Abroadz*, 2018. Available at: https://abroadz.com/articles/Tonkosti_uchebi_vo_frantsuzskom_vuze/ (accessed 5 May 2020) (in Russian).
  4. Motova G. N. Training results and assessment of the quality of the result – in European University. *Akkreditatsiya v obrazovanii* [Accreditation in Education], 2012, no. 3 (55), pp. 8–11 (in Russian).
  5. Sistema obrazovaniya v Germanii (Education System in Germany). *Rector*, 2018. Available at: <http://www.rector.ru/default.aspx?did=290> (accessed 5 May 2020) (in Russian).
  6. Motyleva E. V. Reviews of French University students education in France. *Academ France*, 2020. Available at: <https://academfrance.com/reviews/higher-education/review-4.html> (accessed 5 May 2020) (in Russian).
  7. Chikina E. E. Topical Issues of Foreign Language Learning: Linguistic, Methodological, Cultural Aspects. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov fakul'teta inostrannykh yazykov v ramkakh Dney nauki studentov VIGU-2015 (g. Vladimir, 25 marta – 10 aprelya 2015 g.)*. [Collection of Articles. Proceedings of the Scientific and Practical conference of students of the Faculty of Foreign Languages within the framework of the Days of Science of students of VIGU-2015 (Vladimir, March 25 – April 10, 2015)]. Vladimir, Izdatel'stvo VIGU, 2015, iss. 2, pp. 88–108 (in Russian).
  8. Kak organizovano obuchenie v amerikanskikh vuzakh (How Education is Organized in American Universities). *Mechanismone*, 2019. Available at: <https://bigpicture.ru/?p=536056> (accessed 5 May 2020) (in Russian).
  9. Kak prokhorodit protsess obucheniya v amerikanskom vuze (How to Complete the Training Process at an American University). *LiveJournal*, 2019. Available at: <https://slavikap-2.livejournal.com/1513519.html> (accessed 5 May 2020) (in Russian).
  10. Suhorukova D. V. Assessing the quality of higher education: traditional approaches and international rating systems. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today], 2018, no. 9. pp. 49–53 (in Russian).
  11. Chekmarev V. V. Passionary rhapsody. *Ekonomika obrazovaniya* [Economics of Education], 2013, no. 1, pp. 8–15 (in Russian).

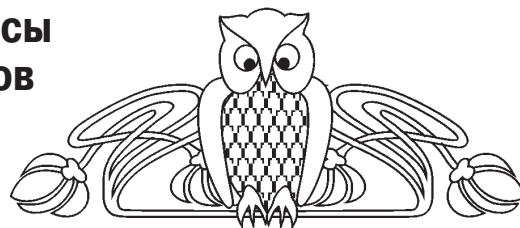
Поступила в редакцию 13.12.2020, после рецензирования 16.12.2020, принята к публикации 01.05.2021
Received 13.12.2020, revised 16.12.2020, accepted 01.05.2021

Научная статья

УДК 37.01.2

Цифровые образовательные ресурсы развития познавательных интересов младших школьников во внеурочной деятельности

Т. И. Киселева

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 70», Россия, 410005, г. Саратов, ул. Большая Садовая, д. 240

Киселева Татьяна Ивановна, директор муниципального общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 70», t.kiselyova2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1130-0589>

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) для развития познавательных интересов младших школьников во внеурочной деятельности. Используя методы теоретического анализа научных источников, анкетирования, сравнения цифровых образовательных ресурсов, расположенных на образовательных интернет-порталах, сайтах и платформах, обобщения, автор выделяет необходимое требование для современного учителя – умение ориентироваться в различных ситуациях и использовать цифровые образовательные ресурсы. Анализируются особенности детей младшего школьного возраста поколения А (альфа). Дается авторское определение понятия «цифровые образовательные ресурсы» относительно внеурочной деятельности. Изучены ЦОР, содержащиеся на 24-х образовательных интернет-порталах, сайтах и платформах; рассмотрена возможность их использования для развития познавательных интересов младших школьников во внеурочной деятельности. Проведен опрос родителей с целью установления их мнения об использовании интернет-ресурсов. Определено отношение педагогов к применению ЦОР во внеурочной работе с младшими школьниками. Формулируется вывод о необходимости использования ЦОР во внеурочной деятельности младших школьников для развития познавательных интересов и недостаточном количестве имеющихся ресурсов в данном направлении.

Ключевые слова: цифровые образовательные ресурсы, внеурочная деятельность, интернет-порталы, сайты, платформы, познавательные интересы младших школьников

Для цитирования: Киселева Т. И. Цифровые образовательные ресурсы развития познавательных интересов младших школьников во внеурочной деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 456–459. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-456-459>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Digital educational resources for the development of cognitive interests of primary school children in extracurricular activities

T. I. Kiseleva

Municipal educational institution «Secondary school № 70», 240 Bolshaya Sadovaya St., Saratov 410005, Russia

Tatyana I. Kiseleva, t.kiselyova2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1130-0589>

Abstract. The article is devoted to the problem of using digital educational resources (COR) for the development of cognitive interests of younger students in extracurricular activities. Using the methods of theoretical analysis of scientific sources, questionnaires, comparison of digital educational resources located on educational Internet portals, websites and platforms, the author in her studies identifies necessary requirements for a modern teacher – the ability to navigate and use digital educational resources. The article discusses the features of primary school children of generation A (alpha). The author made an attempt to define the concept of “digital educational resources” in relation to extracurricular activities. The CORs contained in twenty-four educational Internet portals, sites and platforms were studied and the possibility of their use for the development of cognitive interests of younger students in extracurricular activities was analyzed. Parents were surveyed in order to establish their opinion about the use of Internet resources. The attitude of teachers to the use of COR in extracurricular work with younger students is determined. The conclusion is made that it is necessary to use the COR in the extracurricular

activities of primary schoolchildren for developing cognitive interests. The author also noted that the number of such resources is insufficient.
Keywords: digital educational resources, extracurricular activities, Internet portals, websites and platforms, cognitive interests of primary school students

For citation: Kiseleva T. I. Digital educational resources for the development of cognitive interests of primary school children in extracurricular activities. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 456–459 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-456-459>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Уже не первый год в школу поступают дети, родившиеся в эпоху Интернета. Согласно теории поколений (Н. Хоув, У. Штраус, Е. Шамис, А. Антипов, М. Маккриндл) их относят к категории А (альфа). «Скринейджеры» (как еще называют это поколение, от слова screen – экран) являются цифровыми аборигенами, которые начинают пользоваться мобильными техническими устройствами раньше, чем ходить и говорить. Для них это так же естественно и просто, как детям крестьян было ходить по земле босиком.

«Блогерам с пеленок» родители разрешают смотреть мультики, играть и «гулять» на просторах Интернета в телефонах, планшетах и компьютерах с самого раннего возраста. Как свидетельствуют данные, к двум годам уже 90% детей умеют самостоятельно обращаться с планшетом. В школьном возрасте эти «игрушки», привлекая яркостью, динамичностью, спецэффектами и клипами, уже не являются для детей средством связи, а становятся для них особой ценностью, удовлетворяющей потребность в общении, развлечении и придающей чувство уверенности в себе.

По мнению аналитиков, получая гораздо больший объем информации, чем дети предыдущих поколений, используя для обучения и самообучения планшеты и телефоны, посещая развивающие кружки с самого раннего детства, поколение «Альфа» станет самым образованным.

Педагогам необходимо учитывать изменения, которые произошли в познавательных интересах младших школьников. Для этого в образовательном процессе «скринейджеров» не обойтись без использования цифровых образовательных ресурсов. Поэтому важными задачами учителя сегодня становятся ориентация в цифровых образовательных ресурсах (ЦОР) и управление информационными потоками, способствующими развитию навыков, необходимых человеку будущего.

Следует отметить, что при освоении дистанционных технологий обучения в период пандемии коронавирусной инфекции наибольшей трудностью, по словам учителей, является реализация основной образовательной программы в части внеурочной деятельности.

В настоящей работе предпринята попытка определить, какие интернет-порталы и ЦОР можно использовать во внеурочной деятельности, и оценить их возможности по развитию познавательных интересов младших школьников.

Обратимся к определению понятия. Так, Л. Л. Босова представляет цифровые образовательные ресурсы, как «необходимые для организации учебного процесса и представленные в цифровой форме ресурсы, а именно: фотографии, видеофрагменты, статические и динамические модели, ролевые игры, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, картографические материалы, звукозаписи, символные объекты и деловая графика, текстовые документы и иные учебные материалы, отобранные в соответствии с содержанием конкретного учебника, “привязанные” к поурочному планированию и снабженные необходимыми методическими рекомендациями» [1, с. 32]. С нашей точки зрения, во внеурочной деятельности под ЦОР следует понимать образовательную информацию (текстовые, фото-, видео-, аудиопрезентации), интерактивные тренажеры, игры, географические карты и другие материалы, представленные в электронном виде и соответствующие целям и содержанию внеурочных занятий.

ЦОР являются мощным инструментом для развития у обучающихся познавательных интересов, а также навыков, позволяющих самостоятельно принимать решения и экспериментировать, пробуждать и выявлять способности. Вместе с тем в большом пространстве интернет-сервисов учителю бывает сложно ориентироваться и выбирать необходимые ЦОР.

Нами были проанализированы 24 интернет-портала и сайта с ЦОР для обучения и развития детей младшего школьного возраста. Результаты позволили прийти к следующим выводам:

Российская электронная школа содержит видеоуроки, задания, проверочные упражнения по всем школьным предметам. Кроме того, на платформе имеются ссылки на каталоги музеев, фильмов, концертов, театральных спектаклей. По учебным темам к урокам дается видеоурок – объяснение темы, тренировочные и контрольные упражнения. Проверка работ выполняется авто-

математически программой. При этом составляется статистика выполнения заданий и успешности каждого ученика.

Яндекс. Учебник представляет собой видеоуроки и задания по русскому языку, математике и окружающему миру с автоматизированной проверкой и получением статистики.

Дневник.ру позволяет дистанционно взаимодействовать всем участникам образовательного процесса: родителям, администрации контролировать учебный процесс; обмениваться файлами и сообщениями; содержит медиатеку материалов к урокам.

Учи.ру – образовательная платформа, которая содержит большое количество интерактивных заданий, видеоуроков по учебным предметам и внеурочным занятиям; позволяет проводить онлайн-уроки и проверочные работы. Задания носят игровой характер и проверяются автоматически. Если ученик неправильно выполнил упражнение, программа предлагает ему подумать еще и возвращает ученика к заданию до тех пор, пока не будет правильного решения задачи. При этом всплывающие окна содержат правила и помогают исправить ошибки.

Образовательная платформа «Lekta» содержит рабочие программы, тематическое планирование уроков, проверочные работы, онлайн-тренажеры, презентации к урокам.

Моя школа в onlain – ресурс, содержащий видеоуроки и тренировочные упражнения по разным учебным предметам (для начальных классов – по математике и русскому языку). Имеется возможность участвовать в онлайн-уроках.

Nachalka.com – платформа, рассчитанная на детей, родителей и педагогов, содержащая презентации, игры, статьи, книги, фильмы и мультфильмы, тесты и викторины по учебной и внеурочной деятельности. Педагоги имеют возможность размещать свои разработки. Недостаток данного сайта, на наш взгляд, состоит в отсутствии систематизации материалов по предметам и классам.

Открытый урок. Первое сентября – педагогический портал, включающий статьи, вебинары, конкурсы, курсы повышения квалификации, сценарии уроков и внеклассных мероприятий.

Инфоурок – образовательный проект, содержащий методические разработки уроков, видеоуроки, презентации, конкурсы, статьи, олимпиады и курсы повышения квалификации педагогов.

Социальная сеть работников образования, направленная на создание персональных страниц мини-сайтов учителей и образовательных орга-

низаций, позволяет педагогам размещать свои разработки уроков и внеклассных мероприятий и делиться ими, содержит большую копилку методических материалов. Реализуются проекты для одаренных детей.

Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов включает большое количество фотографий, иллюстраций, тренировочных ресурсов и видеоматериалов.

Я-класс – образовательный портал, на котором размещены видеоуроки, проверочные работы, тесты и олимпиадные задания по всем предметам начальной школы. Ориентирован на дистанционное обучение детей. Может использоваться как индивидуально, так и целыми классами. При неправильном выполнении заданий ученику выдается объяснение. Содержит систему мотивации учащихся в виде соревнования по зарабатыванию баллов. Родители имеют возможность дистанционно отслеживать выполнение упражнений детьми и получать информацию об успешности ребенка. Как и на Учи.ру, составляется рейтинг школ региона и страны в целом. Количество бесплатных ресурсов ограничено.

VIDEOUROKI – сайт, который включает видеоуроки, дидактические материалы, тесты, викторины.

Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия – коллекция материалов по различным областям науки, техники, истории, литературы и искусства. Содержит интерактивные карты, фото-, аудио- и видеоресурсы, схемы, анимации.

Ну-ка дети – портал для детей и родителей, который предлагает тексты, иллюстрации и аудиозаписи детских книг, систематизированных по жанрам литературы. Кроме того, он содержит загадки, раскраски, мастер-классы по рисованию и изготовлению поделок.

Национальная электронная детская библиотека – коллекция книг, фильмов, диафильмов, газет, журналов.

Картаслов.ру – онлайн-сервис слов и выражений русского языка, помогающий правильно сочетать слова по смыслу, подбирать синонимы, антонимы; определять толкования слов; осуществлять морфемный анализ слов; и т.д.

Русский медвежонок. Языкознание для всех – сайт международной игры-конкурса, содержащий задания прошедших конкурсов и разъяснения к ним. Может использоваться для внеурочной деятельности, при подготовке к олимпиадам и конкурсам по русскому языку.

Кенгуру – сайт международного математического конкурса «Кенгуру» содержит копилку конкурсных заданий прошлых лет и ответы на них.

01 Математика.ру – онлайн-учебник по математике, который включает теоретические знания, интерактивные тесты. Сайт имеет ограниченное количество бесплатных ресурсов.

Страна мастеров – сайт по развитию творческих способностей у детей. Содержит конкурсы, выставки поделок, мастер-классы. Может использоваться для уроков изобразительного искусства, технологии и во внеурочной деятельности.

Фоксфорд – онлайн-школа, ориентированная на дистанционное обучение детей. Включает курсы по повышению квалификации. Все ресурсы в основном платные.

CERM.RU – центр развития молодежи – предлагает интересные предметные и метапредметные конкурсы, индивидуальные и командные. Содержит курсы повышения квалификации для педагогов. Все проекты реализуются на платной основе.

ДШИ.Онлайн – детская школа искусств. Онлайн-обучение доступно бесплатно на большое разнообразие курсов – от квиллинга и мультипликации до создания арт-аватарок, игре на гитаре и т.д. Имеются платные курсы.

Предпринятый анализ позволил установить следующее:

образовательные платформы и сайты содержат для начальных классов в основном ЦОР по учебным предметам: математике, русскому языку, окружающему миру;

преимущественные возможности по развитию познавательных интересов (в том числе во внеурочной деятельности) представляет онлайн-платформа «Учи.ру»;

7 сайтов из 24 (29,2%) содержат ресурсы для использования во внеурочной деятельности и дополнительном образовании;

ограниченное использование бесплатных ЦОР снижает возможности их использования обучающимися.

Для изучения мнений родителей по использованию ЦОР данных сервисов и платформ нами

был проведен опрос родителей 186 обучающихся начальных классов, который позволил выявить следующие результаты:

1. Электронный дневник «Дневник.ру» – просматривают ежедневно 87,2% родителей.

2. Самым известным и интересным для детей сервисом 67,4% родителей назвали платформу «Учи.ру».

3. Регулярно дистанционные сервисы и порталы используют 90,6% обучающихся начальных классов.

4. 55,8% родителей, имея информацию о данных сервисах и время для занятий с ребенком, не могут организовать их таким образом, чтобы они представляли собой целенаправленную развивающую деятельность.

В результате определения отношения педагогов к использованию ЦОР во внеурочной работе с младшими школьниками было установлено, что все респонденты используют ЦОР в образовательном процессе, но для выбора наиболее подходящих ресурсов педагогу требуется большое количество времени на самостоятельное освоение особенностей и преимуществ этих ресурсов.

Исходя из сказанного, следует констатировать необходимость использования ЦОР для развития познавательных интересов младших школьников во внеурочной деятельности и недостаточное количество имеющихся ресурсов в данном направлении.

Список литературы

1. Босова Л. Л. Цифровые образовательные ресурсы для пропедевтического курса информатики и ИКТ // Информатика и образование. 2009. № 2. С. 32–46.

References

1. Bosova L. L. Digital educational resources for a propaedeutic course in computer science and ICT. *Informatika i obrazovanie* [Informatics and Education], 2009, no. 2, pp. 32–46 (in Russian).

Поступила в редакцию 13.03.2021, после рецензирования 30.04.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 13.03.2021, revised 30.04.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 460–466

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 460–466

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-460-466>

Научная статья

УДК 614.253.5:378.147

Дистанционное проведение занятий на практике по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности (сестринское дело) на лечебном факультете

А. А. Таинкин

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Таинкин Александр Александрович, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры пропедевтики внутренних болезней, tainkin.alexandr03@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0373-5542>

Аннотация. В связи с переходом весной 2020 г. высших учебных заведений на дистанционный режим работы и невозможностью проведения сестринской практики на базе лечебных учреждений возникла необходимость создания новой формы проведения занятий, которая позволила бы студентам освоить практические навыки, не контактируя с больными. В статье представлена разработанная автором методика дистанционного проведения занятий по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности (сестринское дело) на лечебном факультете. Предложены простые способы изготовления студентами муляжей для приобретения практических навыков; описана методика организации и проведения дистанционных занятий с использованием этих муляжей. Предпринят педагогический анализ одного из занятий. Показано, что новая форма проведения занятий позволяет индивидуализировать работу с обучающимися и помочь каждому студенту достичь совершенства в овладении методикой сестринских манипуляций. Описанная методика дистанционного проведения занятий может использоваться преподавателями при организации этой практики в дальнейшем, на дистанционных занятиях со студентами по дисциплине «сестринское дело» на лечебном факультете и в институтах высшего сестринского образования, а после снятия эпидемиологических ограничений, наложенных в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, для дистанционного консультирования студентов, проходящих сестринскую практику в медицинских учреждениях за пределами Саратовской области.

Ключевые слова: практика, сестринское дело, дистанционное обучение, высшее образование

Для цитирования: Таинкин А. А. Дистанционное проведение занятий на практике по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности (сестринское дело) на лечебном факультете // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 460–466. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-460-466>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Remote practical training to gain professional skills and professional experience (nursing) at the medical faculty

A. A. Tainkin

V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachya St., Saratov 410012, Russia

Aleksandr A. Tainkin, tainkin.alexandr03@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0373-5542>

Abstract. Due to the transition of higher educational institutions to remote functioning in the spring of 2020 and the impossibility of conducting nursing practice on the basis of medical establishments it became necessary to create a new form of having classes that would allow students to master practical skills without contacting patients. The article presents the author's methodology of remote practical training in class to obtain professional skills and experience of professional activity (nursing) at the medical faculty. The author offers simple methods of making moulages for students to master practical skills and describes the methodology of organizing and conducting distance classes using these moulages. The pedagogical analysis of one of the classes is carried out. It is shown that the new form of conducting classes allows to individualize the work with students and help each student achieve perfection in mastering the methods of nursing manipulations. The method of giving remote classes described by the author can be used by teachers at practical training in the future, in classes on "nursing" at the medical faculty, in institutes of

higher nursing education, and after the removal of epidemiological restrictions imposed due to the spread of a new coronavirus infection, for remote counseling of students undergoing nursing practice in medical establishments outside the Saratov region.

Keywords: practice, nursing, distance learning, higher education

For citation: Tainkin A. A. Remote practical training to gain professional skills and professional experience (nursing) at the medical faculty. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 460–466 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-460-466>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Переход высших учебных заведений на дистанционный режим работы весной 2020 г. вызвал необходимость изменения формы проведения занятий без ущерба для результативности учебного процесса. В связи с текущей эпидемиологической ситуацией многие студенты не могут проходить летнюю практику в лечебных учреждениях. Освоение практических навыков является основной целью любой практики. В таких условиях преподавателю необходимо проявить изобретательность. В данной статье описан разработанный автором способ дистанционного проведения занятий на практике по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности (сестринское дело) на лечебном факультете.

Практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности проводится в четвертом семестре. Продолжительность ее составляет 20 рабочих дней. В 2020 г. практика была разделена на две части: первая часть проводилась в четвертом семестре, вторая часть была перенесена на пятый семестр. Главной задачей практики являются освоение и закрепление обучающимися практических умений и компетенций в области сестринского дела и закрепление практических навыков по общему уходу за больными, приобретенных студентами в процессе обучения на I курсе.

Сложность проведения дистанционных занятий заключается в том, что обучающиеся должны освоить практические навыки, работая не с пациентами и даже не со специально предназначенными для этого муляжами. Однако макеты и муляжи студенты могут легко и быстро изготовить самостоятельно.

Для отработки техники выполнения внутрикожных, подкожных, внутримышечных инъекций можно использовать мягкую игрушку, при ее отсутствии – поролоновую губку. Шприцы, как правило, всегда имеются в домашних аптечках, но в крайнем случае можно вместо шприца использовать ручку или карандаш. Занятия можно проводить с использованием видеоконференц-связи или электронной почты, выполняя одновременно рассылку сообщений всем студентам группы. В начале занятия преподаватель называет его

цель и задачи. Затем проводит опрос. Студенты называют области тела для выполнения инъекций, угол, под которым вводится игла, и глубину ее введения. Затем обучающиеся рассказывают алгоритм выполнения манипуляции, изученный ими при подготовке к занятию [1–4]. Преподаватель высылает студентам схему с изображением правильного положения шприца в руке или демонстрирует выполнение практического навыка с использованием видеоконференц-связи.

Далее студентам дается время, для того чтобы освоить этот навык на муляже, сделать видеозапись или серию фотографий, демонстрирующих выполнение манипуляции, и выслать их преподавателю. Для повышения интереса обучающихся к изучаемому материалу можно предлагать им представить конкретную клиническую ситуацию, например, введение антибиотика пациенту с пневмонией. Преподаватель просматривает фотографии или видеозаписи и объясняет студентам допущенные ими ошибки. При наличии ошибок обучающиеся выполняют манипуляцию правильно и снова высылают фотографии или видеозаписи преподавателю.

Для освоения методики забора мазка из зева мы использовали рисунок зева на бумаге. Необходимо попросить студентов нарисовать ротоглотку так, чтобы были видны небные миндалины, небные дужки, маленький язычок, задняя стенка глотки, язык. Вместо пробирки и стержня с тампоном можно использовать ручку с вынимающимся стержнем (рис. 1).

Преподаватель предлагает студентам прочитать алгоритм выполнения забора мазка из зева по имеющимся у них учебным пособиям [1, 3, 4], затем задает им вопросы: «В какой последовательности обтирают тампоном структуры зева?», «На что должен обратить внимание медицинский работник при выполнении манипуляции, чтобы результаты исследования получились достоверными?» Преподаватель объясняет, как правильно удерживать пробирку со стержнем, и отводит студентам 30 мин на то, чтобы сделать рисунок ротоглотки, потренироваться выполнять забор мазка из зева и прислать по электронной почте серии фотографий или видеозапись с демонстрацией этой манипуляции.

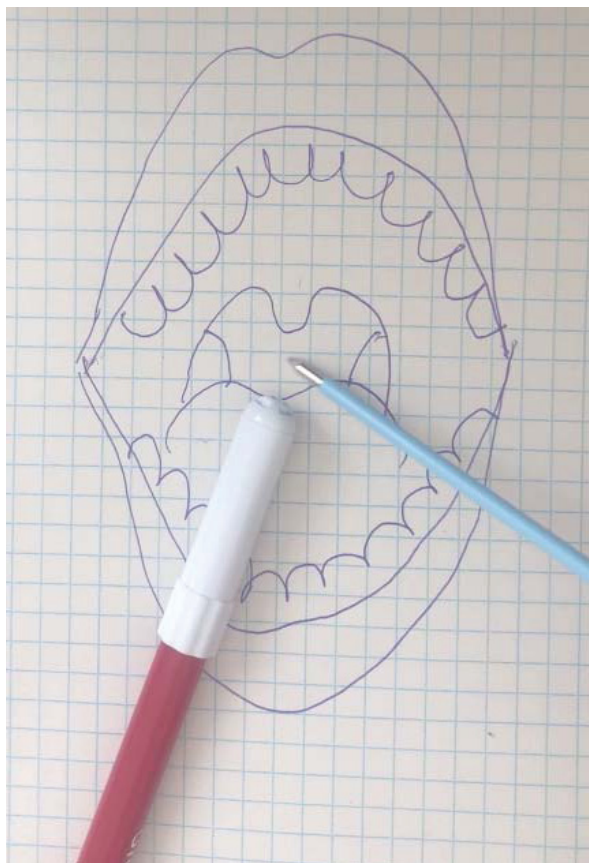

Рис. 1. Забор мазка из зева. Преподаватель А. А. Таинкин, студентка З. И. Нухова (цвет online)

Fig. 1. Sampling of smear from the pharynx. Teacher A. A. Tainkin, student Z. I. Nukhova (color online)

Для освоения методики забора мазка из носа удобно использовать мягкую игрушку (рис. 2).

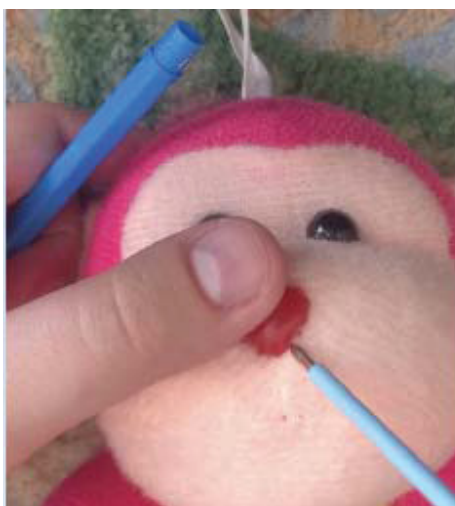

Рис. 2. Забор мазка из носа. Преподаватель А. А. Таинкин, студенты З. И. Нухова, Д. Ю. Воронина (цвет online)

Fig. 2. Taking a smear from the nose. Teacher A. A. Tainkin, students Z. I. Nukhova, D. Yu. Voronina (color online)

На самодельных муляжах можно осваивать манипуляции по личной гигиене пациента, а также методику закапывания капель в уши (рис. 3), нос, глаза (рис. 4).

Для демонстрации освоения навыков по уходу за глазами, носом, ушами можно использовать мягкую игрушку или рисунок лица на бумаге. Вместо пипетки обучающийся может использовать карандаш или ручку.

Перед разбором техники любой манипуляции преподаватель задает студентам вопросы по узловым моментам алгоритма, сообщая обучающимся, что эти моменты обязательно должны быть видны при последующей демонстрации ими практического навыка. При освоении манипуляций по уходу за ушами преподаватель спрашивает студентов: «В какую сторону оттягивают ушную раковину для выпрямления наружного слухового прохода?», «На какую глубину вводят в наружный слуховой проход турунду, смоченную перекисью водорода?» Перед разбором алгоритма закапывания капель в глаза преподавателем могут быть заданы следующие вопросы: «В какой свод глазного яблока закапывают капли?», «Сколько капель помещается в конъюнктивальную полость?», «На каком расстоянии от глазного яблока должен находиться кончик пипетки?», «Что может произойти, если это расстояние будет больше?», «В каком направлении осушают веки ватным тампоном после закапывания капель?». Перед разбором алгоритма закапывания капель в нос целесообразно задать следующие вопросы: «На какую глубину вводится пипетка в носовую полость?», «Сколько капель закапывают обычно в

Рис. 3. Закапывание капель в уши. Преподаватель А. А. Таинкин, студентка З. И. Нухова (цвет online)
Fig. 3. Instilling drops in the ears. Teacher A. A. Tainkin, student Z. I. Nukhova (color online)

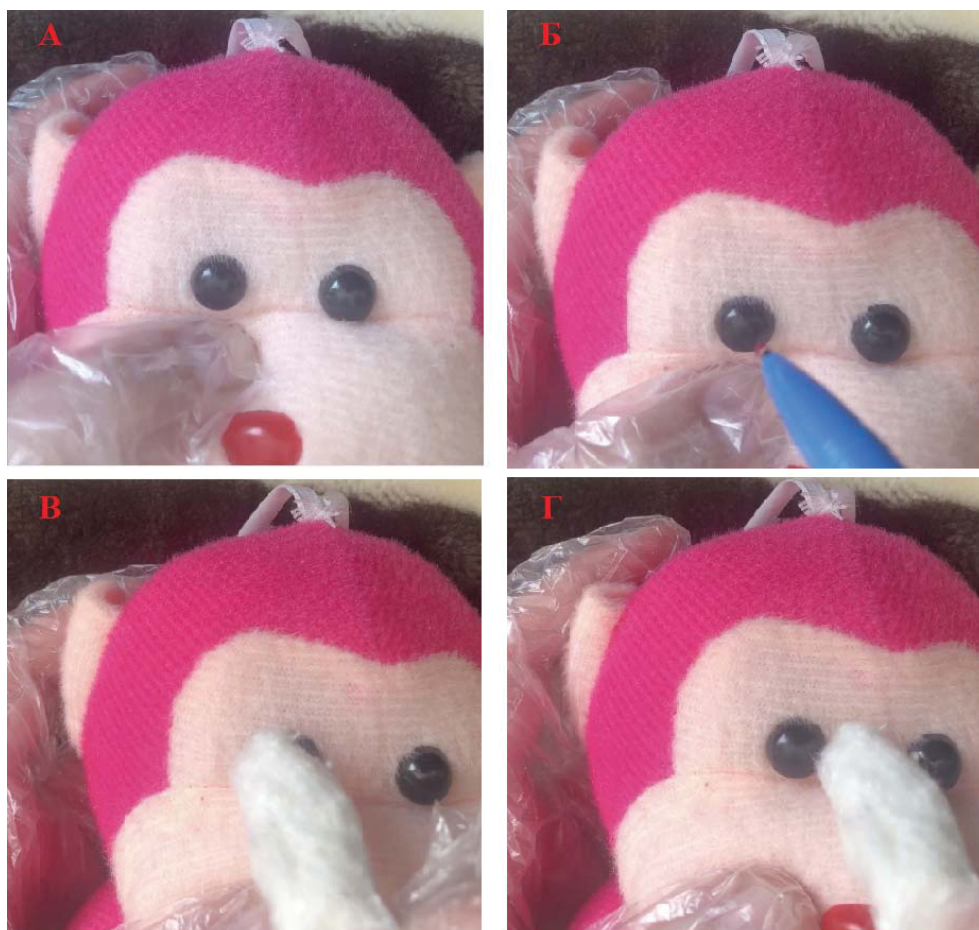

Рис. 4. Закапывание капель в глаза (серия изображений). Преподаватель А. А. Таинкин, студентка З. И. Нухова (цвет online)
Fig. 4. Instilling drops in the eyes (a series of images). Teacher A. A. Tainkin, student Z. I. Nukhova (color online)

один носовой ход?», «В какую сторону пациент должен повернуть голову после закапывания капель в правый и в левый носовой ход?»).

Привожу педагогический анализ одного из проведенных мною дистанционных занятий. Тема занятия: «Парентеральный путь введения лекарственных средств. Внутрикожные, подкожные, внутримышечные инъекции. Внутривенные инъекции, забор крови».

Цель занятия: овладеть методикой выполнения внутрикожных, подкожных, внутримышечных, внутривенных инъекций, забора крови из вены.

Образовательная задача занятия: овладение методикой выполнения перечисленных манипуляций.

Воспитательная задача: обучение следованию принципам этики и деонтологии при выполнении профессиональных обязанностей.

Развивающие задачи: формирование навыков работы с медицинскими инструментами, развитие ответственности, доброжелательности, креативности.

На занятии присутствовали 33 студента II курса лечебного факультета. Работа с обучающимися проводилась с помощью электронной почты.

Занятие началось с проверки присутствующих и вступительного слова преподавателя, который сообщил студентам цель занятия и подчеркнул актуальность темы, а также отметил, что полученные на данном занятии знания и умения будут применяться студентами при изучении тем: постинъекционные осложнения, сестринский процесс при лабораторном обследовании больного; на производственной практике после окончания III курса; в практической работе с пациентами при оказании неотложной помощи, в том числе вне стен лечебного учреждения, в частности для осуществления контроля за работой и обучения среднего медперсонала. Этот этап занятия занял 5 мин.

Далее перешли к разбору алгоритма внутрикожной инъекции. Преподаватель попросил студентов назвать области тела, предназначенные для выполнения данного вида инъекций, угол, под которым вводится игла, и глубину ее введения. Затем один из обучающихся описал полностью алгоритм выполнения инъекции. Преподаватель откорректировал его ответ и выслал всем студентам алгоритм манипуляции и схему с правильным положением шприца в руке для выполнения данной инъекции. Для реализации воспитательной задачи преподаватель подчеркнул необходимость информирования пациента о цели и ходе предстоящей процедуры, вежли-

вого, доброжелательного отношения к больному. На разбор техники манипуляции ушло 10 мин. Затем студентам было дано 15 мин для того, чтобы освоить этот навык на муляже, сделать видеозапись или серию фотографий, демонстрирующих выполнение манипуляции, и выслать их преподавателю. Практика показала, что с сериями фотографий работать удобнее благодаря уменьшению затрат времени на их просмотр по сравнению с просмотром видеозаписей. Преподаватель просмотрел фотографии, видеозаписи и указал обучающимся на допущенные ими ошибки. При наличии ошибок студенты выполняли манипуляцию правильно и снова высылали фотографии или видеозаписи.

По такому же плану проводилась отработка методики выполнения подкожных и внутримышечных инъекций в течение последующих 60 мин. Затем был сделан 10-минутный перерыв.

После перерыва в течение 10 мин разбирали алгоритм выполнения внутривенной инъекции. В качестве муляжа руки пациента использовался свернутый в рулон лист бумаги. Преподаватель выслал студентам схему с пошаговым объяснением методики наложения жгута. Инструкция выглядела следующим образом: «Перед выполнением внутривенной инъекции необходимо наложить жгут на среднюю треть плеча пациента. Жгут накладывается на рубашку или салфетку. Посмотрите рисунок, который я прикрепил к сообщению. Для правильного наложения жгута оберните его вокруг муляжа руки, возьмите один конец жгута в правую руку, другой в левую, затем перехватите концы жгута так, чтобы они перекрещивались. Тот конец, который оказался ниже, согните так, чтобы получилась петля. Проведите петлю между жгутом и поверхностью плеча сверху вниз. В результате петля окажется снизу, концы жгута сверху. Для того чтобы снять жгут, необходимо потянуть за тот его конец, из которого вы образовали петлю».

Затем студенты в течение 10 мин тренировались накладывать жгут и высылали преподавателю фотографии наложенного на муляж руки жгута для контроля. Далее в течение 10 мин они разбирали ошибки, после чего на протяжении 20 мин тренировались выполнять все этапы внутривенной инъекции и высылали преподавателю серии фотографий и видеозаписи, демонстрирующие выполнение этой манипуляции (рис. 5). На разбор ошибок ушло еще 15 мин.

Затем студентам были заданы вопросы: «С какого этапа появляются отличия между алгоритмом забора крови из вены и алгоритмом внутривенной инъекции?» «В какой момент необходимо снять жгут?». После обсуждения

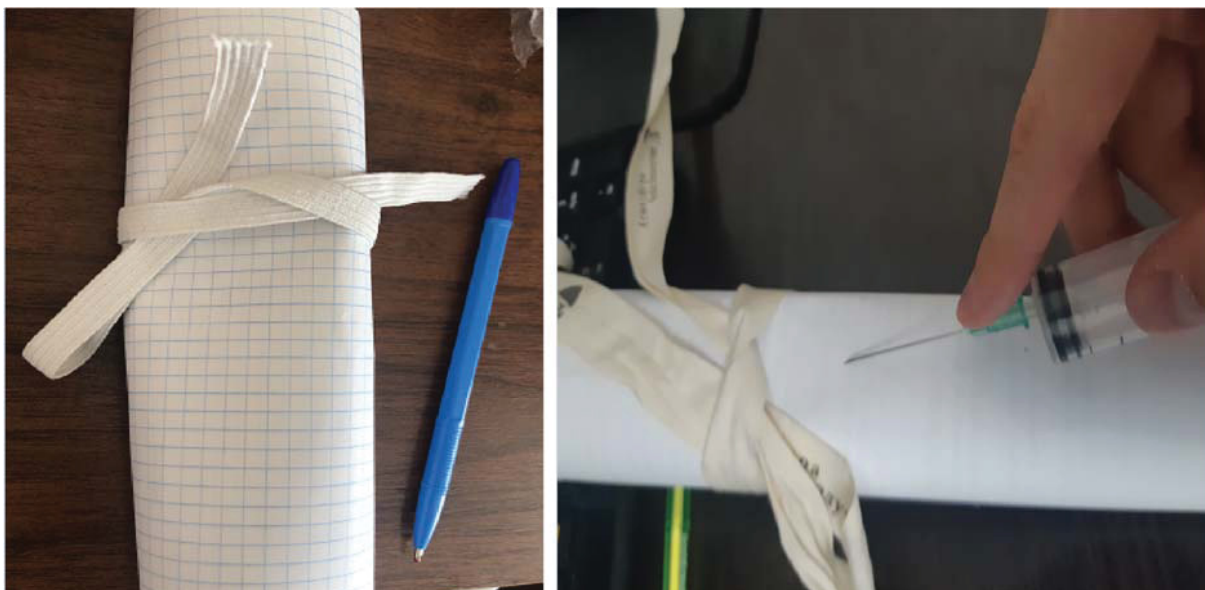

Рис. 5. Наложение жгута и выполнение внутривенной инъекции. Преподаватель А. А. Таинкин, студенты З. И. Нухова, А. С. Асхабов (цвет online)

Fig. 5. Applying a tourniquet and performing an intravenous injection. Teacher A. A. Tainkin, students Z. I. Nukhova, A. S. Askhabov (color online)

алгоритма манипуляции обучающиеся осваивали этот практический навык под контролем преподавателя. На разбор и освоение техники забора крови ушло 30 мин. В течение последующих 5 мин преподаватель подвел итоги занятия.

При освоении техники парентерального введения лекарственных средств и методики забора крови из вены у студентов встречались следующие ошибки:

1. Неправильное положение шприца в руке, перехватывание шприца после введения иглы вместо того, чтобы нажимать на поршень пальцами другой руки. Преподаватель сообщил студентам, что в этом случае происходит дополнительное травмирование мягких тканей пациента, а при выполнении внутривенной инъекции игла может выйти из вены.

2. Не петля, а концы наложенного жгута обращены к кисти руки пациента.

3. Петля наложенного жгута слишком коротка, в связи с чем жгут может развязаться сам раньше времени. Преподаватель объяснил, что тот конец жгута, из которого образуют петлю, нужно делать длиннее, тогда и петля будет длиннее.

4. При выполнении пункции вены игла направлена не параллельно вене, а поперек нее.

5. После забора крови студент сначала извлек иглу из вены, а потом снял жгут. Преподаватель сообщил обучающимся, что в таком случае пациент потеряет дополнительное количество

крови. Кроме того, так как при неснятом жгуте кровь находится в вене под давлением, возможно загрязнение манипуляционного стола и одежды медицинского работника при извлечении иглы из вены.

В результате анализа занятия установлено, что его содержание соответствовало поставленным целям. Оглашение целей занятия, мотивация и актуализация темы обеспечили заинтересованность студентов. Были реализованы основные принципы дидактики [5]. Организация работы обучающихся позволила вовлечь в работу всех студентов, осуществить объективный индивидуальный контроль за правильностью выполнения манипуляций и добиться овладения каждым студентом техникой выполнения инъекций и забора крови из вены.

Занятие способствовало формированию у обучающихся следующих компетенций: готовности к применению медицинских изделий, предусмотренных порядками оказания медицинской помощи; готовности к обеспечению организации ухода за больными и оказанию первичной доврачебной медико-санитарной помощи; способности к организации медицинской помощи при чрезвычайных ситуациях, в том числе медицинской эвакуации; способности и готовности реализовывать этические и деонтологические принципы в профессиональной деятельности.

Для подведения итогов первой части практики проводился заключительный контроль

приобретенных навыков и тестирование на образовательном портале университета. Все студенты освоили практические навыки и успешно прошли тестирование.

Таким образом, дистанционное проведение занятий на практике по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности позволяет достичь ее целей и выполнить программу практики в полном объеме. Работа с самостоятельно изготовленными муляжами развивает творческие способности обучающихся, позволяет им в последующем уверенно выполнять манипуляции при работе с реальными пациентами. Использование дистанционных технологий, фотографирование студентами основных моментов выполняемой ими манипуляции помогает преподавателю индивидуализировать работу с обучающимися и позволяет всем студентам достичь совершенства в технике выполнения манипуляций. Для закрепления освоенных практических навыков при работе с больными оправдан перенос части практики на следующий семестр на период, когда с учетом эпидемиологической ситуации будет возможно прохождение практики всеми студентами в лечебных учреждениях.

Список литературы

1. Ослопов В. Н., Богоявленская О. В. Общий уход за больными терапевтического профиля. 4-е изд., испр. и доп. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2017. 464 с.
2. Мухина С. А., Тарновская И. И. Практическое руководство к предмету «Основы сестринского дела».

2-е изд., испр. и доп. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2016. 512 с.

3. Обуховец Т. П., Чернова О. В. Основы сестринского дела : учебное пособие / под общ. ред. Б. В. Кабарухина. Ростов н/Д : Феникс, 2019. 938 с.
4. Широкова Н. В., Островская И. В., Ключикова И. Н., Морозова Н. А., Морозова Г. И., Гусева И. А. Основы сестринского дела : Алгоритмы манипуляций : учебное пособие. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2016. 160 с.
5. Тригорович Л. А., Марцинковская Т. Д. Педагогика и психология : учебное пособие. М. : Гардарики, 2003. 480 с.

References

1. Oslopov V. N., Bogoyavlenskaya O. V. *Obshchiy ukhod za bolnymi terapevticheskogo profilya* [General Care of Patients of Therapeutic Profile]. 4th ed., corrected and expanded. Moscow, GEOTAR-Media, 2017. 464 p. (in Russian).
2. Mukhina S. A., Tarnovskaya I. I. *Prakticheskoe rukovodstvo k predmetu «Osnovy sestrinskogo dela»* [Practical Guide to the Subject "Fundamentals of Nursing"]. 2nd ed., corrected and expanded. Moscow, GEOTAR-Media, 2016. 512 p. (in Russian).
3. Obukhovets T. P., Chernova O. V. *Osnovy sestrinskogo dela* [B. V. Kabarukhin, total ed. Fundamentals of Nursing]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2019. 938 p. (in Russian).
4. Shirokova N. V., Ostrovskaya I. V., Klyuykova I. N., Morozova N. A., Morozova G. I., Guseva I. A. *Osnovy sestrinskogo dela: algoritmy manipulyatsiy* [Fundamentals of Nursing: Manipulation Algorithms]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2016. 160 p. (in Russian).
5. Trigorovich L. A., Martsinkovskaya T. D. *Pedagogika i psikhologiya* [Pedagogy and Psychology]. Moscow, Gardariki Publ., 2003. 480 p. (in Russian).

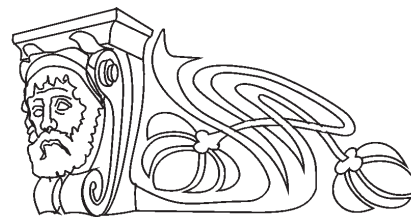
Поступила в редакцию 06.03.2021, после рецензирования 23.03.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 06.03.2021, revised 23.03.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 467–471
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 467–471
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-467-471>

Научная статья
УДК 796.087

Возможности высокогорья в оптимизации состояния спортсменов

А. В. Тимушкин , А. В. Попов

Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 412309, г. Балашов, ул. Карла Маркса, д. 29

Тимушкин Александр Владимирович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры физической культуры и спорта, timushkin-box@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1051-2790>

Попов Андрей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, and26175475@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1719-8722>

Аннотация. *Цель исследования* – определение влияния восстановительного двигательного режима в условиях высокогорья на функциональное состояние организма спортсменов в период пребывания в горах и в последующий период реадaptации. **Материалы и методы.** В исследовании принимали участие 10 бегунов на средние и длинные дистанции. Исследование было организовано в г. Бишкек, в период трехнедельного пребывания в высокогорье (2350 м) и после возвращения в предгорье. Во время пребывания в горах спортсмены выполняли двигательный режим в виде активного отдыха. В высокогорье (2-й, 7-й, 12-й, 22-й дни) и в период реадaptации (5–6-й и 18–19-й дни) у спортсменов оценивали состояние дыхательной функции, кардиореспираторной системы и уровень максимального потребления кислорода. **Результаты.** В высокогорье наблюдались повышение резервов внешнего дыхания, оптимизация деятельности сердечно-сосудистой системы. Уровень максимального потребления кислорода после снижения повышался в период реадaptации на 9,8% ($P < 0,05$). **Выводы.** Активный отдых в условиях высокогорья позволяет сохранить и расширить функциональные резервы организма спортсменов в переходном периоде годичного макроцикла спортивной тренировки.

Ключевые слова: спортсмены, высокогорье, активный отдых, работоспособность, функциональные системы организма, адаптация, реадaptация

Для цитирования: Тимушкин А. В., Попов А. В. Возможности высокогорья в оптимизации состояния спортсменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 467–471. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-467-471>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The possibilities of the highlands in optimizing the condition of athletes

A. V. Timushkin , A. V. Popov

Balashov Institute (Branch) of Saratov State University, 29 Karl Marx St., Balashov 412309, Russia

Aleksandr V. Timushkin, timushkin-box@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1051-2790>

Andrey V. Popov, and26175475@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1719-8722>

Abstract. *The objective of the research* is to study the influence of restorative motor mode at the high altitude on functional condition of the sportsmen body during their stay in the mountains and the subsequent readaptation period. **Materials and methods.** Ten male sportsmen, whose specialization was medium and long-distance running took part in the research. The research was conducted in Bishkek during the 3-week stay in highlands (2350 m) and after their return to the foothills. During their stay in the mountains the sportsmen followed a specific motional mode in the form of outdoor activities. At the high altitude (2nd, 7th, 12th and 22nd days) and during the readaptation period (5th–6th and 18th–19st days) the condition of the respiratory function, cardio respiratory system and the maximum level of oxygen intake of sportsmen were evaluated. **Results.** During their stay in the mountains the increase of external expiration reserves and optimization of cardiovascular activity were observed. The level of maximum oxygen consumption after a decrease increased during the period of readaptation by 9,8% ($P < 0,05$). **Conclusions.** Outdoor activities at the high altitude conditions allow you to preserve and expand the functional reserves of the body of sportsmen during the transient period of the one-year training macrocycle.

Keywords: sportsmens, highlands, outdoor activities, performance, body functional system, adaptation, readaptation

For citation: Timushkin A. V., Popov A. V. The possibilities of the highlands in optimizing the condition of athletes. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 467–471 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-467-471>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Принцип цикличности тренировочного процесса, реализуемый в спортивной деятельности, предусматривает наличие переходного периода в подготовке спортсменов. В этот период планируется снижение напряженности тренировочного процесса с целью активизации восстановления, что, в свою очередь, отражается на функциональном состоянии систем организма, обеспечивающих высокую работоспособность в тренировочной и спортивной деятельности [1]. Высокий уровень функционирования систем организма, достигнутый в результате выполнения напряженной тренировочной программы в предшествующие подготовительный и соревновательный периоды, в переходном периоде снижается, и требуется выполнить большой объем работы для восстановления физической работоспособности спортсменов [2].

В спортивной практике для улучшения спортивных результатов и расширения функциональных возможностей организма спортсменов широко используются тренировки в средне- и высокогорье [3–5]. Тренировки в условиях горной местности способствуют совершенствованию деятельности функциональных систем, обеспечивающих перенос кислорода в организме человека, улучшают кислородтранспортную функцию крови, аэробные способности организма [6, 7]. Эти положительные изменения сохраняются некоторое время и после возвращения в привычные условия тренировки, обеспечивая более высокий уровень общей и специальной работоспособности спортсменов [8, 9]. Тренировки в горах, как правило, проводят в подготовительный и соревновательный периоды для расширения функциональных резервов организма и подготовки к выступлению в соревнованиях [3, 6, 10]. Это послужило основой для организации и проведения исследования целесообразности использования климатических условий высокогорья в переходный период тренировочного макроцикла для стимуляции восстановления спортсменов и сохранения их функционального состояния на оптимальном уровне.

Цель исследования – изучить реакции организма спортсменов на выполнение восстанавливающего двигательного режима в высокогорье и в последующий период после спуска с гор.

Материалы и методы

В исследованиях принимали участие 10 спортсменов в возрасте от 19 до 22 лет, специализирующиеся в стайерском беге. От каждого спортсмена было получено согласие на участие в проводимых исследованиях в соответствии с протоколом и этическими принципами Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации.

Исходные и заключительные (период реадaptации) исследования проводились в г. Бишкек (Киргизская Республика), пребывание спортсменов в высокогорье было организовано на высоте 2350 м над уровнем моря. В период пребывания в горах спортсмены выполняли двигательный режим в виде активного отдыха, включающий прогулки, походы в горной местности, спортивные игры. Исключались длительные, напряженные и интенсивные тренировки.

Исследования проводили в стандартных лабораторных условиях во 2-й, 7-й, 12-й, 22-й дни пребывания в высокогорье и в 5–6-й и 18–19-й дни периода реадaptации.

В состоянии относительного покоя с помощью метода спирометрии у спортсменов определяли минутный объем дыхания (МОД), уровень максимальной вентиляции легких (МВЛ). Показатели сердечной деятельности и гемодинамики – частоту сердечных сокращений (ЧСС) и систолический объем кровообращения (СОК) определяли методом реографии. Используя общепринятые биохимические методы в образцах периферической крови, полученных утром натощак, определяли содержание эритроцитов (Эр) и концентрацию гемоглобина (Hb). Максимальное потребление кислорода (МПК) определяли прямым методом в процессе выполнения велоэргометрического теста ступенчато-возрастающей мощности до отказа испытуемых от работы.

Математическая обработка полученных данных включала определение средней арифметической величины ($\bar{X}$), ошибки средней арифметической величины ($S_{\bar{x}}$) и процентное отношение. Достоверность различий определяли с помощью t -критерия Стьюдента по стандартной методике с 5%-ным уровнем значимости, принятом в педагогических исследованиях. Математико-статистические расчеты эмпирических данных проводили, используя пакет программ Statistica 10.0.

Результаты и их обсуждение

Анализ полученных результатов показал, что переезд на высоту 2350 м над уровнем моря вызвал рост максимальной вентиляции легких (МВЛ) 27,5% ($P < 0,05$). В течение всего пери-

ода пребывания спортсменов в высокогорье не было обнаружено существенных изменений МВЛ (рис. 1). Увеличение МВЛ в высокогорье мы объясняем уменьшением сопротивления воздушного потока из-за сниженной плотности воздуха.

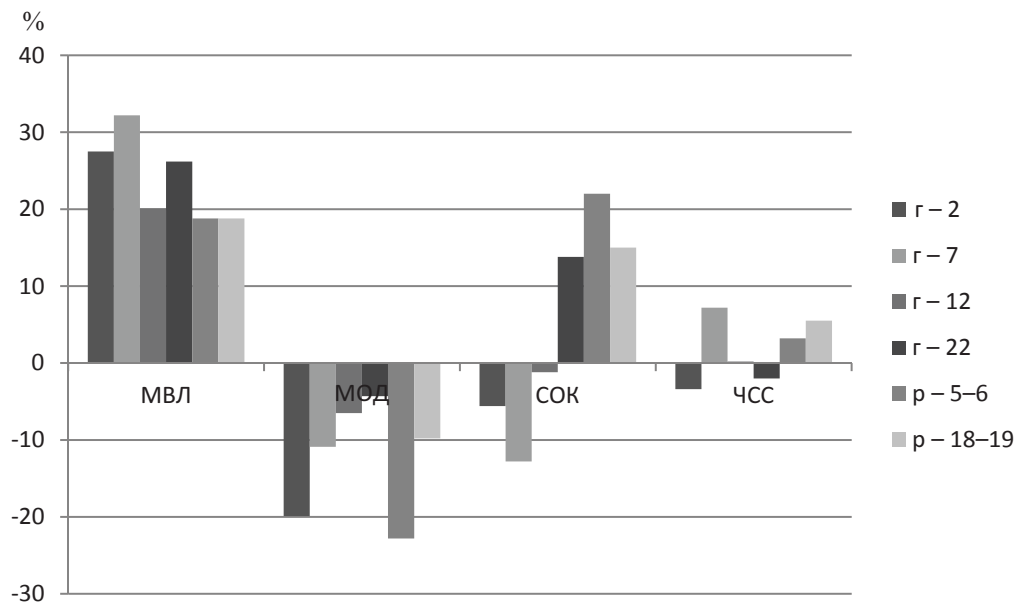

Рис. 1. Изменение параметров внешнего дыхания и сердечно-сосудистой системы спортсменов в высокогорье и в период реадaptации, % к исходным данным: г – день пребывания в горах, р – дни реадaptации

Fig. 1. Changes in the parameters of external respiration and cardiovascular system of athletes in the highlands and during the period of readaptation, % of the original data: г – day of stay in the mountains, р – days of readaptation

Условия высокогорья способствовали повышению экономичности системы внешнего дыхания, что проявилось в снижении МОД на 19,6% ($P < 0,05$). Во время пребывания в высокогорье отмечался постепенный рост легочной вентиляции в покое, достигнув в заключительные дни горной адаптации величины, превышающей на 18,9% ($P < 0,05$) данные первых дней в горах. Возвращение спортсменов в привычные условия тренировки привело к снижению МОД на 23,9% ($P < 0,05$), однако к концу трехнедельной реадaptации этот показатель статистически значимо не отличался от исходного.

Уровень МВЛ на протяжении всего наблюдаемого периода реадaptации был выше, чем до подъема в высокогорье (18,8%, $P < 0,05$), что свидетельствует о расширении функциональных возможностей дыхательной системы.

Переезд спортсменов в условия высокогорья сопровождался снижением систолического выброса, сменившимся во второй половине периода горной адаптации повышением до 13,8% (см. рис. 1). Данная тенденция сохранялась и во время

реадaptации, способствуя сохранению повышенного СОК до 15,0%, что указывает на повышение эффективности деятельности сердечно-сосудистой системы. Показатели ЧСС на протяжении всего периода экспериментальных исследований существенно не отличались от исходных данных, изменяясь в пределах от 3,4 до 7,2%.

Пребывание спортсменов в условиях высокогорья и последующий период реадaptации не вызвали существенных изменений в картине красной крови. Наблюдалась вариативность показателей количества эритроцитов в пределах от 1,3 до 3,0%, которая не носила статистически значимый характер. Аналогичная динамика отмечалась и в концентрации гемоглобина (рис. 2). Очевидно, двигательный режим в виде активного отдыха в высокогорье является недостаточным стимулом для того, чтобы вызвать изменения функций крови, способствующие более эффективному транспорту кислорода.

Важным показателем, характеризующим аэробные возможности, функциональное состояние и общую физическую работоспособность

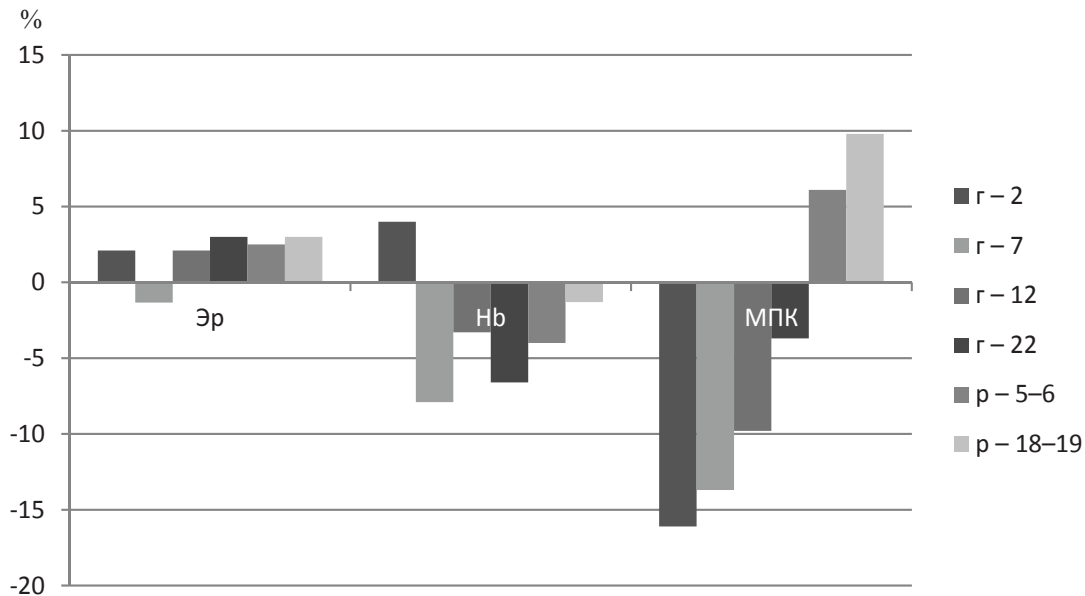

Рис. 2. Изменение показателей периферической крови и максимального потребления кислорода у спортсменов в высокогорье и в период реадaptации, % к исходным данным: г – день пребывания в горах, р – дни реадaptации

Fig. 2. Changes in peripheral blood parameters and maximum oxygen consumption in athletes in the highlands and during the period of readaptation, % of the initial data: г – day of stay in the mountains, р – days of readaptation

спортсменов в период пребывания в горах и в последующие дни реадaptации, является уровень максимального потребления кислорода (МПК). Уровень аэробных возможностей и физическая работоспособность зависят от высоты местности, в которой проживают и тренируются спортсмены. Начиная с высоты 1400–1500 м над уровнем моря, МПК, как правило, снижается на 3,0–3,5% на каждые 300 метров высоты [6]. Высокогорная адаптация сопровождалась снижением МПК на 19,3% ($P < 0,05$). В последующий период пребывания в горах наблюдался постепенный рост аэробной производительности, достигший в заключительные дни пребывания в горах величины на 3,8% ($P < 0,05$) ниже исходного уровня (см. рис. 2). Положительная динамика сохранилась и после спуска с гор, способствуя повышению МПК в заключительные дни наблюдаемого периода реадaptации на 9,8% по отношению к исходным данным.

Полученные данные свидетельствуют о формировании стабильной фазы адаптации, характеризующейся изменениями в организме, направленными на повышение устойчивости к гипоксии [4].

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, можно констатировать, что пребывание и выпол-

нение восстанавливающего двигательного режима в условиях высокогорья позволяет повысить аэробную производительность и эффективность в деятельности сердечно-сосудистой системы после возвращения в привычную обстановку проживания и тренировки. Таким образом, в условиях высокогорья, снизив напряженность тренировочного процесса для решения задачи восстановления после соревновательного периода и подготовки к последующему подготовительному периоду, можно не только сохранить ранее достигнутый уровень функциональной подготовленности спортсменов, но и добиться положительных изменений, которые позволят более эффективно реализовать задачи подготовительного и последующего соревновательного периодов тренировки.

Список литературы

1. Никитушкин В. Г., Сулов Ф. П. Спорт высших достижений : теория и методика : учебное пособие. М. : Спорт, 2018. 320 с.
2. Ганопольский В. П., Матвеев В. О., Родичкин П. В., Яковлев А. В. Повышение физической работоспособности спортсменов на основе интервальной гипоксической тренировки // Теория и практика физической культуры. 2019. № 10. С. 18–20.
3. Грушин А. А., Нагейкина С. В. Использование условий среднегорья в подготовке высококвалифицированных

- лыжниц-гонщиц к крупнейшим международным спортивным соревнованиям // Теория и практика физической культуры. 2016. № 5. С. 66–69.
4. Иорданская Ф. А. Гипоксия в тренировке спортсменов и факторы, повышающие ее эффективность. М. : Советский спорт, 2015. 157 с.
  5. Khodae M., Grothe H.L., Seyfert J.H., Van Baak K. Athletes at high altitude // Sports Health. 2016. № 8 (2). P. 126–132.
  6. Тимушкин А. В. Влияние климатических модификаторов высокогорья на функциональное состояние спортсменов // Биоразнообразии и антропогенная трансформация природных экосистем : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти А. И. Золотухина и Году экологии (г. Балашов, 18–19 мая 2017 г.). Саратов : Саратовский источник, 2017. С. 223–227.
  7. Тимушкин А. В. Влияние на организм пребывания и тренировки спортсменов в горах // Экопрофилактика, оздоровительные и спортивно-тренировочные технологии : материалы международной научно-практической конференции (г. Балашов, 1–3 октября 2015 г.). Саратов : Саратовский источник, 2015. С. 193–197.
  8. Зарифьян А. Г., Бебинов Е. М., Боголюбов В. В., Щербак Л. В. Некоторые особенности динамики элементов красной крови человека и животных в процессе горной реадaptации // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14, № 4. С. 76–79.
  9. Мосин И. В., Есаулов М. Н., Мосина И. Н. Оптимизация тренировочной нагрузки бегунов на средние дистанции в условиях среднегорья // Теория и практика физической культуры. 2018. № 10. С. 85–88.
  10. Мьякинченко Е. Б., Крючков А. С., Шестаков М. П. Некоторые аспекты использования условий гипоксии в тренировочном процессе спортсменов зимних циклических видов // Вестник спортивной науки. 2016. № 5. С. 22–28.
3. Grushin A. A., Nageykina S. V. Elite female cross-country skiers' training for major international sport competitions in middle altitude areas. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture], 2016, no. 5, pp. 66–69 (in Russian).
  4. Iordanskaya F. A. *Gipoksiya v trenirovke sportsmenov i faktory, povyshayushchie ee effektivnost'* [Hypoxia in Training Athletes and Factors Increasing Its Efficacy]. Moscow, Sovetskiy sport Publ., 2015. 157 p. (in Russian).
  5. Khodae M., Grothe H. L., Seyfert J. H., Van Baak K. Athletes at high altitude. *Sports Health*, 2016, no. 8 (2), pp. 126–132.
  6. Timushkin A.V. Influence of climatic modifiers of the highlands on the functional state of athletes. In: *Bioraznoobrazie i antropogennaya transformatsiya prirodnikh ekosistem: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyshchennoi pamyati A. I. Zolotukhina i Godu ekologii, Balashov, 18–19 maya 2017* [Biodiversity and Anthropogenic Transformation of Natural Ecosystems. Proceedings of the All-Russian Scientific and practical conference dedicated to the memory of A. I. Zolotukhin and the Year of Ecology (Balashov, May 18–19, 2017)]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2017, pp. 223–227 (in Russian).
  7. Timushkin A. V. The effect on the body of the stay and training of athletes in the mountains. In: *Ekoprofilaktika, ozdorovitel'nye i sportivno-trenirovochnye tekhnologii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Balashov, 1–3 oktyabrya 2017* [Ecophylaxis, Health and Sports Training Technologies. Proceedings of the International scientific and practical conference, Balashov (October 1–3, 2015)]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2015, pp. 193–197 (in Russian).
  8. Zarif'yan A. G., Bebinov E. M., Bogolyubov V. V., Shcherbak L. V. Peculiarities of red blood elements dynamics in humans and animals during mountain readaptation. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo Universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University], 2014, vol. 14, no. 4, pp. 76–79 (in Russian).
  9. Mosin I. V., Esaulov M. N., Mosina I. N. Middle-distance runners' middle-altitude training process management mode. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture], 2018, no. 10, pp. 85–88 (in Russian).
  10. Myakinchenko E. B., Kryuchkov A. S., Shestakov M. P. Role of hypoxia while training winter sport athletes. *Vestnik sportivnoy nauki* [Bulletin of Sports Science], 2016, no. 5, pp. 22–28 (in Russian).

References

1. Nikitushkin V. G., Suslov F. P. *Sport vysshikh dostizheniy: teoriya i metodika: uchebnoe posobie* [High Performance Sport: Theory and Methodology: Education Guidance]. Moscow, Sport Publ., 2018. 320 p. (in Russian).
2. Ganapol'skiy V. P., Matytsin V. O., Rodichkin P. V., Yakovlev A. V. Benefits of interval hypoxic training for physical progress and endurance. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture], 2019, no. 10, pp. 18–20 (in Russian).

Поступила в редакцию 25.03.2021, после рецензирования 13.04.2021, принята к публикации 13.09.2021
 Received 25.03.2021, revised 13.04.2021, accepted 13.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 472–476

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 472–476

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-472-476>

Научная статья

УДК 378.168

Видеоматериалы в образовательном процессе: опыт апробации и использования (на примере естественнонаучных дисциплин)

А. В. Молочко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Молочко Анна Вячеславовна, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической и социальной географии, farik26@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4877-207X>

Аннотация. Современное общество, как и современное образование, уже немислимо представить без технологических устройств визуализации и различных интерактивных материалов. Еще несколько лет назад зачастую не было возможности широко использовать не только динамические изображения, но даже аудиоматериалы. Сейчас же учебный процесс развивается в ногу с техническим прогрессом и сложно вообразить лекционное или семинарское занятия без образовательных средств визуализации информации. Однако время статичных презентаций заканчивается и ему на смену приходит использование учебных видеоматериалов различной направленности. В исследовании представлена подробная типология существующих на данный момент видеоматериалов, возможных к использованию в образовательном процессе. Также приводится пример реализации интерактивного видеоролика в учебной работе со студентами-географами. Особый акцент делается на вовлечении обучающихся в процесс проектирования, создания и оценивания творческих видеопроектов. Анализируется практическая польза от подобной педагогической технологии как для развития профессиональных навыков обучающихся, так и для творческого роста. Кроме того, в статье используются QR-коды студенческого проекта, дающие возможность просмотреть представленный в исследовании видеоматериал.

Ключевые слова: высшее образование, видеоматериалы, интерактивные образовательные технологии, QR-коды

Для цитирования: Молочко А. В. Видеоматериалы в образовательном процессе: опыт апробации и использования (на примере естественнонаучных дисциплин) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 472–476. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-472-476>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Video materials in the educational process: Experience of approbation and use (The case of natural science disciplines)

A. V. Molochko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Molochko, farik26@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4877-207X>

Abstract. Modern society, like a modern education, is no longer possible to imagine without technological visualization devices and various interactive materials. A few years ago, it was often not possible to widely use not only dynamic images, but even audio materials. Now the educational process is developing in step with technical progress and it is difficult to imagine a lecture or a seminar without educational means of visualizing information. However, the time for static presentations is coming to an end and it is being replaced by the use of educational video materials of various types and directions. The study presents a fairly detailed typology of currently existing video materials that can be used in the educational process. An example of the implementation of an interactive video clip in educational work with geography students is also given. The author pays special attention to the involvement of students in the process of designing, creating and evaluating creative video projects. Practical benefits of such a pedagogical technology are analyzed, both for the development of students' professional skills and for their creative growth. In addition, the article uses the QR codes of the student project, which makes it possible to view the video material presented in the study.

Keywords: higher education, videos, interactive educational technologies, QR code

For citation: Molochko A. V. Video materials in the educational process: Experience of approbation and use (The case of natural science disciplines). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 472–476 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-472-476>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сфера образования – интенсивно развивающаяся отрасль современного общества. Внедрение новых стандартов и форм обучения диктует совершенствование также и образовательных средств и технологий. Особенно отчетливо это проявилось в период тотального перехода на дистанционное обучение, явившееся следствием тяжелой эпидемиологической обстановки во всем мире. Стоит отметить, что столь быстрый и массовый переход от контактной работы к дистанционному формату стал своего рода испытанием как для преподавателей, так и, конечно, студентов. Тем не менее нельзя не выделить и положительные стороны этого процесса. Преподаватели смогли освоить и внедрить новые технические средства связи со студентами, получили возможность раскрыть свой творческо-педагогический потенциал.

Наглядные методы используются в учебном процессе уже давно и хорошо зарекомендовали себя. Если раньше преподаватели демонстрировали аналоговые плакаты, карты, схемы, то сейчас активно используются презентации, интерактивные доски, всевозможные онлайн-ресурсы. В данном исследовании отдельно хотелось бы остановиться на возможности применения видеоматериалов в образовательном процессе.

Еще Е. А. Каменский в своих исследованиях отводил принципу визуализации средств обучения одну из главенствующих ролей [1]. Восприятие информации через многоканальные обучающие средства проходит гораздо эффективнее, поскольку одновременное использование зрительного и звукового каналов лежит в основе принципа модальности. Продуктивность комплексного сочетания звукового и зрительного каналов можно объяснить тем фактом, что существуют 4 основных психотипа: аудиальный, визуальный, кинестетический и дигитальный. Первый лучше воспринимает звуковую информацию, второй – визуальные материалы, третий основывает свое восприятие на тактильных ощущениях, четвертый – через упорядоченность математических формул. В чистом виде невозможно найти каждый из психотипов. Так или иначе информация воспринимается многоканально. Опираясь на исследования, представленные в трудах Э. Дейла, и его «конус опыта», можно отметить, что «...люди, как правило, будут помнить: 10% того, что они читают; 20% того, что они слышат; 30% того, что они видят; 50% того, что они слышат и видят...». Именно поэтому эффективность использования видеоматериалов в учебном процессе неоспорима [2].

Видеоматериал – это визуальное изображение, являющееся исходным материалом для последующего воспроизведения [3]. Целесообразность использования видео в учебном процессе

можно объяснить наличием определенного опыта пользования видеотехникой и видеопродукцией, доступностью видеоматериалов, которые могут быть записаны с разных источников, возможностью более активной творческой деятельности преподавателя.

Форм использования видеоматериалов в учебном процессе может быть большое количество [4]:

1. Видео для использования на лекциях, особенно на вводных, при знакомстве с новой дисциплиной. Практическая ценность таких материалов заключается в повышении заинтересованности обучающихся предметом за счет нестандартности формы представления материала.

2. Видео практического (лабораторного) занятия, демонстрирующее модель процесса или явления. Часто подобного рода ролики применяются при изучении биологических, технических дисциплин, наглядно демонстрируя внутреннюю структуру или функционирование объекта.

3. Видео как форма студенческой отчетности. Данная форма используется в качестве дополнительной итоговой отчетности по отдельным дисциплинам.

Кроме этого можно выделить также различные типы учебных видеоматериалов [5]:

профессиональные учебные фильмы;
 студийные и натурные видеолекции;
 видеоинфраграфика (визуализация данных или идей, целью которой является донесение сложной информации до аудитории быстрым и понятным образом, через использование изображений, графиков, диаграмм, блок-схем, таблиц, карт, списков);

учебные анимации;
 скринкасты (цифровая видеозапись информации, выводимой на экран компьютера («видеозахват экрана»), часто сопровождающаяся голосовыми комментариями);

видеодемонстрации;
 видеокомиксы;
 интерактивные видеоролики с использованием специальных хостингов;

запись синхронных учебных мероприятий (вебинаров, видеоконсультаций и пр.);

видеотамлайн (учебное видео как способ фиксации временной координаты любой визуализации) и видеомасштабирование как способ фиксации процесса масштабирования;

3D визуализации;
 псевдовидео (презентации с озвучиванием, слайд-шоу, последовательность скриншотов, диалоги);

видео, выполненное в технологии «неоновая доска»;

видеоскрайбинг.

Отдельное внимание хотелось бы уделить интерактивным видеороликам.

Использование интерактивных видеороликов давно и успешно внедрено в учебный процесс студентов географического факультета Саратовского государственного национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского. Причем не в стандартной форме, когда преподаватель демонстрирует видеоролики аудитории в процессе лекционных или лабораторных занятий, а в форме дополнительного элемента аттестации студентов после освоения дисциплины. В таком случае перед студентами ставится задача – выбор сюжета, программных продуктов и монтаж ролика на заданную тематику. Апробация технологии проводилась со студентами направления подготовки «География» после прохождения учебной полевой практики «Топографическая». Выбор направления подготовки и дисциплины был обусловлен желанием усилить мотивацию студентов к изучаемому предмету. Студенческие группы должны были не только подготовить все традиционные материалы для итоговой аттестации, но и разработать сюжет, форму представления своего видеопроекта, а также пройти открытый конкурсный отбор на лучший фильм о практике. Команда-победитель стимулировалась дополнительными баллами, оказывающими влияние на оценку итоговой аттестации.

Целями учебной полевой топографической практики являются закрепление и углубление знаний, полученных студентами на лекционных и лабораторных занятиях, при выполнении самостоятельной работы, а также приобретение умений и навыков работы с геодезическими приборами, создания съемочного обоснования, топографической съемки и топографических карт [6]. Весь процесс практики включает в себя 3 основных этапа:

1. Подготовительный этап, обычно осуществляющийся преподавателями, проводящими практику, и представляющий собой инвентаризацию и проверки геодезического оборудования, а также подготовку всех сопутствующих материалов.

2. Полевой этап – основной, длительностью 2 недели (6 дней в неделю, по 6 ч в день). На этом этапе студенты в условиях, максимально приближенных к производственной деятельности, знакомятся с геодезическими приборами (теодолитом, нивелиром, GPS навигатором, чертежным планшетом для глазомерной съемки), организуют съемочный полигон и выполняют измерительные, расчетные и чертежные работы.

3. Камеральный этап, направленный на оформление отчета практики, коррекцию и исправление неточностей, а также сдачу аттестационного зачета.

Важно отметить, что для студентов-географов Саратовского национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского именно топографическая практика является первой в череде других полевых летних учебных практик. Студентам, бывшим еще совсем недавно школьниками и привыкшим только к аудиторной работе, зачастую сложно сразу и полноценно переключиться на подобный формат. Для более легкой адаптации и увеличения интереса обучающихся в учебный процесс была включена игровая интерактивная форма работы – создание видеополевого дневника бригады, способствующая также и укреплению командного духа студентов.

После прохождения практики студенческие бригады защищают отчеты, которые дополнялись не только стандартными полевыми дневниками, но и видеодневниками учебной топографической практики. Данное условие ставилось перед студентами на организационном собрании и преследовало следующие цели: усиление интереса к практике; обучение работы в группе (бригадах); активизацию творческого потенциала; усиление мотивации к успешной сдаче зачета.

Обычно студенческие видеодневники представляют собой нарезку фотографий или небольшую экскурсию по месту проведения практики. Но в минувшем году одна студенческая группа (бригада) решила в качестве видеодневника создать полноценный видеоклип с оригинальным текстом, сюжетом и монтажом. Сам видеоролик был продемонстрирован на итоговом зачете наряду с другими видеодневниками. Кроме наглядной аудиторной демонстрации и обсуждения результатов совместного просмотра всех видеодневников, ролик-победитель был загружен в социальную сеть ВКонтакте и видеохостинг TikTok. Выбор данных платформ обусловлен их большой популярностью среди молодежи. За короткий срок количество просмотров в социальной сети ВКонтакте достигло порядка 3500, что, безусловно, отражает повышенный интерес к подобной форме представления отчетных материалов учебной полевой практики. Более того, «вирусный» интерес у пользователей ВКонтакте выразился в создании так называемых «мемов», также отмеченных большим количеством просмотров и «лайков» (рис. 1).

Еще одним альтернативным вариантом использования интерактивных видеороликов является визуализация результатов выполнения лабораторных работ в небольшие авторские студенческие фильмы. Подобный опыт внедрения нестандартных интерактивных образовательных технологий прошел 3-летнюю апробацию на географическом факультете Саратовского нацио-

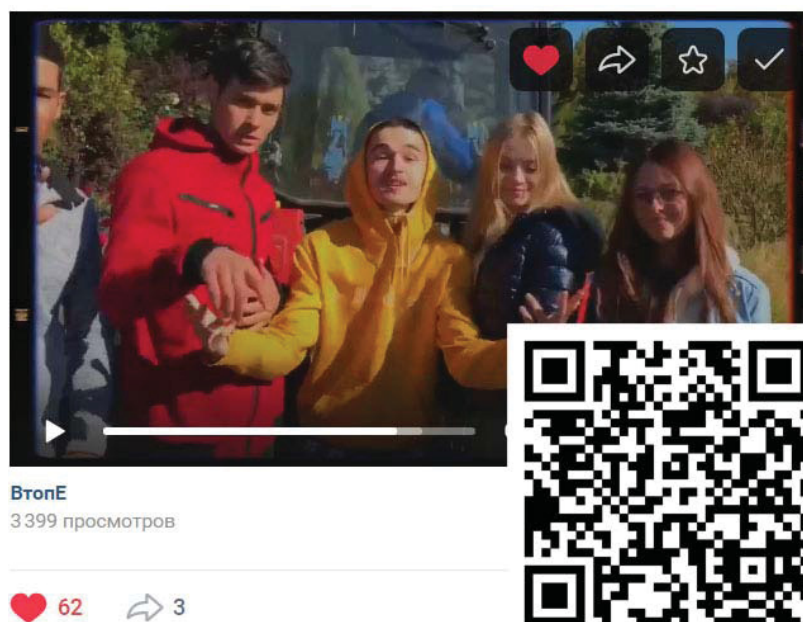

Рис. 1. QR-код на видеоклип о топографической практике (студенческая работа)
 Fig. 1. QR code for a video clip about topographic practice (student work)

нального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского со студентами старших курсов направления подготовки «Картография и геоинформатика» при освоении дисциплины «Тематическое картографирование». Данная дисциплина является базовой и направлена на формирование профессиональных и общекультурных навыков и умений в области картографирования природы. Основная задача курса – научить студентов глубоко понимать географические карты и атласы, в частности природной направленности, уметь проектировать, создавать и пользоваться ими в научных исследованиях и практической деятельности. Важным также является и получение навыков успешной презентации своих проектов для усиления конкурентных качеств выпускника-картографа. Кроме лекционных часов, много времени отводится лабораторным занятиям, результатом которых является создание цифровой и аналоговой карт одного из направлений картографирования природы. За все время преподавания данной дисциплины тематика выбора карт для выполнения лабораторных работ была обширна – от геоморфологических карт до карт зоогеографического районирования и геофизических. Помимо внедрения элементов традиционного картографирования (студенты используют в процессе подготовки аналоговой карты классические чертежные принадлежности, чертежную тушь, акварельные краски и пр.), интересным оказался опыт использования нестандартных форм визуализации, таких как голограммы и интерактивные видеоролики.

К процессу создания интерактивных видеороликов студенты подошли максимально заинтересованно и творчески. Сюжетную линию каждый обучающийся разрабатывал самостоятельно, и опыт 2020 г. показал, что карантинные ограничения сыграли положительную роль как в качестве представленных работ, так и в максимальной необычности реализации сценария [7].

Все студенческие проекты были опубликованы в социальной сети ВКонтакте, в открытом доступе и в среднем каждый набрал более 1000 просмотров. Для поддержки студентов в сложных условиях тотального карантина было решено провести открытое голосование за самый лучший видеоролик. Для чистоты оценки результатов работ был установлен временной лимит голосования (2 дня) и предоставлена возможность внесения голоса единожды с каждого IP-адреса. В результате открытый опрос собрал большое количество просмотров – около 1,2 тыс., а в голосовании приняли участие более 100 чел. (рис. 2).

Поскольку проект по созданию видеоролика являлся необязательным в рамках рабочей программы дисциплины, в качестве поощрения «победителей» открытого интернет-голосования было решено добавить определенное количество бонусных баллов в балльно-рейтинговую систему оценивания образовательной деятельности студента.

Резюмируя все вышесказанное, необходимо отметить, что использование разнообразных видеоматериалов в образовательном процессе

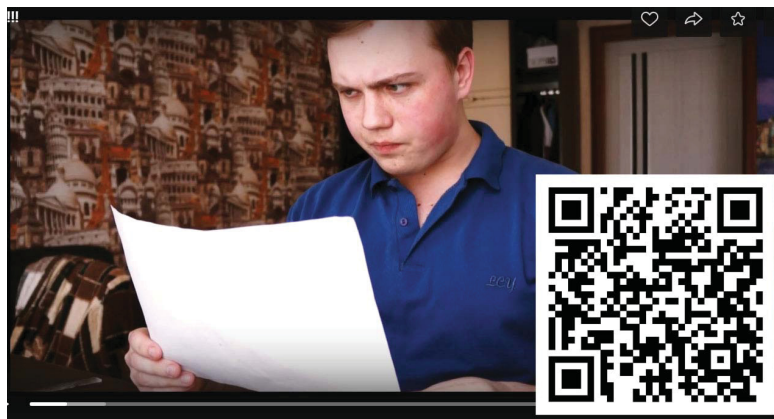

Рис. 2. QR-код на видеоклип о создании карты природы (студенческая работа)
Fig. 2. QR code for a video clip about creating a nature map (student work)

как со стороны преподавателя, так и со стороны обучающихся, расширяет не только возможности представления материала и перехода от статичных иллюстраций к динамическим, дополненным различными акцентирующими внимание эффектами, но и во многом мотивирует все задействованные в процессе обучения стороны к профессиональному, творческому, интеллектуальному и личностному росту.

Список литературы

1. Каменский Е. А. Избранные педагогические сочинения. М. : Педагогика, 1982. 576 с.
2. Использование учебного видео на занятиях. URL: <https://swsu.ru/sbornik-statey/using-educational-video-in-the-classroom.php> (дата обращения: 21.03.2021).
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1536 с.
4. Пакшина Н. А., Емельянов М. А. Возможности применения видеороликов в учебном процессе // Поволжский научный вестник. 2014. № 12-3 (40). С. 140–143.
5. Типология и примеры учебного видео. URL: <http://contentium.tilda.ws/page68440.html> (дата обращения: 10.03.2021).
6. Бондаренко А. М., Горбовская Т. В., Копнина В. В., Молочко А. В., Павлова А. Н. Учебная практика по топографии (геодезии) : учебно-методическое пособие для студентов географического и геологического факультетов. Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. 106 с.
7. Молочко А. В. По пути расширения границ восприятия и визуализации картографических образов // Видеонаука : сетевой журнал. 2019. № 2 (14). URL: <https://videonauka.ru/stati/31-metodika-prepodavaniya-estestvenno-nauchnykh-distitsiplin/po-puti-rasshireniya-granits-voispriyatiya-i-vizualizatsii-kartograficheskikh-obrazov> (дата обращения: 01.04.2020).

References

1. Kamensky E. A. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Writings]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. 576 p. (in Russian).
2. *Ispol'zovanie uchebnogo video na zanyatiyakh* (Using Training Videos in Classes). Available at: <https://swsu.ru/sbornik-statey/using-educational-video-in-the-classroom.php> (accessed 21 March 2021) (in Russian).
3. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p. (in Russian).
4. Pakshina N. A., Emelyanov M. A. Possibilities of Using Video Clips in the Educational Process. *Povolzhskiy nauchnyy vestnik* [Volga Scientific Bulletin], 2014, no. 12-3 (40), pp. 140–143 (in Russian).
5. *Tipologiya i primery uchebnogo video* (Typology and Examples of Training Videos). Available at: <http://contentium.tilda.ws/page68440.html> (accessed 10 March 2021) (in Russian).
6. Bondarenko A. M., Gorbovskaia T. V., Kopnina V. V., Molochko A. V., Pavlova A. N. *Uchebnaya praktika po topografii (geodezii): uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov geograficheskogo i geologicheskogo fakultetov* [Educational Practice in Topography (geodesy). Teaching Aid for Students of Geographical and Geological Faculties]. Saratov, Izdatelskiy Tsentr "Nauka", 2009. 106 p. (in Russian).
7. Molochko A. V. By the Way of Expanding the Boundaries of Perception and Visualization of Cartographic Images. *Videonauka: setevoy zhurnal* (Videonauka), 2019, no. 2 (14). Available at: <https://videonauka.ru/stati/31-metodika-prepodavaniya-estestvenno-nauchnykh-distitsiplin/31-po-puti-rasshireniya-granits-voispriyatiya-i-vizualizatsii-kartograficheskikh-obrazov> (accessed 1 April 2021) (in Russian).

Поступила в редакцию 09.04.2021, после рецензирования 20.04.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 09.04.2021, revised 20.04.2021, accepted 13.09.2021